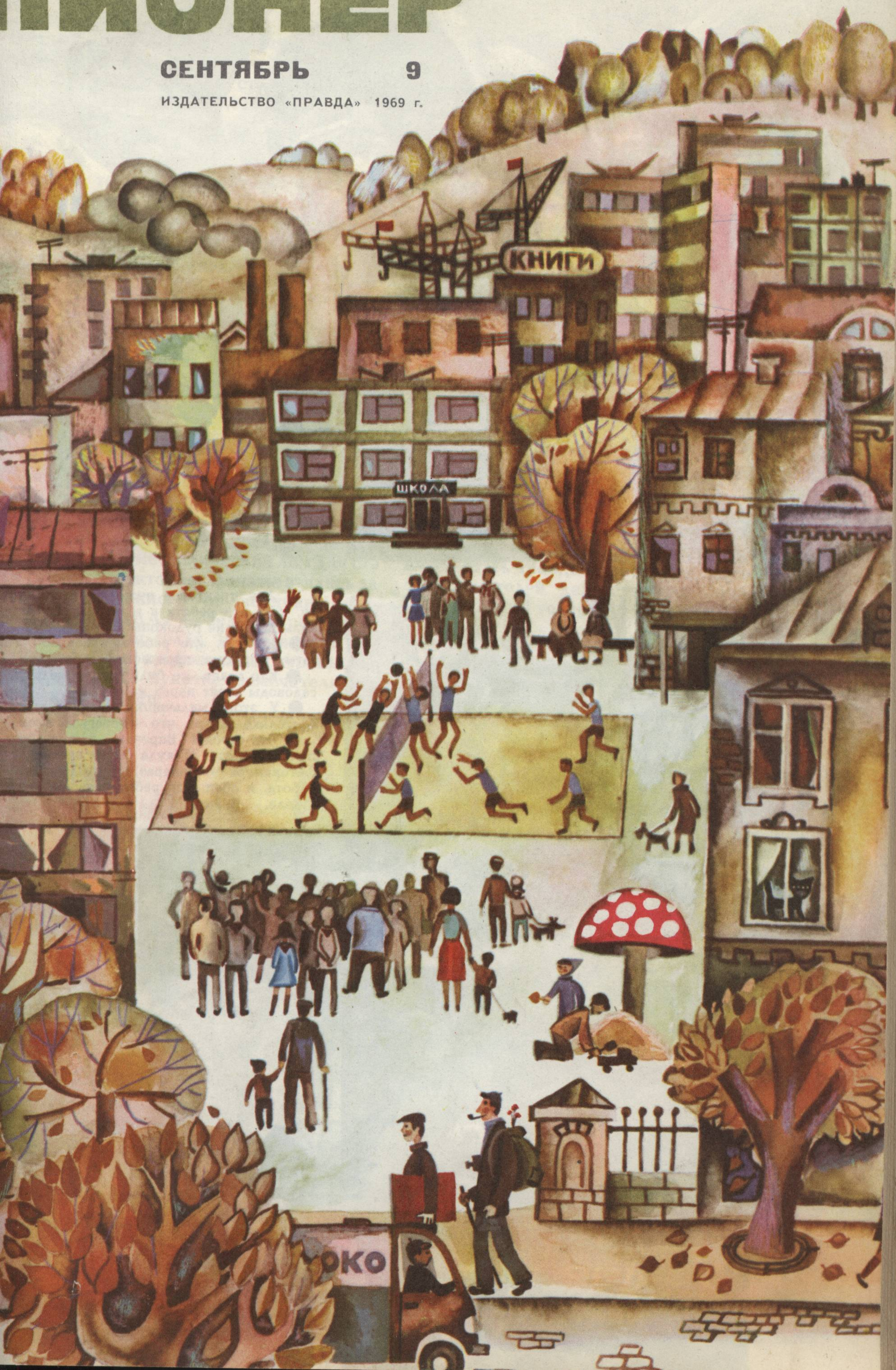
ПИОНЕР

СЕНТЯБРЬ 9

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1969 г.

● Для тракторов нужен металл. Вот он, хоть эти ребята в галстуках не плавильщики и не рудокопы.

● Вот тут, где работают сейчас лопаты, вырастет прекрасное дерево.

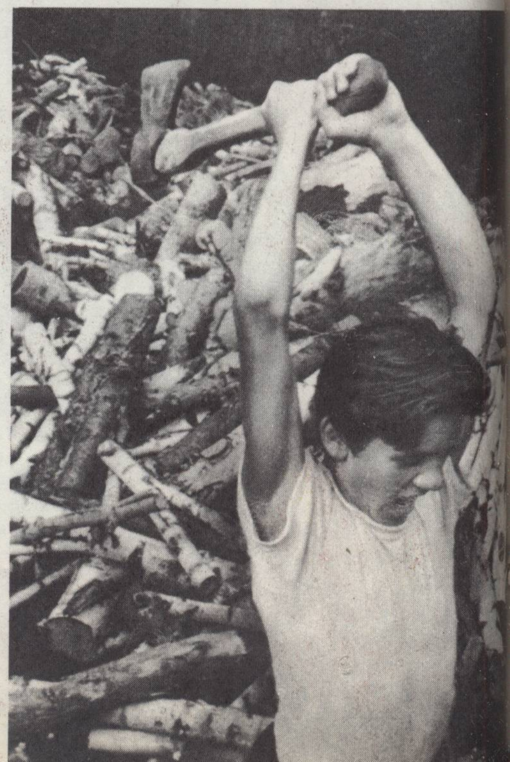
● Кто знает, не будущие ли великие садоводы стоят перед нами...

● У этого мальчишки крепкие руки и столько задора, что — берегись, дрова!

● Что строят? Впрочем, важнее: кто строит? Ребята! И, куда бы ни заглянула фотокамера «Пионера», повсюду кипит работа, и обещания ребят превращаются в дела.

Фото Я. ШАХНОВСКОГО.

Здравствуй, товарищ!

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

СЕНТЯБРЬ 9

Издательство «Правда»

1969 г.

Пришел сентябрь, и вот ты снова за школьной партой. Маловата стала тебе парта, и класс, кажется, стал чуть меньше. Значит, вырос ты за лето—вырос и повзрослел...

Как ты думаешь, что это значит — взрослеть?

Нет, не только становиться старше — было двенадцать, стало тринадцать. Взрослеть—это значит больше знать, уметь, чувствовать себя готовым стать полезным, это значит требовательнее относиться к своим поступкам, уметь ценить дружбу.

Страна наша готовится встретить великий юбилей — столетие со дня рождения основателя Коммунистической партии и Советского государства Владимира Ильича Ленина. Советские люди, готовясь к этому большому, общему празднику, хотят, чтобы Родина наша была еще богаче, сильнее, могущественнее.

И ребята, ты знаешь, хотят того же.

Во всех уголках нашей большой земли юные ленинцы ведут свою пионерскую экспедицию «ЗАВЕТАМ ЛЕНИНА ВЕРНЫ!»

Ребята готовят стране прекрасные подарки: собирают металлический лом для ста тысяч новых тракторов, юннаты взялись за посадку невиданного по величине «ЛЕНИНСКОГО САДА» — ведь он расцветет во всех городах и селах. И все вместе ребята нашей многонациональной страны решили создать на Чукотке замечательный пионерский дворец.

Но, участвуя в трудовых делах экспедиции, помни, товарищ: экспедиция — это проверка твоих личных качеств — твоего гражданского мужания, твоей верности и чести,— твоей личной чести юного ленинца и чести твоей организации.

Она проверяется и в учении, и в труде, и в дружбе, сплоченности и единстве.

Ты знаешь, летом 1970 года в городе Ленина откроется Четвертый Всесоюзный слет пионеров, посвященный столетию со дня рождения Ильича.

Пусть же наш слет будет рапортом партии, народу, комсомолу, пусть он покажет, что красногалстучная армия страны готовится стать гвардией ленинцев, достойных продолжателей дела старших поколений.

Будь готов, товарищ!

Т. А. КУЦЕНКО,
секретарь ЦК ВЛКСМ,
председатель центрального Совета
пионерской организации
имени В. И. Ленина

Мария ПРИЛЕЖАЕВА

ЖИЗНЬ

Бунт на Семянниковском

На рождество Семянниковский завод не работал. Под праздник должны были платить рабочим получку. Прогудел гудок. Станки остановились. Завод умолк.

Иван Бабушкин прибрал инструменты. Получить бы скорее получку да домой.

Вошел мастер в новых, скрипучих сапогах, плотный и сытый.

— Ребята, потерпите денег до вечера.

Из углов мастерской послышалось недовольно:

— Своего жди, как милости!

Но ничего не поделаешь, приходилось ждать. Рабочие толпились в мастерской и во дворе, топтались на морозе, дуя в кулаки. Поглядывали на проходную: не несут ли конторщики деньги из банка?

— Лучше бы работать, чем зря болтаться, все лишнее выработаешь,— ворчали рабочие.

Наконец на крыльце конторы появился управляющий в полушубке из белой овчины. Толпа хлынула к крыльцу.

— Нынче денег нет, завтра будем платить,— объявил управляющий.

И все. Иди домой под праздник с пустыми карманами. Напрасно ждут ребятишки гостинца, баранку или пряник. А у кого и на хлеб ни копейки нет дома.

— Нам шиш, а у капиталиста за день процент на деньги нарос,— сказал Бабушкин.

О таких случаях, какой произошел с ними сегодня, говорил Владимир Ильич на кружке. Объяснял: капиталисту выгодно подольше капитал в банке держать. Ему каждый день лишнюю прибыль приносит. А рабочие пускай погодят.

На другое утро, вместо того чтобы отдыхать, пришлось идти к заводу за жалованьем. Денег опять не платили. Время текло, короткий зимний день шел к концу, а конторщики с деньгами не показывались.

— Братцы, обманул нас управляющий! — раздался чей-то гневный голос. Как сигнал. Люди закричали, кинулись с улицы к проходным. В проходных образовалась давка. Рабочие в ярости рвали двери с петлей, били стекла.

— Получку пла-а-ти!

Просвистел первый камень, двуглавый орел над заводскими воротами закачался. Полетели камни, палки, куски каменного угля. Разбили фонарь. Толпы рабочих бросились к хозяйской лавке возле завода. Выбили дверь. Ворвались. Топорами и кольями крушили товар.

— Жечь управляющего! — послышался зов. Толпу понесло к флигелю управляющего. Флигель притаился, наглухо закрыл ставни. Рабочие навалили к запертому крыльцу поленьев и щепок, плеснули керосину. Пламя вспыхнуло, вскинулся к крыше столб черного дыма и искр.

ПОВЕСТЬ

Продолжение

Рисунки О. ВЕРЕЙСКОГО.

ЛЕНИНА

— Так его, так его, не будет обманывать! — кричали рабочие.

Но издали донесся звук медной трубы. Мчалась пожарная часть. Вестовой на жеребце подскакал к горящему крыльцу.

— Пшли вон! — заорал на рабочих.

Пожарные оцепили флигель, наставили лестницу, нацелили на огонь брезентовые рукава, — скоро пожар угас.

— Расходись по домам! — распоряжался брандмейстер в пожарной каске.

Народ стоял.

Брандмейстер махнул рукавицей. Поднялся пожарный рукав и принялся стегать по толпе ледяной струей. Люди побежали. Ледяной ливень гнал их, хлестал. Одежда лубенела на морозе.

Только к вечеру привезли деньги из банка. Хозяева побоялись дольше задерживать выплату. За получкой построились очереди измученных, угрюмых людей. Платили до ночи. К ночи завод утих.

Четыре листовки

Жандармы ходили по квартирам, хватали бунтовщиков-семянниковцев. Выкручивали за спину руки, вели в полицейский участок.

— Лавку хозяйскую бил? Бил. Садись в тюрьму, за решетку.

— Крыльцо управляющему жег? В тюрьму, за решетку.

Бабушкин ждал: «Придут и за мной».

Поздно вечером в дверь постучали. Быстро, коротко. Сердце упало: «За мной».

Бабушкин немного помедлил и пошел открыть дверь.

Стучался Владимир Ильич. Весь белый от инея, на бровях наморозило сугробики снега. Сбросил пальто и, потирая озябшие руки, зашагал по горнице.

— Ну, говорите! Выкладывайте. Как началось? Что пережили рабочие?

Бабушкину хотелось всю душу вылить Владимиру Ильичу. В памяти стоял вчерашний бунт на заводе, разгром хозяйской лавки, костер на крыльце управляющего.

— Нет, сознательному рабочему не кулаками надо бороться, — сказал Владимир Ильич. — Напишем об этом листовку.

Они сели рядом за стол. Шепотом, чтобы не услыхала хозяйка, обсуждали, о чем будут в листовке писать. О том, что настало время борьбы. Никто не освободит от рабства рабочего. Никто. Только он сам. Не кулаками надо бороться, а организацией.

«Товарищи рабочие, объединяйтесь, требуйте свои права у хозяев!» — призывала листовка.

Была поздняя ночь. Опершись щекой на кулак, Бабушкин следил за быстрым пером Владимира Ильича. И вдруг клюнул носом.

Владимир Ильич пошагал дальше.

— Я ничего, ничего, просто так.

— Просто так сидя уснул! — засмеялся Владимир Ильич.— Ложитесь-ка, завтра чуть свет на работу.

Бабушкин послушался, лег, а Владимир Ильич стал переписывать листовку. Надо переписывать крупными буквами, печатными буквами, чтобы рабочие могли легко разобрать. Владимир Ильич усердно выписывал каждую букву. Одна листовка, вторая, третья, четвертая...

Внезапно загудел фабричный гудок, заполнил все небо, все улицы и бился в замороженное оконце Бабушкина. Это Семянниковский завод звал рабочих к утренней смене. Загудели, завыли заводы и фабрики. Невская застава проснулась.

— Бабушкин, вставайте,— будил Владимир Ильич.

Бабушкин вскочил.

— Что? А? Где? Почему? — не понимал он со сна.

Тер глаза. Снится, что ли, ему Владимир Ильич? Нет, взаправдашний Владимир Ильич ранним рано у него в комнатушке. Бабушкин увидел на столе переписанные печатными буквами четыре листовки и все вспомнил.

— Надо распространить их среди рабочих,— сказал Владимир Ильич.— Жалко, больше не успел переписать.

Они вышли из дома. В небе еще не погасли ночные звезды. Тихо мерцали голубоватыми лучиками. Белые столбы дыма поднимались из труб. Улица была залита темными толпами рабочего люда. Владимир Ильич и Бабушкин смешались с народом.

Бабушкин нащупал в кармане четыре листовки. Сейчас потихоньку раздаст их знакомым рабочим. Те прочитают и передадут дальше. И тогда много рабочих узнают о том, как надо лучше устраивать стачки.

— Наш первый агитационный листок. В добрый час, Бабушкин! — сказал Владимир Ильич.

Минога

Узкая, длинная рыба. Непонятно, почему Надежде Константиновне Крупской, такой привлекательной девушке, дали кличку «Минога». Впрочем, членам «Союза борьбы» сплошь и рядом давали самые странные клички. Например, кличка Глеба Кржижановского — «Суслик». Чем он на суслика похож? Да ничем. Невысокий, живчик, глаза яркие, черные. Он был близким другом Владимира Ильича. Учился на инженера, а Маркса знал почти наизусть. И великолепно вел кружки на рабочих окраинах. Очень его Владимир Ильич за это ценил! А вот нижегородцев Анатолия Ванеева и Михаила Сильвина звали «Мининым» и «Пожарским». Вроде подходит, тоже нижегородцы. Что касается Владимира Ильича, прозвище у него было «Старик». За ум и образованность его так прозвали.

В один ноябрьский день, когда деревья Александринского сквера стояли уже позимнему белые, как в сказке о Деде Морозе, «Минога», то есть Надежда Константиновна Крупская, прогуливалась по скверу против Публичной библиотеки. На ней была короткая шубка. Меховая шапочка не закрывала косы. В маленькой муфте пальцы крепко сжимали тетрадку. Тетрадка

содержала сведения об ужасающей жизни рабочих.

Надежда Константиновна служила в управлении железных дорог, а еще была учительницей вечерней воскресной школы рабочих за Невской заставой. Эту тетрадку Надежде Константиновне принес рабочий фабрики, ее ученик. Сведения были нужны для листовки.

Год прошел, как Владимир Ильич сочинял вместе с Бабушкиным первую листовку и четыре раза переписывал ночью. Теперь «Союз борьбы» выпускал сотни листовок, тайно перепечатывал их на мимеографах и распространял по всему Петербургу.

...Вот наконец он, Владимир Ильич! Он появился в подъезде Публичной библиотеки. Надежда Константиновна, увидев его, заспешила на Невский. Они встретились на Невском и пошли вниз к Неве. Владимир Ильич взял ее под руку.

— Успешно работалось в библиотеке? — спросила Надежда Константиновна, а сама всунула в рукав ему из муфты тетрадку.

— Отлично! — ответил Владимир Ильич, глубже засовывая тетрадку в рукав.— Точные сведения?

— Да.

— Спасибо! — сказал Владимир Ильич.

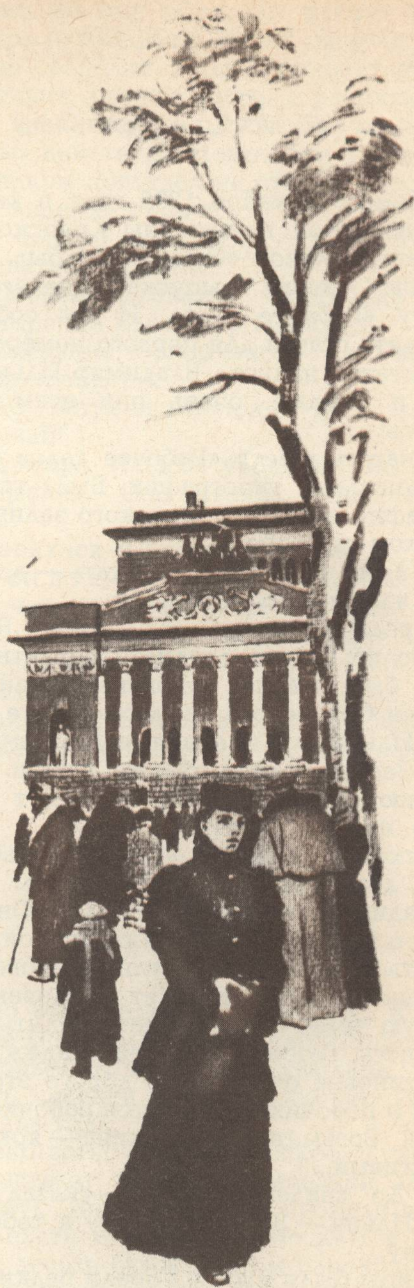
Она обернула к нему розовое от мороза лицо. У нее сияли глаза. Как хорошо было Владимиру Ильичу с этой девушкой, простой и серьезной! Они познакомились вскоре после приезда Владимира Ильича в Петербург. Неужели только тогда? Владимиру Ильичу казалось, он всю жизнь ее знал. Он любил делиться с ней мыслями. Она охотно и радостно помогала ему. У них были общие взгляды, общая цель, одно дело.

Вдруг Надежда Константиновна почувствовала, как Владимир Ильич предостерегающе сжал ее руку. Сзади следовал за ними человек. Неприятнейший тип, с поднятым воротником. Плечи сгорблены, руки в карманах. Владимир Ильич мгновенно перевел разговор. Громко стал толковать о самых житейских вопросах. О том, что на Лиговке, слышал, есть магазинчик, где дешевы зимние шапки. Надо бы съездить купить...

А сам все быстрее вел Надежду Константиновну по Невскому проспекту. Пересекли, свернули на какую-то улицу. Шпик, не отступая, шел по пятам.

— Разойдемся,— шепнул Владимир Ильич.

Они простились. Надежда Константиновна вернулась назад, на Невский, ждать конку. Владимир Ильич пошагал дальше случайной улицей. Шпик увязался за ним. Несколько минут Владимир Ильич быстро шел вперед. Вдруг круто свернул в переулок. Шпик не рассчитал, проскочил дальше по улице. А Владимир Ильич увидел в переулке роскошный подъезд богатого дома. С коврами и пальмами. И пустое кресло швейцара в подъезде. Мигом вошел, сел в кресло, схватил газеты со столика, загородился.

Надежда Константиновна вернулась на Невский.

Шпик прибежал в переулок. «Где человек, за которым шпионил? Сквозь землю, что ли, провалился?» Шпик рот от удивления разинул, побегал взад-вперед. И побрел восвояси ни с чем.

Такой у него жалкий был вид, что невольно Владимир Ильич не мог удержаться от смеха. Но скорей домой — нельзя тянуть время, как бы не явился швейцар! Владимир Ильич пощупал в рукаве тетрадку. Цела. Опасности позади. Скорее домой, за работу.

Не убьешь наше дело

Восьмого декабря 1895 года в квартире Надежды Константиновны Крупской было собрание членов «Союза борьбы». «Союз борьбы» решил выпускать нелегальную газету «Рабочее дело». И вот собрались обсудить статьи для первого номера. Главные статьи написал Владимир Ильич. Боевые и смелые, очень они всем понравились!

Печатать газету «Рабочее дело» решили в подпольной типографии. Была такая типография на берегу Финского залива в питерском пригороде.

— Там и будем печатать,— договорились члены «Союза борьбы».

Передали статьи Анатолию Ванееву. Анатолий Ванеев, двадцатитрехлетний студент, был стойким человеком. Всей душой предан был революционной работе. Владимир Ильич самые опасные дела ему поручал. Завтра Ванеев отвезет статьи в типографию, и скоро рабочие будут читать свою первую газету.

Расходились члены «Союза борьбы» поздно, довольные сделанным делом.

Владимир Ильич задержался. Они говорили с Надеждой Константиновной и наговориться никак не могли. О товарищах. Владимир Ильич откопает в человеке интересную черточку и пойдет хвалить, не нахвалится. Любил он людей! Надежде Константиновне очень было дорого это. Говорили о рабочих. Как рвутся рабочие к знаниям! Возьмите Бабушкина — яркий, талантливый...

— До свидания, Надя,— сказал Владимир Ильич.— Завтра прибегу к тебе сломя голову...

Улицы были пусты. Горели редкие фонари. Тусклый свет фонарей не заглушал света звезд. Владимир Ильич доехал на конке до Публичной библиотеки. Здесь тоже было пусто. Он был один. Липы Александринского сада наклонили сучья под тяжестью снега. Треснул сучок. С ветки хлынул снежный дождь. Хорошо было у Владимира Ильича на душе!

Он пришел домой на Гороховую улицу, где недавно снял комнату. Слишком уж за ним охотились шпики, из осторожности приходилось часто менять адреса.

Он вошел в дом на цыпочках, чтобы не разбудить хозяйку. Спать не хотелось. Решил почитать. Владимир Ильич подбирал материал для своей новой будущей книги. И сейчас, только сел, зачитался, увлекся. Взглянул на часы — скоро два.

— Надо ложиться,— сказал он себе и еще зачитался.

В два часа позвонили.

Владимир Ильич не сразу понял, удивленно прислушиваясь. Звонок повторился, резко, грубо. Зашлепали в коридоре ночные туфли хозяйки.

— Кто там? Кто там? — слышен был голос хозяйки у двери.

Первым вошел дворник в дубленом полушубке и фартуке. За ним бесшумно прошмыгнули в комнату Владимира Ильича двое штатских. Позади жандармский офицер.

— Предписание на арест.

Двое штатских бросились делать обыск. Рылись в книгах, ощупывали постель, осматривали печь и печную отдушину. Владимир Ильич без слов стоял у стены.

Он думал о товарищах. Что с ними? Один он взят или товарищи тоже? «А Надя? Что с Надей? Неужели наше дело пропало? Нет. Нас уже не погубишь,— думал Владимир Ильич.— Не убьешь наше дело. Встанут новые сотни тысяч рабочих. Поднимется на Руси весь рабочий народ».

Камера номер 193

Узенькое решетчатое окошко под потолком. Сквозь грязное стекло слабо льется серый свет. Железный откидной стол у стены. Железный стул. В углу прямо на пол свалены книги. Читать разрешается. Сестры и Надя натаскали Владимиру Ильичу уйму нужных книг. Надю не арестовали в ту ночь. А сестры с мамой приехали из Москвы, как только Владимира Ильича посадили в тюрьму.

Сегодня четверг — день свиданий. Владимир Ильич отложил в сторону книги. Надо заняться другими делами. Пошагал для разминки и стал у стола спиной к двери. В двери круглый глазок, надзиратель поминутно глядит. Стоя спиной к глазку, Владимир Ильич скатал из хлебного мякиша катышек, придавил пальцем углубление.

Зачем? Вот зачем: такая у Владимира Ильича из хлеба чернильница. Вместо чернил молоко. Он взял книгу и принялся выводить между строк молочными чернилами слова. Напишет слово, молоко просохнет — слова не видно. Сегодня передаст книгу домой. Надя или сестры нагреют страницу над лампой, и вот чудеса-то: медленно, постепенно слова начнут оживать, проявляются, как фотопластинка. Пожалуйста, читайте письмо. Владимир Ильич писал на волю не письмо, а листовку.

В ту ночь с восьмого на девятое декабря вместе с ним арестовали сто шестьдесят человек из «Союза борьбы». Но «Союз»

не распался. Там, на воле, поднятые «Союзом», бушуют на заводах забастовки и стачки. Владимир Ильич посылал листовки для стачечников.

За дверью громыхнули ключи, взвизгнул замок. Дверь отворилась. Вошел надзиратель. Владимир Ильич вмиг схватил хлебную чернильницу с молоком. И в рот. Проглотил.

Надзиратель приблизился. Поглядел. Ничего не увидел подозрительного: заключенный читает. Бренча ключами на железном кольце, надзиратель удалился из камеры.

А Владимир Ильич слепил новую чернильницу и продолжал писать. Потом и эту чернильницу съел. Так надзиратель и остался с носом, не узнал ничего.

Через час снова загремели ключи, Ульянова повели на свидание с невестой. Надежда Константиновна дожидалась по ту сторону двойной решетки. Руки нельзя пожать. Можно только кивнуть. Улыбнуться. Надежда Константиновна улыбнулась, хоть горько ей было видеть Владимира Ильича за решеткой. Молодец он! Нисколько не падает духом. Даже в тюрьме бодрый, веселый. Надежда Константиновна передала приветы от мамы и сестер. Здоровы. Помнят. Любят.

— Любят очень! — повторила она, и Владимир Ильич увидел,— лицо ее вспыхнуло, милое, такое родное...

Потом перешли к делам. Как говорить о делах, когда жандарм разгуливает между двойной решеткой и прислушивается к каждому слову?

— Сегодня отослал сестрам прочитанные библиотечные книги,— сказал Владимир Ильич.— Да еще Маняшину книгу,— добавил он после коротенькой паузы. И поглядел на Надежду Константиновну внимательно, очень внимательно.

«Маняшину,— отметила про себя Надежда Константиновна.— Он выделил: Маняшину. Что он хочет сказать? Никак не догадаюсь... А! Догадалась! Письмо или листовку надо искать в Маняшиной книге».

Надежда Константиновна закивала, раскраснелась от радости, что поняла. А Владимир Ильич продолжал дальше загадывать ребусы.

— Номер моей камеры знаешь?

— Еще бы не знать! Конечно. Сто девяносто три!

«Зачем он спрашивает? Не зря же он спрашивает. Ах, вот что! — сообразила она.— Листовку надо искать на странице 193! Ну, разумеется, он намекает на это!»

— Ты в театрах, Надюша, бываешь? — вдруг спросил Владимир Ильич.

Она подумала и ответила:

— Да.

— И со знакомыми видишься?

— Частенько, — лукаво улыбнулась она.— Со всеми знакомыми вижусь.

Ловко же они обводили вокруг пальца жандарма! Владимир Ильич получал важнейшие сведения. Надя посещает театры. Это значит, держит связь с рабочими. Со всеми знакомыми видится. Значит, «Союз борьбы» действует. Новых арестов нет.

Жандарм поглядел на стенные часы.

— Свидание окончено.

Как быстро пролетел час! Не хочется расставаться. Грустно.

— Скорее расскажи что-нибудь о себе! — торопил Владимир Ильич.

— Свидание окончено,— непреклонно перебил жандарм.

— До встречи, Володя! Будь здоров! Не скучай!

Владимира Ильича уводили. Он шел и оглядывался. Она стояла, пока его не увели.

Повернулся в замочной скважине ключ. Снова он в камере. Но все в нем было полно впечатлением встречи. Он представил, вот Надя выходит из тюрьмы. Вот, может быть, сейчас направляется к Публичной библиотеке...

Владимир Ильич долго шагал в полумраке по камере и вспоминал, вспоминал.

Зеленая лампа

Ровно год Владимир Ильич жил в ссылке, в не ведомом никому селе Шушенском. Да в тюрьме отсидел перед ссылкой четырнадцать месяцев. Да осталось еще ссылки почти два года.

Далеко затерялось сибирское глухое село! Шестьсот верст от железной дороги. Железную дорогу недавно провели по Сибири, ехать поездом из Москвы в Красноярск десять суток. Потом пароходом суток пять вверх по реке Енисею. Потом лошадьми. Тогда уж и Шушенское.

В этот день, 7 мая 1898 года, Владимир Ильич нарушил обыкновение, не сел писать книгу «Развитие капитализма в России». Книгу о том, что в русских деревнях и городах все больше силы набирают капиталисты и кулаки и все беднее и тяжелее жить под властью капитала народу.

Утром постучал в окошко крестьянин, бедняк Сосипатыч, щуплый, проворный, в треухе и худеньком зипунишке, с ружьем через плечо.

— Слышь, Владимир Ильич, идем, однако, уток стрелять.

Сосипатыч опасался, не стал бы Владимир Ильич отказываться, а он тотчас согласился. Владимир Ильич был неспокоен. Пора Надежде Константиновне приехать из Питера, а она все не едет. Надежда Кон-

Владимир Ильич стал с ружьем.

стантиновна позже товарищей тоже отсидела за революционную работу в петербургской тюрьме. После тюрьмы назначили в ссылку. Выхлопотала, чтобы в Шушенское, к Владимиру Ильичу. Теперь вот добиралась, да что-то долго уж очень. Открылась ли по Енисею навигация? Может, в Красноярске ждет парохода?..

Чтобы заглушить неспокойные мысли, Владимир Ильич снял с гвоздя берданку — и вон из избы.

— Сапоги подходящи, однако,— одобрил Сосипатыч.

Сапоги у Владимира Ильича, и верно, подходили для лазанья по топям за утками. Болотные сапоги, выше колен. Старенькая берданка заряжена утиной дробью. Они отправлялись верст за десять, на Перово озеро. Уток там водилась такая масса, что берега были усыпаны белым утиным пером, будто снегу навалено. Оттого и называлось озеро Перовым.

А денек удался чудесный. Солнце грело нежарко, и каждый листик и травка насквозь светились под веселым лучом. Как умытые, свежо зеленели. Синие и лиловые ирисы пышно раскрылись в траве. И вдали, по всему горизонту, на голубом небе высилось громадное, слепящее, яркое. Это были одетые снегом Саяны.

Версты три отшагали, и Владимир Ильич почувствовал во всем теле бодрость и свежесть. Хоть двадцать, хоть сорок верст готов так идти. Да слушать истории Сосипатыча. Сосипатыч знал, чего Владимиру Ильичу надо. Рассказывай ему о деревне, о кулаках-мироедах, о своей жизни бедняцкой. «Эх-ма, не жизнь, а жестянка!» Описывай ему всю деревню подряд. В том дворе такой-то хозяин. Сколько едоков? Скотины? Земли?

В том дворе, в третьем и в пятом. Да не приври ни полслова...

— Стой. Вон и озеро. Гляди не промажь, Владимир Ильич. Первый-то выстрел не промажь, примета такая,— захлопотал Сосипатыч, когда подошли к месту охоты. Охотничьих примет у Сосипатыча уйма! Например, воз сена встретишь — хорошо. А они нынче как раз сено встретили.

— Ты уж первым-то выстрелом не подпорти, Владимир Ильич!

Владимир Ильич стал с ружьем. Удивительная радость — стоять с ружьем и внимать жизни леса! Птичьему свисту и трелям. Хлопотливому дятлу. Озорному кукованью кукушки. Шелесту ветра в ветвях.

В густых камышах Перова озера что-то зашевелилось, шумнуло: большая сизотемная кряква поднялась и тяжело пролетела в десяти шагах от Владимира Ильича. Он бабахнул. Мимо! Засмотрелся, опоздал спустить курок.

— Эх-ма, Владимир Ильич, воронишь, однако! — рассердился Сосипатыч.

Впрочем, несмотря на примету, охота дальше пошла хорошо. Настреляли уток. Развели костерик. Вскипятили в закопченном чайнике чай. Сосипатыч в счастливом расположении духа принялся подзадоривать Владимира Ильича остаться на ночь. К ночи утки поднимутся из камышей на жировку, что тут будет! Тучи неоглядные!

Сильно задорил, но Владимира Ильича какое-то предчувствие звало домой.

Стемнело. Пригнали стадо в село. Во дворах доили коров, слышалось дзеньканье молока о подойник. Да журавли колодцев скрипели, поднимая воду. Где-то блеяла заблудившаяся овца.

— Гляди, Владимир Ильич, свет у тебя,— заметил Сосипатыч.

Владимир Ильич и сам видел. В его двух оконцах в избе, крайней по проулку, горел свет. Зеленый. Горячее, радостное поднялось в груди Владимира Ильича. На крыльце в темном платьице, тоненькая и легкая, стояла Надежда Константиновна. Владимир Ильич вбежал на крыльцо.

— Идите-ка, идите, показывайтесь, какой вы здесь стали,— звала из комнаты Надина мать Елизавета Васильевна.— Невеста приехала, а он, гуляка, на охоту закатился до ночи!

В комнате горела лампа под зеленым абажуром.

— Тебе для работы. От зеленого света спокойней глазам,— сказала Надежда Константиновна.

Она везла эту лампу из Москвы десять суток в поезде. Потом на пароходе. Потом на тряской телеге. Крепко держала в руках. Боялась, не довезет зеленую лампу до Шушенского! Вот довезла.

Уважь, Владимир Ильич

Надежда Константиновна невестой Владимира Ильича приехала в Шушенское. Назначили венчание, а для венчания непременно нужны были кольца. Где их добыть? В Шушенском, кроме Владимира Ильича, жили ссыльные: поляк Ян Проминский с семьей и финн Оскар Энгберг. До ссылки Оскар работал на Путиловском заводе в Петербурге. Да еще знал ювелирное дело.

Когда Надежда Константиновна собралась в ссылку, Владимир Ильич написал в

— С бедой я, уважь, Владимир Ильич, дай совет.

письме: привези, пожалуйста, Оскару инструментов, а то заскучал без работы парень. И на жизнь зарабатывать надо.

Надежда Константиновна привезла Оскару целую корзину инструментов. Оскар Энгберг и выковал Владимиру Ильичу с Надеждой Константиновной из медных пятаков кольца. Надежда Константиновна всю жизнь их берегла.

Зажили по-семейному. Переехали на квартиру в новый дом на самом берегу реки Шуши. Дом был отличный ото всех. С высокими окнами. И особенно выделялся двумя колоннами на парадном крыльце. Откуда он, такой необычный, взялся? Вот откуда. Власти издавна ссылали в Шушенское, дальнее село, политических. В сороковых годах здесь в ссылке жили два декабриста. Один декабрист знал архитектурное дело. Он и сочинил проект дома с колоннами, в котором теперь поселились Ульяновы и Елизавета Васильевна.

Соорудили Владимиру Ильичу рабочий уголок в новой квартире. Полку с книгами поставили. И конторку. Конторка была высокая, с покатой, как у парты, крышкой и перильцами. Лампа на конторке с зеленым абажуром. Зимними вечерами рано гаснут в Шушенском окна, а зеленый огонек Владимира Ильича все горит...

Он любил писать стоя. Книгу «Развитие капитализма в России», очень большую книгу, почти всю написал, стоя у конторки. Много работал Владимир Ильич! И книга, и статьи, и переводы с английского! Переводы с английского они делали вместе с Надеждой Константиновной для заработка и отсылали в Петербург в редакцию. Надежда Константиновна была хорошей помощницей Владимира Ильича! Была у нее и своя работа — писала брошюру о женщине-работнице. Ведь она хорошо знала рабочую жизнь.

Так всегда они в Шушенском с утра до полдня, а то и до вечера занимались писанием: он за конторкой, она за столом.

Полдень. Елизавета Васильевна стукнула в дверь: пришел посетитель. Очень занят Владимир Ильич, не хочется отрываться от рукописи, так уж не хочется! Но если пришел за советом бедный крестьянин, все дела в сторону! Елизавета Васильевна впустила крестьянина. Он был весь выцветший, с впалыми щеками, в морщинах, хотя еще и не очень старик. Поискал икону в углу, не нашел, покрестился на окно.

— Садитесь, пожалуйста,— пригласил Владимир Ильич.

Крестьянин сел, поставил у ног кринку, завязанную в кумачовый платок.

— С бедой я, уважь, Владимир Ильич, дай совет.

— Говорите, говорите, пожалуйста,— живо отозвался Владимир Ильич и приготовился слушать, заложив пальцы за проймы жилета.

Крестьянин был дальний, долго рассказывал, кто таков да откуда, пока наконец добрался до беды. Вот какая случилась беда у него. От нужды послал старшую дочь в работницы к богатому мужику на год за двадцать целковых. Отработала девка одиннадцать месяцев, а тут заболела мать, да шибко, с печки от хворобы не слазит. А изба малых ребятишек полна. Пришлось старшей дочери домой ворочаться, за хворой матерью и ребятишками ходить. А хозяин за работу платить отказался, говорит: договор нарушен, месяц до года не дожила.

— Неужто задаром почти полный год девка работала? — сокрушался мужик.— Так и оставить?

— Нет, так оставить нельзя! — решительно воскликнул Владимир Ильич. Зашагал по комнате, быстро, гневно.

Мужик следил за ним слезящимися глазами. Вздыхал. И Надежда Константиновна, кутая плечи в платок, ждала, что решит Владимир Ильич.

— Вот что, напишем в волостное правление, потребуем закона, а кулака судом припугнем,— сказал Владимир Ильич.

Остановился у конторки, минуту подумал, и через полчаса бумага готова. Убедительная получилась бумага. Подробно объяснил Владимир Ильич мужику, куда отнести бумагу, что говорить, с кем говорить. Втолковывал, что никак нельзя уступать кулаку.

— Правда за вами,— втолковывал Владимир Ильич.— Не сдавайтесь. Откажут по первому прошению, еще приходите. Дальше будем писать. Добьемся закона. Правда за вами.

Мужик теребил и мял шапку в руках, качал головой, благодарил. Поднял с пола кринку в кумачовом платке и Надежде Константиновне:

— Прими маслица в благодарность, хозяюшка.

— Что вы? Что вы? — воскликнула Надежда Константиновна.— Да разве можно! Да что вы надумали-то?

— Нет уж, масла не надо,— решительно сказал Владимир Ильич.

Никак было мужику невдомек, почему они отказываются от благодарности, чудные люди. Ведь бумагу-то писал Владимир Ильич? За спасибо, выходит?

Ушел. Унес в сердце добрую память о политическом ссыльном Ульянове.

Во многих крестьянских сердцах за свою жизнь в Шушенском оставил Владимир Ильич навсегда по себе добрую память.

Что было в мае

В прошлом году Владимир Ильич встретил Первое мая один. Настал новый май— теперь Надежда Константиновна с ним. Надумали они по-революционному отпраздновать Первое мая.

Утром позавтракали, принарядились. И тут в дверь Проминский. Тоже нарядный, в галстуке.

С Первым маем вас!

Владимир Ильич завел охотничью собаку, совсем еще молоденькую и резвую, Женькой назвал. Женька с веселым лаем кинулась навстречу Проминскому, думает, пришел звать на охоту.

Все собрались. И отправились к Энгбергу. И Женьку с собой взяли.

По реке Шуше шел лед. Льдины толкались, спешили и утекали в Енисей. Над рекой слышалось шуршание льда. Небо было синее. Было радостно, хотелось петь.

Пришли к Энгбергу, уселись на лавке, запели:

День настал веселый мая,
Прочь с дороги, горя тень!

Песнь раздайся, удалая!
Забастуем в этот день!

Полицейские до пота
Правят подлую работу,

Нас хотят изловить,
За решетку посадить.

Мы плюем на это дело,
Май отпразднуем мы смело,

Вместе разом,
Гоп-га! Гоп-га!

Спели одну песню, принялись за другую. Весь этот день полон был пения.

Попраздновали у Энгберга, пошли на луг. Там, вдали от села, под синим шатром неба, загремела «Варшавянка»:

Вихри враждебные веют над нами,
Темные силы нас грозно гнетут,
В бой роковой мы вступили с врагами,
Нас еще судьбы безвестные ждут.

Революционную гордую песню «Варшавянку» привез из Польши Проминский. Когда его гнали в сибирскую ссылку, попал в Московской пересыльной тюрьме в одну камеру с русскими марксистами, членами «Союза борьбы». Там был Глеб Кржижановский. А Глеб Кржижановский был не только инженер и марксист. Он еще и стихи сочинял. Проминский в тюрьме тихонько пел «Варшавянку» по-польски. Глеб Кржижановский на русский переводил:

На бой кровавый,
Святой и правый,
Марш, марш вперед,
Рабочий народ!

Неслись зажигающие слова над Шушенским лугом в этот день Первого мая.

Счастливый был день! Вечером Владимир Ильич и Надежда Константиновна долго заснуть не могли. Все говорили, мечтали о будущем. Придет ли время, когда в свободной России рабочие и весь народ свободно будут праздновать Первое мая с красными флагами?

А назавтра... Пыль по дороге столбом. Топот копыт. В Шушенское прискакали жандармы. Тарантас подкатил под окошко Владимира Ильича. Тпру-у! Лошади стали. Спрыгнули с тарантаса двое жандармов при шашках. С заднего сиденья сошел жандармский полковник, коротенький, плотный, перехваченный поясом, с револьверной кобурой.

— Обыск! — бросил жандармский полковник. И прямо в рабочую комнату Владимира Ильича, к книжному шкафу. А там на нижней полке запрещенная литература, нелегальная переписка, химические средства для шифрованных писем. Найдут жандармы — годы ссылки набавятся. Много, может быть, лет.

— Пожалуйста! — сказал Владимир Ильич, подставляя стул к книжному шкафу.

Поразилась Надежда Константиновна его выдержке!

— Пожалуйста. Откуда начнете?

Владимир Ильич, спрашивая, кивнул на верхнюю полку. Коротенький полковник, поддержанный жандармами под локти, пыхтя, забрался на стул. Начал обыск сверху. А книг масса. Сотни книг! И научные тут были книги. И Пушкин был. И Тургенев.

Полковник полистал полчаса, час. Уморился. Велел жандармам продолжать обыск. Сам сел. Глаза скучные. Попробуй перелистай сотни страниц. Жандармскому полковнику и смотреть-то на эту уймищу книг было скучно. Медленно ползло время.

Владимир Ильич изредка давал объяснения, какие где расположены книги. Спокойно, таким тоном уверенным.

И вот добрались до нижней полки. И вот судьба ссыльных Ульяновых висит на волоске.

Надежда Константиновна выступила вперед и улыбчиво:

— А здесь моя педагогическая литература. Я ведь учительница.

— Отставить! — махнул рукой жандармский полковник. Он хотел есть. Рюмочку водки выпить хотел. Умаялся он.

«Ну их, этих ссыльных! Учены уж больно».

И обыск закончился. Как раз перед нижней полкой закончился. А там нелегальная литература, химические средства...

Жандармы уехали.

Елизавета Васильевна вошла. Все время обыска она просидела в соседней комнате, нервно куря папироски одну за другой.

— Пронесло? — шепотом спросила Елизавета Васильевна.

— Пронесло! — засмеялся Владимир Ильич и добавил сибирское словечко: — Однако...

У постели Ванеева

Два раза в неделю почтарь приносил почту. Иногда полмешка притащит писем и книг. Шмякнет об пол:

— Читайте!

Писали родные, писали товарищи. На пятьдесят и сто верст в округе жили ссыльные члены «Союза борьбы». Жили и дальше, совсем далеко, в самых гиблых, ледовых местах.

Один раз Владимир Ильич получил из дома пакет — от Анны Ильиничны. Секретный, это он сразу распознал по условной крохотной метке. Значит, в пакете есть что-то важное. Так и было. Проявил тайнопись: перед ним сочинение.

Сестра писала в письме, вот, мол, познакомься, какие в Питере пошли взгляды вместо марксизма.

Владимир Ильич стал читать. Сдвинул брови, нахмурился. Не понравилось ему сочинение, какое прислала Анна Ильинична. Сестра назвала его нерусским названием «Кредо». На русский перевести, значит «верования, взгляды».

«Собралась,— писала в письме Анна Ильинична,— группа людей и стала высказываться против марксизма. Небольшая группка, а бойкая. Что же она проповедует? Вот что. Рабочим неинтересна политика. Рабочим не нужна революция. Рабочие хотят одного: чтобы повыше был заработок. А для этого надо мирно жить с хозяевами, кулаками и фабрикантами».

Такие взгляды назывались «экономизмом». Владимир Ильич и его товарищи были марксистами. А то появились «экономисты».

— Что делать? — вслух раздумывал Владимир Ильич, шагая по комнате.— Ведь они уводят рабочих от революционных задач!

Надежда Константиновна знала привычку Владимира Ильича иногда думать вслух. Не надо мешать. Сейчас он найдет решение.

И верно. Пошагал, пошагал, потер лоб и нашел.

— Созовем товарищей. Обсудим «Кредо». Напишем протест. Подпишемся под протестом и разошлем тайно по заводам и фабрикам.

Тут же они с Надеждой Константиновной принялись писать письма всем ссыльным друзьям, чтобы придумали причину, отпросились бы у властей и приезжали на сбор. А где назначить сбор? Самое подходящее — в Шушенском. Но Владимир Ильич выбрал село Ермаковское, шестьдесят верст от Шушенского. Там жил в ссылке друг и помощник Владимира Ильича по «Союзу борьбы» Анатолий Ванеев. В тюрьме он тяжело заболел. Вцепилась чахотка и грызла. Грызла все злее. С постели подняться не мог.

Вот почему Владимир Ильич назначил сбор в селе Ермаковском. Политические ссыльные собрались из разных мест.

Ванеев лежал на белых подушках. Сам белее подушки, исхудалый, с лихорадочным блеском в огромных глазах. И счастливый. Как он был рад! Он участвовал в общем деле. Хочется жить! Работать! Приносить людям пользу.

Обсудили «Кредо». Подписали протест. Полетит в рабочие кружки по всем городам революционный призыв из далекой Сибири: «Товарищи, не слушайте «экономистов». У нас один путь — революция!»

После сбора Владимир Ильич не ушел, сел у постели Ванеева. Ванеев устал. Холодный пот крупными каплями выступил на лбу. Глаза провалились, как в ямы.

— Не уходи,— слабо выговорили бледные губы.

Владимир Ильич не уходил. Бедный Ванеев, замученный царской тюрьмой и неволей! Владимир Ильич гладил его исхудалую руку. И говорил, делился планами. Скоро ссылке конец. Владимир Ильич рассказывал, что будет после ссылки. Создадим рабочую марксистскую партию. Будем выпускать газету, нашу пролетарскую газету. Будем бороться с царизмом.

Ванеев слушал жадно, восторженно. Августовский вечер за окном потемнел. Издалека долетали щемящие грустные звуки гармоники. А Ванеев шептал пересохшими от жары губами:

— Спасибо, Владимир. Ты вдохнул в меня жизнь. Я верю...

Это был последний счастливый вечер Ванеева.

Не прошло и трех недель, Владимир Ильич и Надежда Константиновна снова приехали в село Ермаковское хоронить Анатолия.

— Прощай, Анатолий,— говорил над гробом Владимир Ильич.— Клянемся тебе, мы будем верны революционному делу.

Полковник, пыхтя, забрался на стул. Начал обыск сверху.

Летели первые снежинки, падали и не таяли на мертвом лице Анатолия.

Владимир Ильич заказал чугунную плиту на могилу:

«Анатолий Александрович Ванеев. Политический ссыльный. Умер 8 сентября 1899 г. 27 лет от роду. Мир праху твоему, товарищ».

На волю!

Непонятное происходило в доме. Непривычное. Чемоданы, узлы, связки книг во всех комнатах. Обычный порядок был странно нарушен. Женьку с каждым часом все больше разбирало беспокойство. Она ходила по дому, открывая носом двери. Всюду сваленные на пол книги, клочки бумаг, обрывки веревок. Женька тыкалась в плечо Владимира Ильича, присевшего на корточки перед кипами книг. Владимир Ильич связывал книги, а Женька, жалобно ласкаясь, подскуливала: «Да объясните же, что тут у вас?»

— Время пришло расставаться,— сказал Владимир Ильич. Потрепал Женьку. С каким восторгом сопровождала она его на охоту! — Настала, Женька, пора расставания. Передадим тебя в надежные руки.

Помощница Елизаветы Васильевны по хозяйству, синеглазая Паша, проливала горючие слезы, утираясь фартуком. Уезжают из Сибири ссыльные поселенцы Ульяновы, кончилась ссылка, отжили срок. Скучно будет Паше, однако, без них! А Минька, шестилетний соседский мальчонка, азартно подбирал брошенные в суматохе тетрадку, карандаш, коробку из-под монпансье и тому подобные ценности.

— Тетенька Надежда Константиновна, можно?

Пришел Оскар Энгберг. Надежда Константиновна с ним занималась, читали «Капитал» Карла Маркса. Оскар на прощание принес подарок. Из крышки часов сделал брошку в виде книжечки, старательно вырезал надпись: «Капитал» Маркса, том I — на память о наших занятиях».

— До свидания, товарищ Энгберг! — простились Надежда Константиновна и Владимир Ильич.— Придется ли встретиться?

— Вот революцию сделаем...— ответил Оскар.

Двадцать девятого января до рассвета, когда в Шушенском еще сонно глядели темные окна, дымы еще не поднимались над трубами и за околицей склонилось к земле предутреннее мглистое небо, у крыльца остановилось двое саней. Утирая фартуком слезы, забегала туда-сюда Паша. Владимир Ильич принялся грузить книги и вещи. Все помогали, суетились.

— Сядьте, да сядьте же, посидеть перед дорогой надо,— уговаривала Елизавета Васильевна.

Посидели молча.

— Едем! В путь! — вскочил Владимир Ильич.

Мороз стоял основательный. Владимир Ильич помог женщинам надеть в дорогу дохи. Укутал, подоткнул с боков сено.

— Владимир Ильич, а вы-то без дохи, обморозитесь! — забеспокоилась Елизавета Васильевна.

— Меня радость греет, что едем на волю, никакой мороз не прошибет,— ответил Владимир Ильич.

— Ну, хоть муфту мою возьмите, руки-то спрятать!

Он засмеялся, взял муфту, залез в сани. И кони понесли.

Вот и Шушенское позади, навсегда. Вот и небо заяснелось. Вспыхнуло облачко. Полился на востоке из-за края земли розовый свет. И торжественно поднялось дневное светило.

Радостно было на душе Владимира Ильича. Первое утро свободы! За последние месяцы он похудел в ожидании конца ссылки, опасался все, не придрались бы власти, не прибавили бы срок.

Владимир Ильич думал, думал. Все об одном. О партии, о возобновлении партии. Когда Владимир Ильич был в ссылке, партию объявили на I съезде, в Минске, в 1898 году. Но тут же власти арестовали всех организаторов партии. Надо восстанавливать партию. Газета — первый для этого шаг. Тайная, рабочая, марксистская газета. Она соберет и объединит все передовые силы России. Вот о чем думал Владимир Ильич.

А дорога бежала. Останавливались на почтовых станциях только затем, чтобы поменять лошадей да поесть. Эх, позабыли пельмени! Вкусны мороженые, стукающие в мешке, как орехи, пельмени, с луком и перцем, особенно в дальней дороге, когда надышишься досыта чистейшим воздухом, нажжет щеки колючий мороз! Досадно, забыли!

Далеко ехать. До города Минусинска. Да от Минусинска больше трехсот верст до станции Ачинск. День и ночь ехали. Дни стояли яркие, солнечные, с синевой небес, разрисованными жемчужным инеем ветками, блистанием снега. Ночи лунные. Огромная луна в просторном небе плыла, как корабль, между редкими звездами. В ночи звончее перекликались бубенчики.

Прискакали на станцию Ачинск на пятый день на рассвете. Едва успели разгрузить багаж из саней, станционный колокол пробил: близится поезд.

Снуя поршнями, громко дыша, черный, в саже и масле, паровоз подтащил пассажирский состав. Минута остановки. Колокол пробил отправление. Долгожданное сбывалось. Впереди новая жизнь.

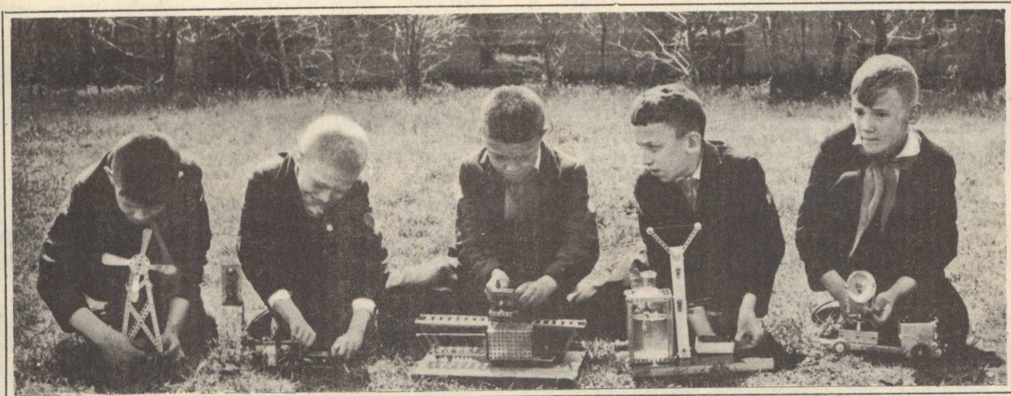
ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

РАДИОСТАНЦИЯ «ЗДРАВСТВУЙ!»

С. БОГАТЫРЕВА

Фамилия, имя, отчество...... Шуруп

АНКЕТА

Фамилия, имя, отчество.............. Шуруп

год рождения.......................... 1966 г

чем занимается........ техническим моделированием, конструированием простых и действующих моделей

Кто он такой?

«Шуруп» — это клуб юных конструкторов. В «Шуруп» берут тех, кого никогда никуда не берут. Кому говорят: «Не-тронь-сломаешь», «Иди-не-мешайся», «Не-твоего-ума-дело». Кому велят потерпеть, подождать, подрасти.

А они, может, не хотят терпеть. Им охота попробовать сейчас. И ничего они не сломают. И вовсе это их ума дело.

Для них, для ребят от первого класса до четвертого, в Челябинском дворце пионеров и открыли «Шуруп». Пятиклассников — тех не записывают: переростки. Именно клуб конструкторов, а не всякие там «Умелые руки» — лепить из пластилина и шить подушечки для булавок. Машины строить. Конструировать. Изобретать. Чтобы все не как-нибудь, а по-настоящему.

Берут всех. Но одного требуют: мы с тобой всерьез, и ты, будь добр, тоже дурака не валяй. Конструкторское дело — оно серьезное.

Ребята пришли в «Шуруп» известно зачем — чтобы строить. Ракеты! Спутники!! В крайнем случае, планетоход. У клуба есть такие заповеди. Так там прямо и сказано:

Заповедь первая.

**ТВОРИТЬ!
ВСЕГДА ТВОРИТЬ!**

Только оказалось, что до творчества им еще как далеко. Что сначала надо научиться не строить — ломать. Ломать не для удовольствия. С толком ломать, чтобы понять, как оно было сделано, на чем держалось и почему работало. Называет-

ся не ломать, а демонтировать. Научились демонтировать. Демонтировали батарейку от фонарика, оказалось, это целая электростанция. На такой электростанции будут работать шуруповские модели.

Потом новая полоса. Учились читать. Не слова — схемы. Достали тетради, принялись чертить: последовательное соединение, параллельное соединение, смешанное соединение... А когда же строить? Погоди, еще рано.

Повздыхали ребята и припомнили тогда, что есть у клуба, кроме первой, еще и

Заповедь вторая:

ЧТОБЫ ДЕЛАТЬ, НАДО ЗНАТЬ. ЧТОБЫ ЗНАТЬ, НАДО УЧИТЬСЯ.

Пришлось учиться. Говорили: «Они маленькие». Говорили: «Они не поймут». Говорили: «У них терпения не хватит». А *шурупчики* как взялись за дело 1 сентября, так и не разбежались до конца года. Все, кто записался, остались в клубе!

Они научились собирать и разбирать электрические цепи, подключать батарейку к проводу, провод к лампочке, устанавливать выключатели и переключатели; делать так, чтобы этих лампочек было две, а то и три и чтобы зажигались они по очереди.

Они узнали, почему движутся фигурки «Магнитного хоккея» и что такое электромагнетизм.

Поняли, как сделан электрический двигатель, сумели собрать его сами, разобрались в устройстве тех микромоторчиков, которые пускали в ход их дошкольные игрушки.

В «Конструкторе» и в «Электроконструкторе» каждую деталь выучили наизусть — на вид, на ощупь и по имени, так, что в коробке могли орудовать с закрытыми глазами.

Вся первая четверть прошла и еще какой-то кусок после каникул, прежде чем взялись они творить — мастерить свои машины. Зато мастерили не наугад, не «авось получится», а со знанием дела и большим толком. Грамотные стали *шурупчики!* Вот когда пришла пора вспомнить

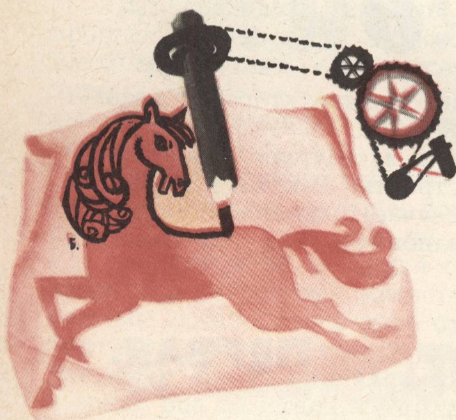
Заповедь третью:

ЗА КОНСТРУКТОРСКОЕ ДЕЛО БЕРИСЬ СМЕЛО!

Две недели думали, какую выбрать модель. Зинаида Ильинична Потапенко, главный человек в «Шурупе», руководитель клуба, подсказывать старалась поменьше. Велела фантазировать. Но фантазии поначалу были у всех одинаковые: обязательно на четырех колесах. Зинаида Ильинична их забраковала:

— Думайте лучше! Вспомните, чему научились. Помечтайте, во что бы вам самим хотелось поиграть!

Подумали, помечтали... Додумались! Тридцать три модели приняли участие в весеннем конкурсе. И какие!

Обводишь лошадь грифелем...

— Берешь лошадь, обводишь грифелем...

— Живую?

—Да картинку же! Обводишь грифелем (видите, торчит грифель?). А с другого бока ложишь бумагу...

— Кладешь.

— Кладешь бумагу. С другого бока торчит другой грифель. Он уже сам движется. Автоматически. Рисует лошадь, такую в точности, только маленькую. Называется в уменьшенном виде. А можно наоборот. Лошадь ложишь слева, а пустую бумагу — справа. Левым грифелем обводишь лошадь, правый грифель рисует лошадь побольше. Называется в увеличенном виде. За полчаса целый табун.

Копировальный пантограф — так называется этот прибор — может точно воспроизвести в уменьшенном или увеличенном виде любой рисунок, карту или схему. Собрал его Витя Попов. Описание пантографа встретилось ему в «Науке и жизни» (*шурупчики* запросто читают этот взрослый журнал), он разобрался в схеме и за одно занятие собрал сложные узлы прибора. Пантограф работал исправно, но Витьке он показался каким-то бедным: без электричества, без магнита... Подумал

Виктор и приладил к пантографу электрическую лампочку. Ты работаешь, а она сама загорается, светит тебе.

Это, кстати сказать, в «Шурупе» обязательное требование: хоть что-нибудь, а свое внести в конструкцию.

ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЖЮРИ КОНКУРСА НА ЛУЧШУЮ МОДЕЛЬ: присудить ПОПОВУ ВИТЕ поощрительную премию за прибор «Копировальный пантограф».

Первому всегда труднее

Витя Горницын с моделью самолета.

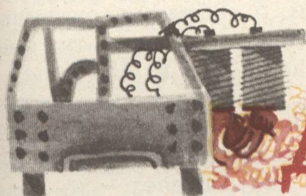
Фото В. МУРШЕЛЯ.

Конечно, свою модель сложнее сделать, чем собрать по готовому чертежу. Ошибок получается больше. Витя Горницын все от начала до конца придумал сам. Получилось у него вот что. На аэродроме стоит самолет, а к нему подъезжает трап. Потом сам отъезжает. Управление дистанционное.

Витя сначала собрал самолет, а потом уже взялся за трап с двигательным устройством. Ходил трап исправно, управления слушался. Только в готовом виде оказался он в два раза выше самолета! Ошибка произошла в расчетах. Хорошо, до конкурса было время, и конструктор успел разработать «Трап-2», где все размеры были подогнаны, как надо. Зато модель получилась — ни у кого такой нет!

ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЖЮРИ: присудить ГОРНИЦЫНУ ВИТЕ поощрительную премию за модель «Самолет при трапе».

Рисунки А. БОРИСОВА.

Деловой человек

— Я не знаю, как ее зовут, но машина она полезная.— Это говорит Вова Кляузов.— Накидают по цеху всякий сор. Стружку металлическую и вообще... Она проедет и все подберет. У нее там внутри электромагнит притягивает железный мусор. Очень аккуратная машина. Нет, ездить она не умеет. Я ее сам пока вожу. Самоходную модель? Почему нельзя? Можно сделать. Я подумаю.

И побежал думать. Попробовали его поймать, сфотографировать, но он не дался. У меня, говорит, дома и так карточек много. Ни к чему все это, говорит. Время только терять...

Очень деловой человек, Вовка Кляузов.

ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЖЮРИ: присудить КЛЯУЗОВУ ВОВЕ поощрительную премию за действующую модель «Электромагнитный уборщик металлической стружки».

Хозяева движущих сил

— Самое интересное,— говорят ребята,— это когда они оживают.

Безработных машин в «Шурупе» не терпят. Каждая обязана действовать по назначению. Если ты сверло, то сверли хоть бумагу. Если ты прокатный стан, то давай прокат хоть из пластилина, хоть из хлебного мякиша. Если ты подъемный кран, честно поднимай, что там тебе под силу.

Миша Бугаев в приложении к «Конструктору» нашел модель ткацкого станка. Красивую, сложную модель, но недействующую. Внешний вид скопировал, а кон-

струкцию разработал свою так что машина пришла в действие. Электромотор поднимает и опускает раму — только успевай продевать нитки. Ткет по-настоящему!

— Будут свои ковры! — говорит Зинаида Ильинична.

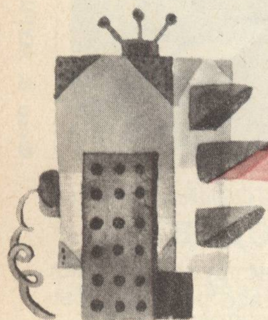
Очень здорово получается, когда люди и в «Конструкторе» разобрались и с электротехникой знакомы — каждую машину могут привести в движение.

— Так здорово,— говорят ребята,— помудришь, подумаешь, установишь мотор, подсоединишь питание — и вдруг она — представляете! — начинает сама двигаться!

Жираф, которого держит в руке Ира Тыртышная,— это не модель, а приз. Ира его получила за свою электровикторину «Чудо-огонек». Не одни только мальчишки побеждают на конкурсах «Шурупа»!

ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЖЮРИ: присудить БУГАЕВУ МИШЕ третью премию за действующую модель «Ткацкий станок».

Голь на выдумки хитра

Ребята, бывает, поглядят на чью-нибудь самоделку, похвалят и повздыхают: мы бы тоже так смогли, да вот беда, не из чего.

В «Шурупе» такую отговорку уважительной не считают. Не из чего? Покрути свои шурупы, небось, додумаешься!

Материал у всех одинаковый — обыкновенный «Конструктор», который у каждого мальчишки хоть раз в жизни побывал. А в придачу все остальное, что подвернется под руку.

В одном из кружков «Шурупа» перед самым конкурсом кончились все детали. Осталась пустая коробка от конструктора «Юность». Посмотрели ребята на коробку и тут только заметили, какая она красивая. И додумались пустить ее как строительный материал. Из толстого дна коробки — оно сделано из пенопласта — смастерили корпус светофора. Прорезали в нем круглые окошки. Из кусочков цветного оргстекла вырезали светофильтры, вставили их в окошки. А собрать электрическую схему так, чтобы лампочки по очереди загорались и гасли, это в «Шурупе» каждому под силу. Теперь на светофор люди смотрят и радуются: такой он получился нарядный, сверкающий да глазастый. Стоит на столе и подмигивает — то зеленым глазом («Проходи, пожалуйста!»), то желтым («Погоди!»), то красным («Стой на месте!»).

За него не только премию дали, но и отметили его «с точки зрения технической эстетики», попросту говоря, за красоту.

Второе жюри

Когда кончился конкурс, разошлись взрослые и разбежались участники, до моделей добралась самая мелкота, дошколята. Все кнопки нажали, все ручки покрутили, все веревочки подергали, а в Мишино оружие просто вцепились. Автомат — большой, гладкий. Нажмешь на курок — раздается треск, из дула вырывается пламя. По правде, конечно, не пламя, а просто электрическая лампочка от фонарика, и не вырывается, а мигает. Но все равно отлично! А треск (с треском больше всего хлопот было!), треск — от электрозвонка. Миша его переделал так, что язычок бьет не по металлу, а по дереву, звук получается глухой. Лампочка и звонок работают от батарейки, которая спрятана в прикладе. А спуск служит выключателем.

Если бы спросили малышей, они бы, небось, не пожалели для МИШИ КАЛЬВИЯННЕНА первой премии!

Что думают мамы

(Рассказ Лидии Васильевны Кулагиной)

Действующую модель поворотного моста собрал Игорь Панасюк.

Мы поначалу не очень-то пускали Юру в «Шуруп». Он в первом классе много болел, боялись мы, трудно ему будет учиться. Но он, как перешел во 2-й класс, все равно записался. Собрал светофор. Зинаида Ильинична говорит, очень сложная схема. А Юре не понравилось: слишком часто мигает. Стал переделывать и совсем испортил. Это накануне конкурса! Ну, думаю, пропала твоя работа. А он ничего, не сдался. До полночи просидел и наладил все-таки. Прошел его светофор на выставку. А в школе, с тех пор как Юра в «Шурупе», учится он на одни пятерки. Выходит, «Шуруп» школе не помеха. Наоборот, помощь.

ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЖЮРИ КОНКУРСА: присудить КУЛАГИНУ ЮРЕ третью премию за модель «Светофор с переключателем».

Главный конструктор

Павлик Бессолицын за четыре года стал в «Шурупе» вроде главного конструктора. Сначала завоевал первые места на конкурсах своего клуба, а в прошлом году стал медалистом ВДНХ: получил премию за модель экскаватора «Геркулес». Сейчас в Москву, на выставку, отправился его прокатный стан «Урал», тоже действующая модель.

Теперь Павлик перешел в пятый класс. На прощание он придумал, что может сделать для своего «Шурупа». Больше месяца работал в клубе и дома и собрал пусковую электростанцию, которая с этих пор будет давать энергию для всех действующих моделей «Шурупа». Вот это подарок! Наверное, немало поколений юных конструкторов будут благодарить Павлика.

Схему Павлик собрал самостоятельно. Она включается в сеть и понижает напряжение так, что им могут пользоваться шуруповские модели.

ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЖЮРИ КОНКУРСА: присудить БЕССОЛИЦЫНУ ПАВЛУ первую премию за пусковую станцию «Электрон-2» и прокатный стан «Урал».

Павлик Бессолицын и его станция «Электрон-2».

Павлик точно знает, что будет конструктором. Только не решил еще, каких машин. Может быть, землеройных. А может быть, военных. Другие ребята, те так далеко пока не заглядывают. Но знают, что им теперь это дело, модели мастерить, никак невозможно бросить. Вроде бы поднялись они по лестнице на площадку и стоят, думают, какую дверь открыть. Дверей там много. На одной написано: «Авиамодельный кружок». На другой: «Радиотехнический». На третьей: «Автоконструкторская лаборатория». А там дальше: «Клуб космонавтов»...

И везде выпускников «Шурупа» берут с радостью.

С. АРТАМОНОВ

НОЧЬ С АВГУСТА

РАССКАЗ

Казалось бы, все, как прежде, и совсем тепло, и лету не будет конца...

Днем Женька снял рубашку и забыл про нее, только к вечеру, когда солнце стало клониться за холмы, сделалось сыровато и зябко — тут вспомнил, стал искать... Какие-то мелкие мошки напали на него целым облачком. Крохотные, зеленовато-стеклянные, так и загорелись они искристыми пылинками, пролетая, будто дымок, через прямые, жесткие и ослепительные лучи заката. Отмахиваясь от мошек, Женька пробежал по всему участку, но рубашки нигде не было. Он — в дом, и тут ее не оказалось. Потом нашел, да

НА СЕНТЯБРЬ

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

уже в ином вовсе месте, где и не думал искать, — в овраге. Там еще утром, сразу после маминого отъезда, Женька соревновался в ловкости с двумя рыженькими, совсем еще летними белочками. Они обе сердились на него, а Женьке было смешно и интересно.

Сначала все вышло нечаянно: он увидел их — обе, одна за другой, белки скакали по ореховым кустам куда-то за дом. Женька, не спуская с них глаз, за ними. А они к оврагу и вниз, прямо на землю. Женька тоже в овраг...

Вот оно что оказалось! На дне оврага почти нет травы, и сюда, на черную, сырую тропин-

ку скатываются сверху палые орехи, да много! Белки их в рот — и давай грызть, а Женька в тюбетейку, после бегом наверх и в кувшин их. Так за три раза полный насыпал. Потом надоело, ну а рубаху, как снял в овраге, повесил, не глядя, на сучке, там она до вечера и провисела, сделалась холодная и неприятная... Так и пахнуло от рубахи осенью.

Женька пошел в дом, рубаху повесил у печки, решил, попозже затопит, стал натягивать свитер через голову и тут, попав головой в темный, тесный мешок, вдруг замер: ему показалось — дождь!

Он стоял, прислушиваясь, с зажмуренными глазами, подняв руки вверх, и гадал: дождь или нет? Может быть, это просто ветер в листве? Нет, дождь. И какой еще — не лил и не шел, а прямо-таки лупцевал! И шум падающей воды с каждой секундой все усиливался и убыстрялся так, что Женька вдруг испугался, и быстро, как поплавок, выскочила его голова из свитера, а ноги понесли его на крыльцо, а там...

В саду уже стало сумеречно и мрачно, хотя до захода оставалось еще не менее часа-полутора, но небесная вода хлестала с такой стремительностью и так часты были ее струи, что в иные мгновения чудилось, будто весь воздух занят ливнем и скоро станет невозможно дышать...

Однако дышать было как раз легче; Женька успокоился, побежал скорей затворять окна в доме, чтобы не нахлестало на пол.

Рамы уже совсем мокрые, шпингалеты не лезут в гнезда. А по стеклам, прямо перед самыми глазами, плыли вниз тоненькие, обгоняющие одна другую волны воды. Так, если долго глядеть на пластинку в проигрывателе, кажется, что в ее середине одна за другой отделяются с краев и бегут к центру тонкие черные нити... Как они называются? Бороздки, кажется... Звуковые... Но не в этом дело.

Женька запирал последнее окно и отшатнулся: показалось, что его опалило — так дико блеснула мертвенная, белая молния, и почти тут же сокрушительно треснул разрыв грома, и еще сильней припустил дождь. Потом были еще молнии и еще грохотали громы, но и к этому можно привыкнуть, тем более что центр грозы стало вскоре относить в сторону. Дождь не утихал, задул сильный ветер, и Женька — а он опять стоял на крылечке — увидел, как, повинуясь набегам и наскокам ветра, струи воды, падавшие отвесно, вдруг меняли направление и сыпали вкось. Казалось, что они летят вдогонку за кустами и деревьями, листву которых ветер гнул, трепал и причесывал, сначала справа налево, и вдруг слева направо, и вообще как хотел...

«Кажется, нельзя во время грозы включать электричество? — спросил у себя Женька. — Или приемник нельзя?» Он это забыл, однако на всякий случай вытянул из приемника проволочку антенны и соединил ее с заземлением, да тут же вспомнил, как в начале лета отец с соседом Валерианом ставили антенную мачту, заодно и громоотвод устроили — один на оба дома, рядышком с забором, который не разъединял, а как раз соединял два участка при помощи очень удобной дырки, которую соорудил тот же Валериан и тоже тайком... Зина, его жена, сердилась и огорчалась, только брал он молоток в руки, и поэтому никакая крупная работа была невозможна на даче, пока Зина не уезжала в Москву.

Прошлой зимой Валериан вел в горах на Памире какое-то строительство, сорвался, упал и очень сильно расшибся. Повредил ноги, левую руку, но разговоров об этом не любил и, если они все же возникали, ловко уводил речь куда-нибудь в сторону. Женькин отец называл этот прием «валериановые капли». Они дружили, а когда-то, очень давно, даже учились в одном институте, только на разных курсах, но в ту пору друг дружку не знали и теперь часто припоминают по вечерам разные институтские события и случаи, чтобы там, в прошлом, как-нибудь наткнуться им одному на другого. А Женькина мама с Зиной посмеиваются над этими усилиями, но слушают. И Женька слушает, и ему страстно хочется, чтобы они, отец с Валерианом, вдруг вспомнили что-то общее, и оказалось бы тогда, что они знали один другого, виделись в прошлом и помнят...

В конце лета, когда спадет на юге жара, Валериан должен уехать на Кавказ, туда, где бьют из земли целебные грязи. Ему на целых полгода дан отпуск, а понадобится — так и еще продлят. Вот это-то и угнетает Валериана — слишком долго бездельничать и лежать, даже ходить ему можно только недалеко и обязательно не спеша.

— Это разве жизнь, а, Женька? — спрашивает он и сам же отвечает. — Вот наймусь тут, в поселке, сторожем на всю зиму, раз уж мне в горы нельзя, а вы ко мне приезжайте, на лыжах покатаемся! Я зайцев вам настреляю, тут их пропасть...

— Грязи, грязи! Кавказ! — проходя мимо, строго сказала Зина, краем уха ухватив что-то из «зайцев-лыжи-сторожем». Она сама теперь как сторож при Валериане, и строгий сторож...

И вот выпал день, когда обе женщины сели в старенький, трясущийся «оппель»: Зина за руль, мама сзади. Автомобильчик фыркнул и, поскрипывая, тронулся вверх, в гору, по мягкой от пыли поселковой дороге, а Валериан с Женькиным отцом переглянулись, и тут же один принялся копать яму, а другой взялся составлять из двух толстых жердей шест для антенны...

Было это в самом начале лета.

Вернувшись, женщины привезли из Москвы лукошко болгарской клубники и сливки в треугольных пакетиках.

А теперь пришел последний день лета, завтра уже сентябрь...

Женька, один-одинешенек, стоял на крылечке среди бушующего в дожде и ветре сада, а время тихонечко, почти незаметно кралось своею тропкой к вечеру. И что же впереди?

Впереди ночь!

А он вот стоит, закутавшись от брызг в кусок непромокаемой пленки, которой иной раз накрывали стол в саду, и, сам о том не ведая, невольно улыбается. Потому что ярко и отчетливо встал в уме и в душе у него тот веселый и теплый день.

...Отец придерживал еще не вкопанную мачту, Валериан отходил, пятясь, щурил глаза, нагибался и так и этак присматривался: ровно ли? И командовал: «Правее! Чуть влево возьми, так! Так-так!»

А потом увидал Женьку, и его глаза весело блеснули, и он сказал:

— Женя, а ты — на крышу! И веревку возьми, будешь потом натягивать нам проволоку... Я тебе подам...

И вот Женька сидит верхом на остром горячем гребне толевой крыши и, склонив вниз голову, как это собаки умеют делать, внимательно слушает сверху и тянет, как ему велят, веревку и проволоку, потом прикручивает ее покрепче. А Валериан ему снизу:

— Смотри держись там! Да не за тот конец, который откусывать станешь, а то вместе с ним и свалишься, как Петюня мой. Он мне раз брусок отпиливал. Ну, и угораздило его на тот край сесть, который был лишний, его-то он и пилил... Отпилил, конечно. Слышу — шлепнулось что-то, бегу туда! Смотрю — Петюня на земле сидит и ресницами своими белыми хлопает, в одной руке пила, в другой тот брус...

«Что? — говорю ему. — Как же, — говорю, — это ты сумел так?»

«Да я, — отвечает, — подумать позабыл... Хотел поскорей!»

— Это анекдот, Валериан, — смеясь возражает отец. — Не верю. Честное слово, это невозможно...

— Не веришь? А представь себе, и Петюня не верил, что ток может по проволоке идти, если нет в ней отверстия, как в макаронине... Или еще был случай: мы громоотвод ставили, так ни за что в него не желал верить. Я там до конца лета у них в селе провозился. Это была моя практика. Так он, этот парень, самым регулярнейшим образом, еженощно, отправлялся прямо под громоотвод. Сена натаскал, шалаш устроил. Еле заставил его метров на пять-шесть в сторонку убраться... И что ты

Один-одинешенек стоял Женька на крылечке среди бушующего в дожде и ветре сада...

думаешь? Дождался-таки! Случилась гроза, и настоящая, со всеми безумствами природы, ну, стукнуло наконец и в наш громоотвод. Петюня примчался ночью, вымок, замерз, страху натерпелся, так что волосы дыбом, но глаза сияют, рад до восторга. Я и подумал: вот из кого инженера сделать...

— А сейчас он где? — крикнул Женька сверху, но так ничего и не узнал тогда про дальнейшую жизнь смешного Петюни, потому что сам же и увидел в тот миг, что ныряет в глубоких выбоинах поселковой дороги, в облаках белой пыли, да этак еще, вприсядку и вперевалочку, как утица, синий старенький «оппель».

И закричал Женька с крыши:

— Наши едут!

— Ага! — И Валериан снова полез сквозь забор к себе на участок. — Где они теперь, Женька? Ты нам говори, а мы с отцом пока уберем все это хозяйство...

Теперь двое мужчин внизу, посмеиваясь и все же опасливо торопясь, забрасывали наскоро яму, свежеразрытую глину прикрывали пластинами дерна. А Женька наблюдал сверху за маневрами старого автомобильчика и звонко комментировал.

— Встали! — кричал он. — Перед большой лужей затормозили... Зина вылезла... Сейчас будет палку искать для промера! И мама тоже вышла. И какой-то дядька к ним подошел и рукой что-то показывает... Наверно, в объезд советует...

— Советует, да? — переспрашивал Валериан. — Значит, дело скверно. Сядут! Советчики, это я вам доложу, — уyyх, какой народ. Они больше всего любят происшествия и случаи. А если нету ничего интересного поблизости, то с удовольствием готовы такой случай сами подстроить. Что там еще делается?

Теперь, стоя под навесом крылечка, в темном дождливом саду, Женька вспоминает все это с удовольствием: прошлые теплые дни, поездки всей компании в скрипучем трофейном «оппеле», у которого два прозвища. Если ведет он себя исправно, то зовет его Валериан осликом, а как закапризничает, тут Валериан говорит: «Ну, фашистское животное, опять вредишь?»

Кругом и сверху шумит дождь, тяжелеют и гнутся кусты. Гудит от воды водосток, и невнятно бормочет ручей, бегущий по дну оврага...

«Все орехи смоет! — думает Женька. — А я тогда завтра белкам из своего кувшина насыплю и буду смотреть, как они едят...»

«Завтра! — спохватывается он, и в голове мелькает: — А что будет, если не приедут за ним сегодня?»

Зина с мамой повезли утром Валериана: у него разболелась нога и поднялась температура. Из-за больной ноги он занял все заднее сиденье, вот и не взяли поэтому Женьку, сказали ему, что приедут за ним к вечеру, и пусть он тут укладывает свои вещи, обедает и ждет их...

И Женька ждал.

Опять лазил на крышу и с крыши глядел на опустевший поселок, где настала в последние дни удивительная тишина.

Странно, еще висят на деревьях поздние яблоки, еще листья не падают так обильно, как посыплются они позже, и везде цветы, цветы, яркие, чуть холодноватые, крупные. А людей почти нету.

Накануне этих дней сюда, в пригородные леса, катили по всем дорогам, подпрыгивая от легкости, пустые автобусы и грузовики, целыми вереницами по шоссе, ныряющему в холмистой местности. Автоколонны пропадали

в низинах, потом одна за другой на гребень возвышенности вылетали машины, рокоча и сигналя изредка, и летело по лесам эхо. Это по утрам, а к вечеру ехали грузовики и автобусы назад, да со знаменами, вьющимися из окошек первых машин, с неожиданными резкими и хрипловатыми воплями горнов... Так покидали округу пионерские лагеря.

Дачники уезжали без трубных звуков, но тоже шумно. И вот ко вчерашнему дню поселок и окрестные леса будто вымело под метелку. Ребят — никого, и взрослых тоже мало. А кто остался — одни ставни прилаживают, другие ждут машины, третьи забивают накрест досками окна и двери своих домов...

Сегодня самый тихий день, потому-то и белочки осмелели, а потом гроза ударила...

И опять, подумав о грозе, Женька тут же подумал о будущей ночи, и неприятный холодок коснулся его сердца. Но было еще светло, и он отгонял страшные мысли о ночевке в одиночестве в пустом доме. Отогнал, велел себе вспоминать другое, и, будто в кино, пошел разматываться перед ним тот прошлый летний день, когда Зина с мамой чуть не увязли в луже.

Отец с Валерианом глядят на Женьку, подняв лица к небу, ожидая новых сведений, а он, Женька, совсем примолк. Ему тогда вдруг страшно понравилось, что сидит он на крыше и вся недальняя география будто на ладони перед ним.

Ходят у себя во дворах маленькие люди, какой-то мальчишка вдали мчит на велосипеде, и так и блистают слившиеся в два сверкающих диска спицы его колес. Стоит среди дороги, прямо перед самой колдобиной с жидкой глиной, маленький, ветхий, еще военных времен, трофейный автомобильчик Валериана, и сюда, к ним, идет его, Женькина мама, не подозревающая о том, что он видит ее...

— Ты что же примолк? — кричит нетерпеливо отец. — Ты нам сведения давай!

— Что, в луже они уже? — спрашивает Валериан, но Женьке неприятно то, что они оба смеются, и, не поворачиваясь, он говорит:

— Вы лучше к ним идите! А я им махать буду...

— Ага! — соглашается отец неожиданно мягко, и Женька в его голосе чувствует одобрение себе.

И Валериан торопливо заковылял и нырнул в кусты, сокращая себе путь, за ним и отец, а потом...

Потом отец долго смывал с себя глину, а Валериан лил ему в руки прямо из ведра, мама с Зиной накрывали на стол, и они долго сидели за обедом, разговаривая обо всем на свете. Это самое любимое Женькино, когда они разговаривают, а он слушает...

Женька очнулся, и тут первое, о чем он подумал: «Не приедут сегодня!»

Он попробовал себе представить, что они все-таки попытаются добраться до поселка, но тут же вспомнил ту часть дороги, которая ведет сюда от бетонного шоссе. «Глина, сплошной вазелин», — как говорит Валериан. Даже он после дождей не рискует спускаться вниз с холма, оставляет машину наверху, во дворе у знакомого лесника.

«А пешком если?» — подумал мальчик. Очень ему хотелось, чтобы все-таки кто-нибудь из них сейчас очутился тут, с ним.

Но пешком было от шоссе километров девять — точнее никто не мерил, и считалось, что до начала поселка около девяти, а вот сюда, в этот дальний его конец, и все десять будет...

Угол поселка, где стоял домик Женькиных

родителей, домик Валериана с Зиной да еще два-три, — этот угол находился на отшибе, за большим полем, в редком перелеске. Ночь уже надвинулась, и катили по пустому полю волны тумана, и начиналось самое неприятное в одиноком житье: всяческое потрескивание в кустах, какие-то шорохи, шелесты и даже вздохи... Там водяная пыль собралась на листе в тяжелую каплю и шумно упала и переполнила собой воду на другом листе... И тут началось: весь куст точно встрепенулся и дернулся... Потом можно понять, что это дождинки с него осыпались, но покамест поймешь — натерпишься!

Женька ушел в дом и долго запирался на все замки. Зажег свет и опять надумал было растопить печку, но вспомнил: за дровами надо в сарай — тут же раздумал и вдруг, как увидал, так и обрадовался: приемник же есть, ура!

Он тут же его включил и обмер: не работает! И сию же секунду из полного отчаяния его швырнуло в полное счастье: «Я же сам антенну отключил! Дурак!»

Женька вставил проволочку антенны в гнездо и, уже не пробуя включать приемник, спокойно отправился на веранду рассматривать в шкафчике съестные припасы, выбирать, что бы ему такое съесть на ужин? Выбрал холодные котлеты, разрезал их вдоль, пополам, а когда намазывал маслом хлеб, вспомнил про антенну, и ему снова понравилось, что он ее выключил: так и полагается во время грозы... И тут же опять мелькнуло у него в уме смешное имя того Петюни, о котором рассказывал Валериан... Он его взял в Москву, и Петюня стал учиться, а жил у Валериана и был ему как брат. «Петюне моему, если хотите знать, — говорил Валериан, — серьезные люди прочили серьезное будущее... Был такой известный инженер Баков, так он взял Петюню к себе в лабораторию.

— А потом? — тянулся Женька поскорее узнать побольше, но Валериан отчего-то умолк. Он словно приберегал эту историю или даже просто скрывал ее конец. Охотно и подробно припоминал смешные и нелепые случаи из тех времен, когда он только встретил Петюню в той деревне, где монтировал и пускал крохотную электростанцию. Вот Петюня мечтает: пусть ударит молния прямо в него! Хочет проверить, действительно ли человек, закопанный после электрического удара в землю, оживает?

— Хочешь знать, так он даже яму себе вырыл...

— А кем он потом стал? — спрашивал Женька не раз.

— Никем он стать не успел, а мог бы... — отвечал Валериан загадочно и переводил разговор на другое, но однажды обмолвился:

Женька выбрал себе музыку повеселей и погромче.

— Тогда у нас в стране только еще начинали тянуть электрические провода и размышляли над тем, какие опоры лучше, проще, дешевле... Понимаешь? Баков как раз этим занимался. Обрати внимание, когда гулять будем, тут, в наших местах, еще сохранились столбы, связанные из бревен в виде буквы «Т». Самые были они в те времена дешевые и вполне надежные. Называются они «БМ», что значит Баков, Морошкин. А Морошкин — это и был Петюня...

— Был? — воскликнул тогда Женька, предчувствуя печальный исход и вместе с тем не веря, что Петюня, про которого Валериан рассказывает столько нелепого и смешного, этот чудак, необидчивый и незлобивый, может погибнуть, перестать жить...

— Был-был, — пробормотал Валериан. — Был и нету его.

— Иди, Женька, — сказал отец, наверно, уже знавший эту историю до конца. — Иди, — повторил он и еще прибавил совершенно неожиданно: — Все лето бегаешь, хоть бы раз я тебя с книгой увидел... Посиди, повтори там чего-нибудь... Вот как засядешь в своем шестом классе на второй год и будешь... Как это называется? Не тунеядец, а еще есть слово... Забыл!

— Ну за что ты его? — удивилась и огорчилась мама. — Он хорошо учится и читал, я сама видела. И вместе мы с ним читали...

Женька думал о том, что ночь долгая, а спать он решил все-таки не ложиться... И поэтому, поставив возле приемника тарелку с бутербродами да чайник с водой, чтобы попить, если захочется, прямо из носика, отправился снова на веранду. Там горел свет и было не страшно, но... Но если пойти за книгой, то надо наверх, в комнатушку под крышей. Книжки все там, только света там нету... Женька заколебался.

— Я пойду! — сказал он себе. — Но включу сначала приемник!

Он так и сделал. Подождал, пока нальется теплым зеленоватым светом глазок в приемнике, потом покрутил ручку станций и нашел какую-то песню на неведомом языке, тогда прибавил громкости и пошел. Быстро распахнул дверь на веранду и так оставил ее. Взбежал вверх по лесенке, и никакого ужаса не почувствовал, и, радуясь этому, уже наверху сделал лишнее, ненужное движение, толкнул отворенную дверцу люка, и она с грохотом захлопнулась, закрыв ему путь обратно и оставив его в совершенных потемках...

В чердачной комнате было душно и жарко: так за день ее прогревала крыша. Женька вспотел в своем свитере, но вот удалось ему чуть приподнять люк. Тогда догадался он сунуть в щель ногу. Светлее на чердаке почти не стало, но все же сделалось полегче. Пошарил рукой, дотянулся до полки с книгами, выбрал одну наугад и сунул ее в щель — есть! Дальше было хоть и тяжело, но просто, надо только собраться с силами, уж очень тяжел люк. Отец всегда его велит держать на крючке, когда он открыт, а Женька именно крючок-то и смахнул нечаянно...

Есть, поддается!

Еще немножечко!

Снизу, из большой комнаты, слышалась уже не песня, а какие-то двое, не понимая, не слыша и не перебивая друг друга, уверенно и серьезно говорили что-то на разных языках. Да еще где-то, за их голосами, совсем шепотом, таинственно и непонятно говорил третий голос, женский. И когда вдруг он зазвучал погромче, Женьке почудилось, что это говорит его мама! Вниз он сбежал быстрее, чем взобрался наверх, но снова забыл про злополучный крючок, и опять с грохотом хлопнулась чердачная дверь. Теперь это его не испугало, и, войдя в комнату, Женька довольно и весело оглянулся: у него было тут очень уютно.

Забрался на кровать и, не раздеваясь, накрыл ноги одеялом, потом опять поискал что-нибудь интересное в мире, но говорили только не по-нашему, и Женька выбрал себе по вкусу музыку, так, чтобы повеселей и погромче. При этом он жевал и запивал водой из носика чайника.

А книга оказалась взрослая, он снял ее с полки отца.

Женька машинально полистал страницы, рисунки скучные, все сплошь чертежи, и тут, может быть, именно от вида этих чертежей опять, в который уже раз за сегодня, припомнился Женьке никогда им не виданный этот Петюня...

Так вот про Петюню Валериан однажды досказал до конца.

— Погиб Петюня! — сказал он. — Мне рассказывали те, кто с ним был на войне. Он работал в инженерных войсках, танковую армию обслуживал: чинил побитые машины... Ну, а в тех местах, где они воевали, появились у немцев новые мины. Никто к ним не мог подхода найти, даже взять их не умели... Найти находили, а тронут саперы и точка...

Петюня и полез в это дело. Показали ему одну из таких мин прямо на месте, в земле. Он всех прочь отослал, говорят, долго сидел и думал. Потом, видимо, он что-то сообразил и вытащил ее вполне благополучно. Тогда кого-то к себе подозвал и говорит, что вот, мол, так можно ее обезвредить или вот еще так... Третьего, говорит, способа нету. Это точно, даю гарантию. А теперь, говорит, вы опять уходите, а я, запомните, попробую первый способ и, если он окажется неправильным, тогда все равно у вас в руках останется ключ...

Женька так и сжался, а отец Женькин вздохнул: он знал эту историю.

— Короче говоря, верным оказался второй способ, а не первый, — сказал Вале-

риан. — Я позже эти мины тоже видел и понимаю, почему Петюня ошибся...

— Немцы не дураки были, — сказал отец, и Валериан кивнул, соглашаясь, а отец еще прибавил:

— Я-то на другом фронте воевал. Меня в конце войны призвали, но про эту историю и у нас рассказывали. Помню! А родные у него остались кто-нибудь?

— Нет, никого у него не было, — отозвался Валериан.

Летела над маленьким дачным домиком огромная, во все звездное небо, и холодная после ливня ночь. Уставший за день мальчик лежал один в доме. Окна тихо светились сквозь шторы. Где-то очень далеко занимался рассвет, и все ближе и ближе подбирался сюда по вязкой и совершенно непроезжей дороге допотопный «оппель», раз десять уже по винтику перебранный руками Валериана. Он сам и вел его, с трудом, морщась от боли. Зина, добравшись до съезда с бетонки, сказала, что дальше она боится, а мама Женьки управлять машиной не умела, зато она предложила:

— Может быть, мне вылезти, так легче будет? Или давай, Валериан, я вылезу и буду ломать ветки и класть их под колеса! Мне так неудобно, что тебе пришлось ехать... Тебе лежать надо, а тут... Или, знаешь, я ведь отсюда и пешком дойду!

И, конечно, Валериан, как всегда, помалкивал. Он выбрался из машины и принялся обматывать колеса цепями. Потом сел за руль и осторожно, но уверенно свел «оппель» с шоссе и направил его вниз, включив оба света и сказав:

— Ну, началась вазелиновая магистраль. Даже самому интересно, что из этого получится...

А Женька спал, и что снилось ему, он потом никогда не вспомнит. Дом тихо светился двумя зашторенными, зеленоватыми окнами, и тихо играла музыка в приемнике, весь воздушный мир шумел, говорил и посвистывал, но Женька уже ничего не слышал. Даже когда они все втроем застучали в дверь и в окна, он не проснулся.

Пришлось Валериану отпирать свой дом, брать инструменты и снаружи открывать окно, а влезла в окно Зина. И, когда все они, посмеиваясь, встали над Женькой, вот тогда он вдруг открыл глаза и сел.

Тут Валериан рассмеялся и предложил всем:

— Слушайте, сюда мы доехали, а обратно все равно раньше завтрашнего вечера не вылезем, и то, если подсохнет дорога, если опять дождь не хлынет... Я говорю, мы завтра можем долго спать, а значит, сегодня... Хорошо бы поужинать, а?

И они в самом деле долго ужинали в ту ночь и разговаривали. И все расспрашивали Женьку о том, как он тут жил без них, что думал и сильно ли боялся.

Женька охотно отвечал, рассказывал про белок и про орехи, но не мог же он рассказать Валериану про его Петюню и умолчал об этом. А вот про книжку и про люк наверху рассказал, и о грозе говорил подробно и много: о ливне, о молнии с громом, а потом, когда уже мама с Зиной принялись убирать со стола, тогда почти нечаянно он шепнул Валериану:

— Жалко, что у Петюни никого из родных не было, правда?

— Да, — тут же согласился Валериан. — Я об этом тоже думал. Когда есть близкие люди, — это очень хорошо. Ты прав.

У нас в гостях журнал «Картинная галерея»

К НАШИМ ЮНЫМ ДРУЗЬЯМ

Прежде всего мне хотелось бы высказать свою радость и благодарность редакции «Пионера», которая, пригласив нас в гости на эти страницы, предоставила нам возможность рассказать вам, друзья, о нашей стране Болгарии, о многовековой культуре болгарского народа, о его искусстве.

Разумеется, делать это на немногих страницах не так-то просто. Нам будет очень приятно, если мы сумеем чем-то заинтересовать вас, пробудить желание узнавать больше о многообразном мире народного творчества.

У нас хорошо сейчас. Девятое сентября — большой, светлый праздник нашей новой истории. Двадцать пять лет назад под руководством Коммунистической партии, с решающей помощью Советской Армии трудящиеся Болгарии сбросили гнет монархо-фашистской тирании, и над нашей Родиной засиял новый день.

Наверное, многие из вас знают об успехах и достижениях нашего народа за все эти двадцать пять лет, о расцвете нашего искусства, о жизни и делах болгарских пионеров. Мы надеемся, что хотя бы малую толику этих знаний даст вам и наш журнал «Картинная галерея», который вот уже много лет выходит на русском языке специально для советских читателей. Каждый день мы получаем трогательные приветы от наших больших и маленьких советских читателей и всегда им рады.

Братание «Пионера» и «Картинной галереи» — это еще одно проявление великого братства, которое мы называем болгаро-советской дружбой.

Руководитель нашей партии товарищ Тодор Живков сказал, что эта дружба идет из веков и уходит в века!

Так пусть же крепнет и растет она с каждым новым поколением!

Николай ЯНКОВ,
главный редактор журнала
«Картинная галерея»

Крысто БЕЛЕВ

МАДАРСКИЙ ВСАДНИК

Утопая в синеющем небе, сияет вдали золотистая груда скал под Мадарой... Величественная красота их невольно привлекает ваш взор.

Но что это? Что заставило вас внезапно остановиться? Вам показалось, что там, в теплом свечении камня, то появляется, то исчезает гигантская фигура всадника...

Приблизившись к подножию кручи, можно разглядеть — нет, вовсе не обманывает вас причудливая игра теней и света на камне: там, в вышине, на отвесной скале кто-то высек огромное изваяние всадника, льва и собаки.

Время крошило скалу, лили дожди, дули ветры, стирая линии рельефа, мхи и лишайники покрыли трещины и углубления, и не прочтешь уже многих слов в древней надписи, выбитой в скале под всадником, но по-прежнему, выгнув сильную шею, бьет копытом красавец конь, и всадник разит копьем льва, и собака бесстрашно бросается в бой с раненым зверем.

Более тысячи лет стоит на страже Мадарских скал этот древний воин на коне. Воображение народа с давних пор создавало вокруг него легенды и сказания. Еще язычники, а потом и христиане и магометане, жившие в этих краях, считали всадника своей святыней.

Среди ученых не одно десятилетие шли споры: кем и когда создан этот каменный памятник и кого он изображает.

Восемьдесят лет тому назад венгерский ученый Феликс Каниц дал первые научные описания Мадарского всадника. Он долго рассматривал рельеф снизу в подзорную трубу, но, видимо, не сумел увидеть всех подробностей фигуры. По его словам, всадник — произведение римского искусства.

Несколькими годами позже другой ученый, Константин Иречек, опроверг это предположение. Он доказал, что всадник, безусловно, болгарского происхождения.

Венгры Борман и Фехер попытались прочитать и расшифровать древнюю надпись на скале. Болгарские ученые тоже много работали над выяснением смысла и происхождения памятника и надписи.

Научные исследования, предпринятые Болгарской Академией наук, доказывают, что Мадарский всадник был изваян в восьмом веке нашей эры и изображает он триумф над врагом.

Особенно много дало ученым исследование надписи на скале — самого древнего образца праболгарской письменности. Это старинный болгарский документ той поры, когда не существовало еще славянской письменности.

Поражает мастерство древнего ваятеля, который на высоте двадцати трех метров от земли смело и уверенно создавал величавый памятник своей эпохи.

Прошло более одиннадцати столетий с той поры. Всадник у Мадары видел много войн и разрушений, был свидетелем славы своих потомков. И сегодня, освещенный теплыми лучами солнца, все таким же величественным выглядит этот памятник древнего болгарского искусства.

КАЗАНЛЫКСКАЯ ГРОБНИЦА

В 1944 году в окрестностях города Казанлыка на склоне холма рыли бомбоубежище. Землекопы привычно взялись за работу. Необыкновенное началось, когда заступ внезапно ударил по твердому.

Рабочие увидели перед собой... дверь. Засыпанная землей, тщательно замурованная, она, видно, долго берегла какую-то доверенную ей тайну.

Землекопы открыли ее. Осторожно, освещая себе дорогу факелами из скрученных в трубку газет, люди вошли в подземелье.

Здесь все поразило их. Стены, покрытые удивительными изображениями, украшения, которых никому раньше не приходилось видеть, а главное — большая, богато разукрашенная гробница, расположенная в самом центре круглого зала.

Следом за рабочими в подземелье пришли ученые. Они знали: здесь, в этих местах, очень-очень давно, в первом тысячелетии до нашей эры, жили древние жители нашей земли — фракийцы. У них существовал обычай насыпать большие земляные курганы над могилами знатных вельмож.

Холм в окрестности Казанлыка оказался старым фракийским курганом.

Казанлыкская гробница — так назвали ее ученые — была построена в конце четвертого, в начале третьего века до нашей эры. Она состоит из небольшого прямоугольного коридора и круглого, куполообразного зала высотой почти в три с половиной метра (3 м 40 см) и диаметром более двух с половиной метров.

Всюду на стенах здесь сохранились поразительные по красоте фрески. В коридорчике древние художники воссоздали военные сцены. По ним-то ученые и судят о том, что гробница принадлежала какому-то крупному фракийскому полководцу. В круглом зале — более крупные изображения. На фреске в центре можно разглядеть самого погребенного здесь фракийца. Он царственно восседает за треногим столиком. Рядом с ним на роскошном троне в печальной задумчивости сидит его супруга. С двух сторон изображена их прислуга, музыканты, конюхи. Над ними — красивые орнаменты, а еще выше — три колесницы.

По этим изображениям мы можем получить представление об обычаях фракийцев, их одежде, снаряжении и оружии. Фракийский мастер-художник с большим умением нарисовал все сцены. По его поистине прекрасному искусству можно судить о живописи того времени.

До сих пор на нашей земле, да и в других странах еще не открыли подобного памятника.

Ангел КАРАЛИЙЧЕВ

ПЕРВЫЙ МАСТЕР

И вот настал день, когда живописец докончил наконец фигуру длиннобородого старца, который, по преданию, ударил своим костылем о скалу, и из нее забил животворный источник. Это изображение он обвел еще венком, весело заигравшим яркими красками, подобно цветам в саду его матери. А слева он старательно подписал по-болгарски: «Изображена настоящая картина рукою Захария Христовича, живописца самоковского». Потом, собрав кисти, медленно спустился с лесов и, ступив на каменные плиты пола, поднял голову вверх. Глазам его предстал целый сонм образов, украшенных позолотой. Ему показалось, что стены вдруг ожили, задвигались, заговорили на разных языках...

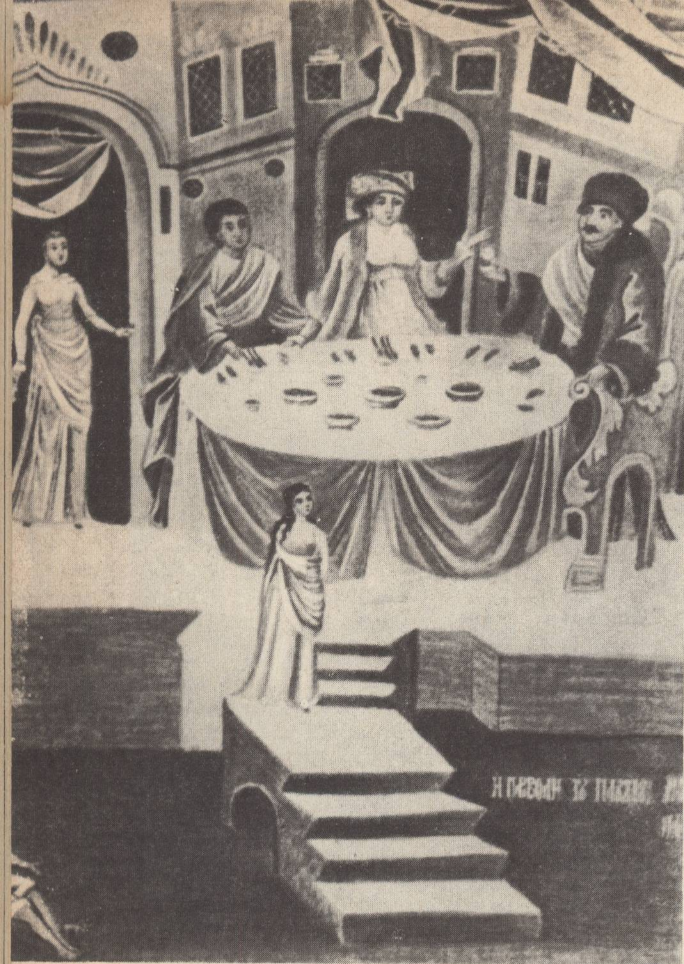
Идет 1852-й год.

Монахи знаменитого Афонского монастыря пригласили живописца и поручили ему украсить стены своей обители, где, знал он, еще пятьсот лет тому назад звенел под сводами собора «ангельский» голос средневекового певца болгарина Иоанна Кукузела. Неподалеку в одной из келий Хилендарского монастыря скрипело перо другого болгарина, здесь писал свою пламенную «Историю славяноболгарскую» отец Паисий. Еще в Самокове давал ее читать художнику учитель Неофит. Потому и забилось его сердце, когда переступил он порог этого монастыря, воздвигнутого в древности в южной части Афона.

Когда он прибыл туда, под высокими сводами кружились ласточки. Они вывели птенцов, улетели куда-то на острова в Эгейском море, вернулись снова и снова вывели птенцов — целых семнадцать месяцев проработал мастер на Афоне.

Теперь его взгляд спокойно скользил по лицам, по фигурам и праведников и грешников, вот чуть задержался на богаче и его разодетой супруге, пирующих за пышной трапезой, а вот и бедный Лазарь у их ног, ожидающий крох со стола, и тут же вот он, с грозным трезубцем дьявол, сейчас он возьмет богача за шею и вытянет из него душу... Так и надо ему, кровопийце! Захарий отлично знает этого богача. Он встречался художнику на улицах Пловдива и Само-

Пирующий богач и его разодетая супруга за пышной трапезой, а у их ног бедный Лазарь, ожидающий крох со стола. Так художник рассказывал о несправедливости...

кова, Захарий видел его сидящим за кофе с турецкими беями, поработителями родной Болгарии.

Захарий мысленно отправляется в родной Самоков. Чем занят сейчас его учитель Неофит Рильский, этот мудрый и ученейший человек, истинный просветитель народа? Захарий был мальчишкой, когда Неофит Рильский прибыл в Самоков, с той поры они сблизились навсегда. Отсюда, из монастыря, преданный и заботливый ученик посылает учителю письма и сушеные плоды, крупные светогорские орехи и вязаные носки. Еще раньше в Пловдиве сделал он портрет Неофита, изобразив его со строгими, глядящими прямо в душу глазами и с книгой в руках. Несколько раз Захарий пытался создать болгарскую типографию, каких еще не было в нашей стране, но те, у кого были деньги, не захотели ему помочь.

Отец Захария Христо Димитров Доспеец был одним из старейших самоковских живописцев. Он и обучил сына обращению с кистями и красками, показал, как рисовать иконы, как расписывать стены.

Однако, настоящим, большим мастером Захарий стал позже, в Пловдиве. В те времена — это был большой многолюдный, многоязычный и очень богатый город — тут жили болгары, армяне, греки, турки, евреи. Все, что добывали болгары с мотыгой в руках в долинах реки Марицы, собиралось в кошельках и в домах пловдивских богачей, эти люди жили по-княжески. Они носили кафтаны, обшитые серебряными галунами, шелковые цареградские кушаки, высокие меховые папахи или алые фески, надетые набекрень. Жены их одевались в златотканые наряды, в дорогие душегрейки, украшали себя ожерельями из жемчуга и золотых монет. Такими и изобразил их Захарий на стенах монастырей.

Часто, оседлав своего коня, отправлялся он караванными дорогами и тропами в любимый Самоков. Привязав к седлу переметные сумы с красками, кистями, карандашами и бумагой, заткнув за пояс пистолет, пускался он в опасный путь, потому что по дорогам оттоманской империи бродили разбойничьи шайки.

Захарий, как и многие болгары того времени, с надеждой обращался мыслями к стране братьев, что лежит далеко на севере от Болгарии, там, где холодное море омывает берега другой славянской земли и стоит большой город Санкт-Петербург. Там в императорской Академии художеств хотел бы поучиться и он, Захарий... И художник спрашивает в письме к учителю: сколько стоит обучение в русской академии и разрешат ли ему турки вернуться на родину после того, как он закончит в Московии курс наук? Но это было бы слишком сложным предприятием по тем временам, и Неофит Рильский посоветовал ему продолжать свое дело на родине.

Какие чудесные картины создал Захарий позднее в Бачковском, Троянском и Преображенском монастырях! Но самые лучшие его росписи украшают стены Рильского монастыря. По ним и признали Захария лучшим мастером. Но это будет позже, а теперь художник все еще стоит на каменном полу Афонского монастыря. Близится вечер, окончен дневной труд, и мастер созерцает, оценивает свою работу, и улетают мысли его далеко, в родные места, где живут близкие люди...

...Сейчас в Самокове должно быть тихо и морозно. На Рильских вершинах лежит снег. Как вспыхнет лицо жены, когда она увидит его! Как обрадуются дети! Всем родным и близким привезет он афонские подарки. Детям — резные самшитовые ложки, пусть едят ими сладкую вареную пшеницу, старикам — светогорские эстампы и четки, хворым — целебный рахат-лукум. Сам он, вернувшись, больше никуда не поедет, частенько болеть стал. Лицо пожелтело. Быстро устают руки. Не прошли даром годы, когда он рисовал, стоя на ледяных каменных плитах или лежа, скорчившись на лесах в холодных церквах.

Пусть те, кто придет сюда через сто или двести лет, прочитают, что лучшие образы на стенах этого греческого монастыря сделаны рукой болгарина из Самокова, самого лучшего из лучших...

Антон ШИКОВ

ПАМЯТНИКИ

Ты не найдешь в Болгарии вершин,
Где б русским памятники не стояли:
Они следы воинственных годин
Запечатлели в камне и металле.
Страна родная, на твоих полях,
На гордых высях места не осталось,
Где б русский кровь не проливал в боях,
Где б эта кровь с болгарской не смешалась!

Глубокая застыла тишина
В твоих горах, среди твоих урочищ,
Где грохотала некогда война
Железными шагами вражьих полчищ.
И к памятникам, что прошедший век
Оставил, новые теперь примкнули,
Затем, что дважды русский человек
Избавил от петли нас и от пули.

Цанко ЛАВРЕНОВ,
народный художник

КАК Я ПИСАЛ СВОЮ КАРТИНУ

У любого художественного произведения есть своя биография. Есть она и у картины «Тырновград — столица Второго болгарского царства».

В школьные годы, помнится, я любил смотреть исторические пьесы, нравились мне «Иванко» Васила Друмева и «Борислав» Ивана Вазова, читал я и «Легенду о Царевце» и, не переставая, мечтал хоть раз увидеть нашу древнюю столицу.

Много лет назад, в 1919 году—мне было тогда двадцать три года,— я впервые поехал в Тырново. Я знал о разрушениях, которые пришлось пережить городу в течение веков, но все же не ожидал увидеть то, что увидел. Очарованный красотой Тырнова, я был потрясен жалким видом развалин, оставшихся от славного нашего царь-города. (Старинный Тырновград стоял выше над рекой на вершине холма.)

Грустно бродил я по заросшему бурьяном и кустарником древнему холму — Царевцу. Сквозь буйную поросль тут и там проглядывали развалины зданий и крепостных стен. С болью в душе глядел я на мечеть, которую турки-поработители с явным злорадством построили на месте исторической крепости.

Долго потом ходил я по горбатым улицам и окрестностям города, осматривал разрушенные церкви Трапезицы и, призывая на помощь всю мою фантазию, мысленно восстанавливал красоту и великолепие крепостей, дворцов, церквей, домов — весь прекрасный облик средневекового болгарского города-крепости.

В Тырнове я пробыл недолго, всего два дня, и уехал оттуда с твердым намерением когда-нибудь, когда стану настоящим художником, написать величественную, монументальную, торжественную картину «Тырново — столица Второго болгарского царства», которая будет одной из картин цикла «Образы древней Болгарии». С тех пор во мне уже непрерывно жила мечта создать это полотно.

В 1946 году мне выпал случай поехать в Тырново и остаться там подольше. Я еще сильнее полюбил этот город. Теперь мои мысли были заняты лишь одним — поисками композиционного решения задуманной мною картины. Я бродил по городу, делал эскизы, изучал эпоху и читал все, что было написано до тех пор о Тырнове.

Разрушения, причиненные временем, были велики, но даже то, что дошло до нас, позволяло увидеть контуры былого. Помогали и описания города, сделанные средневековыми путешественниками.

Католический священник Петр Бакшич посетил Тырново в 1640 году. В своих путевых заметках он писал, что «дорога к крепости проходит по скале» и что на этой дороге возвышалось трое ворот с тремя башнями. Бакшич сообщал далее, что на самом высоком месте, где находилась главная церковь, стояла полуразрушенная, очень высокая колокольня и что мощные стены царских дворцов тоже наполовину разрушены. Это высокое место в турецкую эпоху называлось Чантепе —«колокольный холм».

Васил Берон, брат известного просветителя Петра Берона, в 1858 году видел разводной мост, висевший на толстых цепях, которые наматывались на дубовую балку. Он же писал, что возле третьих ворот стояло казарменное здание (обломки его сохранились и поныне).

Путевые заметки турецкого путешественника-географа Хаджи Калфи (1652 год) поведали мне, что две башни крепости Царевец отражались в водах Янтры; развалины одной из них обнаружены у подножия так называемой Балдуиновой башни.

О церкви Сорока мучеников Васил Берон писал, что там была колокольня, которую турки превратили в минарет. От крепости вниз спускались крепостные стены, отделявшие ее от городских кварталов.

Наблюдения и зарисовки Тырнова, сведения, найденные в старых книгах, послужили мне документальным материалом. Я стал усиленно работать. И вот в меру своих творческих возможностей написал-таки картину «Тырновград — столица Второго болгарского царства». Я стремился воспеть в ней красоту нашей великой «царицы городов», выразить мою любовь к родине, пережившей так много страданий.

Делка ДИМИТРОВА

Сказка

— Бабушка, ну что мне делать? Скучно-о-о...— тянула девочка.

— Что делать? Возьми-ка повышивай. Я дам тебе нитки и кусочек полотна.

— Ну да! Буду я вышивать! Кто в наше время вышивает, бабушка?

«Чудные дети,— подумала бабушка,— мы-то в наше время старались узор покрасивее придумать и все поглядывали, кто лучше да больше вышьет».

— Хочешь, я расскажу тебе сказку?

Разве есть что-нибудь милее бабушкиной сказки?! Девочка устроилась поудобнее, а бабушка взяла спицы и начатый чулок, села рядом с девочкой на кушетку, надела очки и стала рассказывать:

— Было это давным-давно. Не было тогда ни фабрик, ни машин, и люди все делали своими руками. Сами обжигали глиняные горшки, сами вязали чулки и рукавицы, сами ткали полотно. В те времена жила-была одна вдова. И была у нее дочь, которую она очень-очень любила. Однажды зимой, когда другие ребята кувыркались в снегу, девочка лежала больная в своей постельке.

— Мама, а когда расцветут деревья и запоют птицы? — спрашивала она.

Личико девочки было бледным и печальным, и сердце матери сжималось от горя. Но что она могла поделать? Весна была еще так далеко. Ветер все свирепее завывал в трубе, засыпая бедную хижину снегом. Даже вороны, которые прилетали к ним на порог поклевать крошек, и те куда-то скрылись от холода.

Однажды девочка сказала:

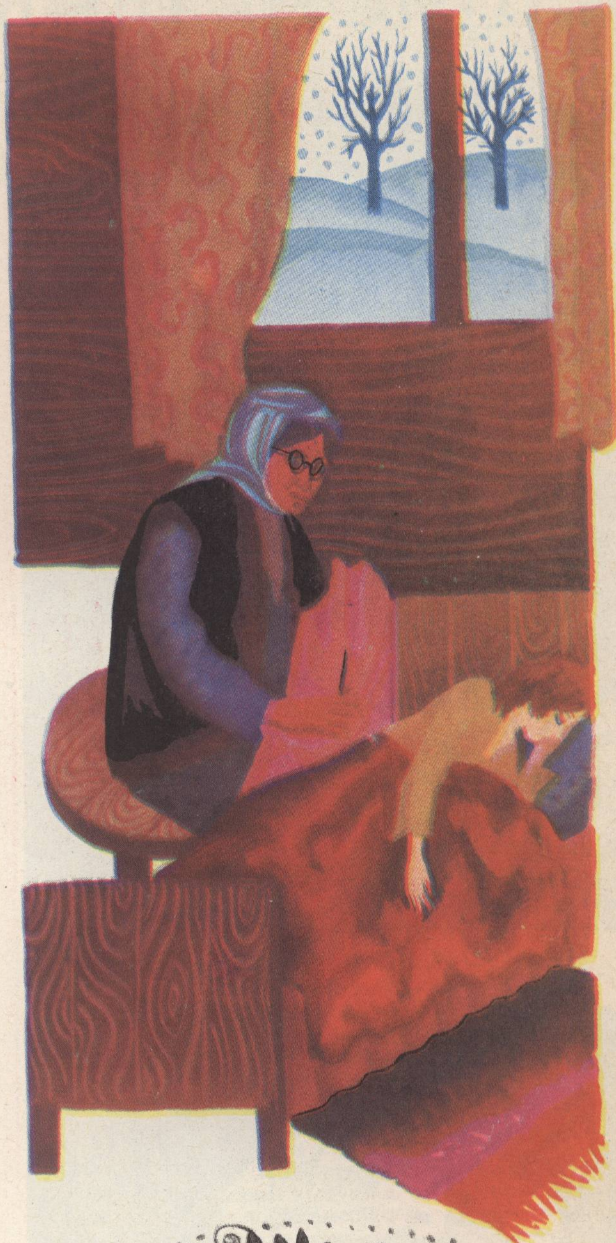
— Милая мама, если завтра утром я не увижу цветущее деревцо, я умру...

Она закрыла глаза и забылась тяжелым сном. Сердце матери обливалось кровью.

Вдруг какая-то мысль пришла ей в голову. Она поставила лампу на стол и подбро-

о вышивке

сила в огонь охапку хвороста. Запылал буйный огонь. Женщина принялась за работу. Сварила в горшочках луковую шелуху и какие-то коренья. Она брала тонкую белую пряжу и окунала каждый моток в отдельный горшочек, и пряжа становилась то желтой, то алой, то зеленой... Потом женщина вытащила из сундука кусок белого полотна, села поближе к лампе и стала вышивать...

Когда ночь кончилась и в хижину заглянул румяный солнечный луч, больная девочка открыла глаза и спросила:

— Мама, пришла весна? Где она?

— Вот,—сказала мать,— смотри!

И она показала девочке полотно, на котором вышивала всю ночь.

Девочка приподнялась, и что же она увидела? На полотне сияла совсем еще молодая весна. Цвели деревья, пели пестрые птицы, распускались цветы, а по зеленой мураве бегали и смеялись ребята...

Иголкой и нитками мать нарисовала все это, а девочке показалось, что в самом деле пришла весна. Один из вышитых мальчиков весело помахал ей рукой.

— Мама,— прошептала девочка,— спасибо...

— Она не умерла? — спросила внучка бабушку.

— Нет. Любовь матери спасла ее.

— Бабушка, а ты вышивала?

— А как же! Эх, какие узоры вышивала твоя бабушка, какие узоры! Сейчас открою сундук и покажу тебе.

Она подошла к большому, расписанному цветами сундуку и стала вынимать из него рубашки, фартуки, платки — все вышитые.

Девочка смотрела и диву давалась. Какие удивительные цветы и птицы! Какие прекрасные рисунки!

— Бабушка, научи меня вышивать!

— Хорошо,— ответила бабушка.

Рисунки И. ГАЛАНИНА.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПАРК-МУЗЕ

Памятник Свободы на вершине Шипки.

Эмиль ЦАНОВ

Шипка и Бузлуджа... Две вершины гор Стара-Планины хранят память о героической национально-освободительной борьбе болгарского народа.

В 1868 году на вершине Бузлуджа погибли за свободу родины прославленный болгарский воевода Хаджи Димитр и его товарищи.

В 1877 году, во время освободительной войны, на вершине Шипки русские и болгарские храбрецы остановили грудью в шесть раз превосходящие их силы противника. Легендарная оборона Шипкинского перевала решила исход войны. Около пяти месяцев и в зной и в холод укрепления на вершине Шипки сдерживали натиск врагов. Тут был подготовлен разгром и пленение турецкой тридцатидвухтысячной армии, отсюда открылся путь победоносного наступления русских войск на юг.

На месте, где происходил Бузлуджский съезд, стоит этот памятник.

Памятник Хаджи Димитру.

Церковь-памятник у села Шипка.

ШИПКА-БУЗЛУДЖА

В 1891 году здесь, в чаще вековых дубрав, собрались пионеры социалистического движения Болгарии во главе с Димитром Благоевым, тут и провели первый социалистический съезд, на котором была создана социал-демократическая партия, позднее превратившаяся в Болгарскую коммунистическую партию.

Здесь в 1944 году Габровско-севлиевский партизанский отряд вел жестокие бои с фашистскими войсками.

Обе исторические вершины вместе с храмом-памятником у села Шипка и памятником Победы у села Шейново теперь объявлены национальным парком-музеем «Шипка — Бузлуджа». Восстановлены защищавшие Шипку артиллерийские батареи с орудиями тогдашних систем и калибров. Белые валуны отмечают позиции, которые занимали русские солдаты и болгарские ополченцы. Четырнадцать бронзовых дощечек, установленных на важнейших участках поля сражения, повествуют о геройстве и беззаветной храбрости защитников Шипки. Двадцать памятников, каменных обелисков и мраморных мемориальных плит белеют на неприступных когда-то шипкинских позициях.

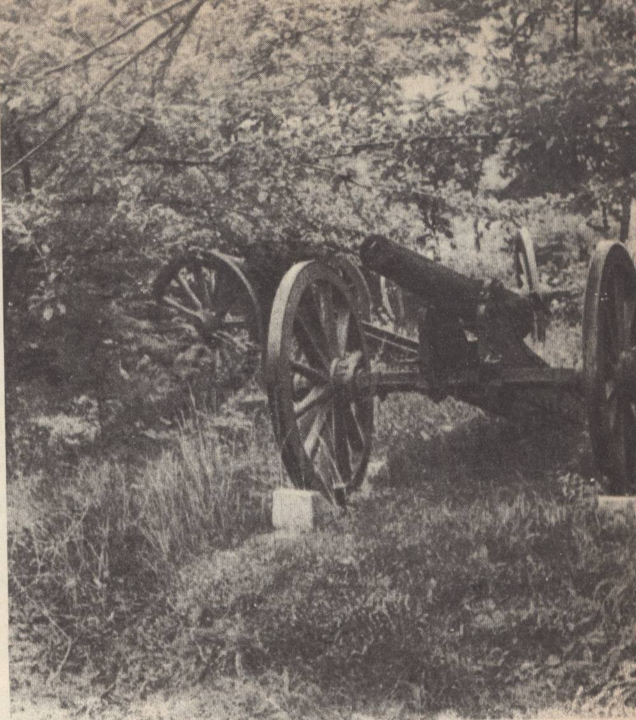
Самый величественный из них — памятник Свободы на вершине Шипки. Он построен на средства, добровольно собранные всем народом, по проекту болгарского архитектора Атанаса Донкова и представляет собой тридцатиметровую пирамиду из грубо обтесанного камня. С северной его стороны, над входом, установлена бронзовая фигура льва восьми метров в длину и четырех в ширину. Сделана она скульптором Александром Андреевым.

Другой памятник боевому братству болгар и русских — храм у села Шипка. Строился он с 1896 по 1902 год по инициативе Ольги Николаевны Скобелевой, матери прославленного героя освободительной войны генерала М. Д. Скобелева.

На тридцати четырех мраморных досках золотыми буквами написаны имена русских солдат и болгарских ополченцев, погибших у Шипки и Шейнова.

Памятник Хаджи Димитру был воздвигнут неподалеку от места его гибели. Фигура воеводы выполнена из белого камня, за ней на каменных плитах — имена его погибших товарищей.

На месте, где происходил Бузлуджский съезд, теперь тоже стоит памятник: огромный камень с выбитыми на нем рельефными фигурами революционеров. В центре — Димитр Благоев, основоположник партии.

Скобелевский парк в Плевне

Петр СТЫПОВ

Поднимаемся по широким каменным ступеням и останавливаемся перед башней и железными воротами, сооруженными из старых штыков, винтовок, турецких орудий, снарядов и сабель. Безмолвно зияют дула двух больших крепостных пушек.

Все здесь напоминает о Михаиле Дмитриевиче Скобелеве, о «белом генерале», как его называли тогда. Бронзовый его памятник смотрит на город. По предложению устроителя парка-музея Стояна Заимова искусная рука садовника вывела с помощью вечнозеленого самшита всего одно слово: «Скобелев». А выше стоят шесть полевых орудий.

Дорогие, волнующие воспоминания!

Посыпанные гравием аллеи ведут к окопам, сохраненным в том виде, в каком они были, когда войска Османа-паши наступали на русских. Дула нескольких орудий направлены на окрестные высоты и «Мертвую долину». Отсюда наступали освободители — русские.

Идем по аллеям на запад. Вот искусственный курган-гробница с надписью «СССР», внизу звезда с серпом и молотом и надпись: «Героям Плевны от частей 3-го Украинского фронта победоносной Красной Армии».

Вдали от русской матери-земли
Здесь пали вы за честь Отчизны милой.
Вы клятву верности России принесли.
Вас не сдержали грозные валы,
Без страха шли на бой святой и правый.
Спокойно спите, русские орлы!
Потомки чтут и множат вашу славу.
Отчизна нам безмерно дорога,
И мы прошли по дедовскому следу,
Чтоб уничтожить лютого врага
И утвердить достойную победу.

Сентябрь, 1944 год.

Спустя 66 лет по следам своих дедов пришли внуки освободителей. Они уничтожили другого врага — фашистов, под сапогом которого стонала наша порабощенная родина, они еще сильнее скрепили нерушимую болгаро-советскую дружбу.

Александр АБАДЖИЕВ

ВСЕ ТРОЕ ТАЛАНТЛИВЫ

Эти трое юных музыкантов отличаются тем, что... играют на различных инструментах. Несхожи они и по темпераменту. Минчо Минчев более спокойный и уравновешенный. Сета Балтаян — маленькая веселая девчушка, но на сцене она преображается, становится серьезной и сосредоточенной. Ася Златкова всегда жизнерадостна, смешлива, шаловлива.

Во всем остальном они очень похожи.

Все трое начали заниматься музыкой с пяти лет. Потом учились в музыкальной школе. Любовь к искусству привела их в государственные музыкальные училища. Сета учится в Пловдиве, а Ася и Минчо — в Софии.

Общее у них и то, что все они играют по четыре часа в день, что с ними занимаются лучшие преподаватели.

У всех троих почти одинаковые музыкальные вкусы.

АСЯ: Я люблю Баха и романтиков.

СЕТА: Я люблю Баха за его глубину и величественность.

МИНЧО: Люблю Баха, Паганини и многих других композиторов.

Одинаково они понимают и трудную дорогу искусства.

АСЯ: Хорошему музыканту нужны психическая и физическая выдержка, эмоциональность и большая культура, а также необходимо уметь побеждать самого себя (например, когда друзья зовут тебя в кино, а тебе нужно играть). Вообще необходимо работать, работать...

СЕТА: Нужно трудиться, и не только в музыкальной, но и в общеобразовательной школе. Без высокой культуры невозможно стать хорошим музыкантом.

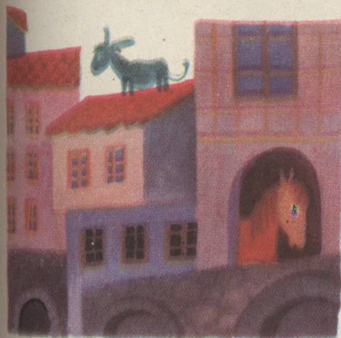
МИНЧО: Нужна упорная работа с инструментом и над самим собой.

Много общего у них и в творчестве. Вот их самые лучшие друзья: для Аси — рояль, для Сеты — виолончель, для Минчо — скрипка. Каждый стремится овладеть всеми секретами любимого инструмента, заставить его зазвучать по-своему. Если писать о них три различные рецензии, то в каждой наверняка будут одинаковые слова: великолепная техника, темпераментное исполнение, профессиональная уверенность.

Все трое успешно начали свой творческий путь. Минчо — лауреат детско-юношеского национального смотра 1964 года, а также весьма серьезного конкурса имени Венявского 1966 года. Ася Златкова заняла первое место на международном конкурсе пианистов в Мидлсборо в Англии в 1966 году, потом она стала лауреатом первого конкурса молодых инструменталистов, проводившегося в городе Русе. Сета Балтаян в двенадцатилетнем возрасте уже была лауреатом детско-юношеского национального смотра 1964 года.

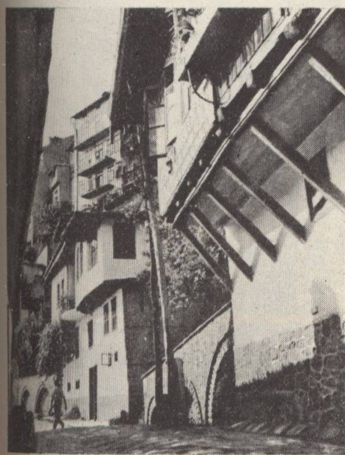
Я верю, что каждый из них достигнет вершины в любимом искусстве. Все трое одарены ярким талантом. Все трое очень трудолюбивы. Обо всех троих отечески заботится страна.

ПЁСТРАЯ ПАЛИТРА

Первое впечатление

Русский солдат, участвовавший в освобождении Тырнова, в письме к своей жене писал: «Вчера мы освободили интересный город. Дома здесь стоят друг на дружке, лошади живут в комнатах, а ослы пасутся на крышах». Очевидно, солдата поразило амфитеатральное расположение города. Издалека ему показалось, что лошадь, стоявшая возле дома, нижний этаж которого заслонял другой дом, выглядывает из окна, и что ослы, пасшиеся на поляне над кварталом «Варуша», пасутся на крышах верхних домов.

Старая улица в Тырнове.

В честь братьев — просветителей

Чествование братьев Кирилла и Мефодия, создавших в девятом веке славянскую азбуку, впервые состоялось еще при турецком иге 11 мая 1857 года в Пловдиве. Это торжество, ставшее традицией, было организовано болгарскими писателями Иоакимом Груевым и Найденом Геровым. С тех пор болгарский народ ежегодно чтит в этот день память братьев-просветителей.

Судьба одной картины

В Софийской национальной художественной галерее собрана ценная коллекция картин зарубежных художников.

Эти картины приобретаются у частных лиц или поступают в галерею в качестве даров. Нередко они поступают в плохом состоянии. Так, например, портрет Жана де Монфор (1628 год), принадлежащий кисти Ван Дейка, поступил в галерею просто в плачевном состоянии: полотно сильно пострадало, в нескольких местах повреждена грунтовка. Но после реставрации картина приобрела свой первоначальный вид.

Портрет Жана де Монфор.

Новый музей

Музей, посвященный болгарскому мореплаванию, откроется девятого сентября, в канун славной годовщины — 25-летия со дня победы народа в 1944 году.

В нем два раздела. В первом собраны документы, фотографии, макеты и болгарский морской архив. Здесь будут материалы, рассказывающие о зарождении мореплавания в Черном море, о строительстве первых болгарских судов, по истории морского дела до Освобождения от османского ига, об участии болгарских моряков в Освободительной войне и т. д.

Второй раздел будет посвящен истории развития морского плавания на земном шаре. Тут будет собрано все — от бревна, которым пользовался первобытный человек, до судов, оснащенных по последнему слову техники.

Этот музей будет одним из наиболее оригинальных и интересных в Болгарии.

ШУТКИ ХИТРОГО ПЕТРА

Хитрый Петр никогда не существовал. Он создан народным воображением в те времена, когда Болгария переживала мрачные дни турецкого рабства. О нем в болгарском фольклоре существует множество притч, анекдотов, веселых сказок. Хитрый Петр разоблачает лжецов, мошенников, грабителей, но нередко в его остроумных выходках чувствуется расчетливость, изворотливость и лукавство. Однако в народном воображении он всегда остается симпатичным и привлекательным.

Не суй своего носа куда не следует

Хитрый Петр запрягал своего осла в дорогу. По ошибке он поставил седло задом наперед.

Сосед увидел и сказал:

— Петр, ты седло поставил задом наперед.

Хитрый Петр огрызнулся:

— Почему это задом наперед? Ты откуда знаешь, в какую сторону я поеду?

Хитрый Петр-должник

Получил как-то хитрый Петр от одного богача сто грошей взаймы. Прошло время. Стал богач каждый день к нему ходить и требовать долг. Хитрый Петр все не возвращал. Не вытерпел богач и сказал:

— Послушай, Петр, надоело мне каждый день приходить к тебе за своими деньгами.

— Ты прав,— ответил хитрый Петр.— Я и сам вижу, как много времени ты тратишь понапрасну, приходя ко мне... В среду можешь зайти?

— Могу,— ответил обрадовавшийся богач.

— Хорошо. Наведывайся тогда каждую среду.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ФИЛАТЕЛИСТИЧЕСКАЯ ВЫСТАВКА В СОФИИ

Почтовые марки — это визитные карточки, широко знакомящие со страной. За 25 лет наша страна добилась в филателии завидных успехов. Каждый год издаются красиво оформленные марки, посвященные прошлому и настоящему Болгарии.

Этим летом в нашей столице состоялась Международная филателистическая выставка «София 1969». В ней принимали участие все страны, входящие в Международную филателистическую федерацию. Было показано около миллиона марок.

Талантливейшие художники рассказывают с помощью марок о выдающихся событиях и личностях болгарской истории, о нашем искусстве, о достижениях науки и промышленности, о красоте болгарской природы и т. д.

Василий ФЕТИСОВ

Здравствуй, осень!

Я иду любимым лесом —
густо хлюпает вода.
Лес оделся лисьим мехом,
поджидая холода.

Мне под ноги стелет ветер
желто-розовый ковер.
Старый клен развесил ветви,
словно руки распростер:

«Подойди, мол, я сегодня
засыпаю до весны!
Посмотри: мои ладони
по-осеннему красны!»

И кленовую ладошку
я в ладони подержал —
осторожно-осторожно
руку осени пожал.

Владимир ОРЛОВ

Осень

Стоят леса
Полупустые,
Грустя по птичьим
Голосам.
Слова роняя
Золотые,
Проходит осень
По лесам.
Уже позванивают
Льдинки,
Уже прохладна
Синева,
Уже висят
На паутинке
Ее последние
Слова.

Т. БЕЛОЗЕРОВ

Сентябрь

По алым перьям снегиря
Течет прохлада сентября.
В сухом бору дремота сосен,
Покоем веет от полей...
На юг уходит наша осень,
Держась за нитку
Журавлей.

Рисунок П. БАГИНА.

Рыбы-коты для Венеры

Лино АЛЬДАНИ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Сэм Эллингтон мерно покачивался в своем большущем кресле на веранде в тени густых олеандров. Солнце клонилось к закату, в воздухе кружились комары и прочая мошкара, все звуки стали приглушеннее, тише.

Сэм устал за день. И его брат Арчи тоже устал. Они до самого вечера охотились на дичь в лесу и в лугах, одолевали ручьи и болота. Несколько часов они бродили по сильно пересеченной местности, где их на каждом шагу подстерегали неожиданности: то ямы, то кочки, то трясина. И вот теперь они сидели в углу веранды, наслаждаясь блаженным теплом, которое разливается по телу после трудной работы. Сэм развалился в удобном кресле-качалке, а Арчи сидел прямо на полу, прислонившись спиной к стене.

Жены готовили ужин. Через неплотно прикрытую дверь отчетливо доносились их возгласы — нетрудно было догадаться, что обе женщины не слишком-то опытные кулинары. Мальчишки играли в саду. Время от времени из куста высовывался пластиковый револьвер. Щелчок... и струя воды летела к самой веранде. Как обычно, мальчишки играли во вторжение инопланетцев. Сэм и Арчи слишком устали, чтобы прикрикнуть на ребят и заставить их прекратить эту глупую игру.

Сразу за садом начиналась дорога, по которой теперь все чаще проносились машины, нагруженные всевозможными рыболовными принадлежностями. И не удивительно: эти места были настоящим раем не только для охотников, но и для рыболовов.

— Бездельники! — с презрением хмыкнул Арчи.

— Глупые улитки! — поддержал его Сэм.

— Сони! — с еще большим презрением откликнулся Арчи.

Вошедшая в пословицу вражда охотника к рыболову получила сейчас новое доказательство в виде самых колоритных насмешек, которыми Арчи и Сэм награждали любителей поудить рыбу.

— Они все до одного впали в детство, — не унимался Арчи. — Когда эти глупцы сжимают в руке удочку, луна может свалиться с неба, а они ничего не заметят.

— Это верно! — подтвердил Сэм, хлопнув себя по шее, чтобы раздавить назойливого комара. — На прошлой неделе я как раз прочел научно-фантастический рассказ Томаса Уотта. Представляешь себе, корабль с обитателями Венеры приземляется на берегу реки Хавтер. Экипаж выходит, и командир ракетоплана начинает приставать с вопросами к одному из этих ненормальных, которые в состоянии беседовать с тобой только о наживке Сильвер и искусственном червячке Петер Росс. Так вот, командир экипажа подходит к нему и говорит: «Добрый вечер, я прилетел с Венеры». Уотт пишет, что жители Венеры очень похожи на нас, лишь глаза у них расположены не горизонтально, а вертикально, и притом на лбу. Что бы ты сделал на месте того рыбака? Помчался бы прочь, словно безумный, либо застыл на месте от изумления и ужаса. Ну, а рыбак? Он посмотрел на ракетоплан, окинул равнодушным взглядом экипаж корабля и спокойно принялся насаживать на крючок свою дурацкую, искусственную муху. Потом, не подымая глаз, сказал: «Подождите немного, я занят». Понимаешь, так именно и сказал.

— Ну, это уж слишком, — возразил Арчи и встал. — Трудно поверить...

— Нет, так оно и было. Жаль, что Елена сожгла журнал, а то бы...

— Ты меня неверно понял, Сэм. Просто я хотел сказать, что Уотт несколько преувеличивает. Увидев, к примеру, марсиан, даже рыболов обратился бы в бегство.

— Ты глубоко ошибаешься. Удрали бы все, кроме рыболова. Он глуп, глупее даже тех рыб, которых так старательно ловит. Когда он сжимает в руке удилище, то ничего не видит и не слышит вокруг. И потом, рыбаки вообще не умеют бегать.

Этот спор возобновился у них и после ужина, когда, уложив детей спать, женщины завели разговор о вязании и способах приготовления пудинга, а Сэм и Арчи вернулись на веранду.

— На сколько спорим, что, если завтра мы переоденемся марсианами, рыбаки этого даже не заметят? — спросил Сэм.

Арчи засомневался. Как всякий истинный охотник, он не питал никакого уважения к любителям рыбной ловли. Но всему есть предел. Невозможно себе представить, чтобы человек, пусть даже рыболов, продолжал бы невозмутимо заниматься своим делом, внезапно увидев перед собой инопланетцев.

— Идем, я хочу тебе кое-что показать, — сказал вдруг Сэм.

Они миновали сад и подошли к дому сторожа Эрнста. Под навесом рядом с садовыми ножницами, лейками и сеялками валялся всевозможный хлам.

— Черт побери! — воскликнул Арчи, увидев всю эту ржавую рухлядь. — Зачем ему этот металлолом?

— Не знаю. Должно быть, у Эрнста пробудился инстинкт антиквара.

Рисунки П. БАГИНА.

Сэм взобрался на кучу хлама и стал копаться в ней.

— А вот! — воскликнул он и бросил Арчи водолазный шлем. — Тут должен быть еще один.

— О господи! Что ты собираешься делать?

— Сейчас поймешь, — ответил Сэм. — Завтра утром мы наденем комбинезоны, высокие резиновые сапоги, шлемы, нацепим на бок игрушечные космопистолеты сыновей, и нас сам черт не отличит от марсиан. А потом отправимся на реку — подшутить над этими глупцами-рыболовами.

— По-моему, эта шутка может скверно кончиться.

— Ну что ты, — не согласился Сэм. — Они едва взглянут на нас и опять уставятся на поплавок.

Если на закате комары весьма назойливы, то на рассвете они просто невыносимы. Тот, кто углубляется рано утром в лес или в болото либо бредет по берегу реки, совершенно беззащитен перед несметными полчищами голодных и прожорливых насекомых, бесстрашно устремляющихся в атаку.

Арчи и Сэм шли по тропинке к реке. На них были длинные, во всю ногу сапоги, зеленые комбинезоны с застежкой-«молнией» на груди. Сэм нес на спине два пустых водолазных баллона, а Арчи, не найдя ничего более подходящего, водрузил на плечи опрыскиватель, которым Эрнст, одновременно сторож и садовник, опрыскивал виноградную лозу. За поясом у обоих болтались пластиковые космопистолеты, украденные у детей.

— Наденем шлемы, — предложил Арчи, убедившись, что пощады от комаров не дождешься.

Но старый шлем Арчи оказался неимоверно тяжелым. У него недоставало винтового крепления, и потому он покоился прямо на плечах; и вдобавок неимоверно давил на затылок.

Наконец они добрались до проезжей дороги и пошли по ней. Внезапно из-за поворота вынырнул велосипедист в крестьянской одежде, с вилами за плечами. Он спокойно ехал навстречу Арчи и Сэму, но едва заметил их, бросил велосипед, вилы и с воплем помчался прочь. Братья не сдержали довольной ухмылки. Затем настала очередь автомобилиста. Не доезжая метров пятидесяти, он резко затормозил, дал задний ход и, свернув на боковую тропу, на бешеной скорости скрылся вдали.

— Ого! — воскликнул Арчи. — Кажется, наш фокус с переодеванием весьма эффективен.

Они сошли с дороги и стали спускаться к реке.

— Остановись, — сказал брату Сэм, едва они углубились в прибрежный кустарник. — Река совсем близко. — Он снял шлем и положил его на землю рядом с пластиковыми пистолетами. — Я схожу на разведку, а ты, Арчи, подожди здесь.

Минут через десять он вернулся.

— Там, в заводи, двое этих ненормальных уже удят.

Братья надели шлемы, нацепили пистолеты и пошли дальше.

— Говорить буду я, — сказал Сэм. — А ты молча стой рядом и постарайся не рассмеяться.

Они пересекли небольшую поляну, а затем Сэм повел брата вниз к реке по крутой тропке, еле заметной среди густой травы и кустарника. Берег реки порос канадским тополем и плакучей ивой. Подернутая ряской вода лениво лизала корни.

Первый рыбак сидел на большом гнилом бревне, наполовину утонувшем в грязи. Его друг выбрал место чуть повыше, на расстоянии метров двадцати. В воздухе стоял запах ила и червей.

— Привет вам, люди Земли! — громко сказал Сэм, выставляя напоказ пластиковый пистолет. — Мы прибыли к вам с Марса.

Рыболов даже не пошевелился.

— Тссс! — прошептал он, по-гусиному вытягивая шею. Казалось, будто глаза его магнитом приковались к пробковому поплавку, который как раз в этот миг тихонько заколыхался.

— Эй, вы что, не слышали?! Мы прилетели с планеты Марс, — не сдавался Сэм.

Рыболов повернул голову и, прищурившись, взглянул на них. Потом он встал и подтянул удилище.

— Подождите немного, — равнодушно сказал он. Затем нагнулся, открыл коробочку с червями и стал копаться в ней. Наконец он отобрал жирного червячка и мгновенно насадил его на крючок. После этого он снова забросил удочку в воду.

— Так, значит, вы прилетели?.. А, вспомнил, с Марса...

Разговаривая, он не отводил глаз от поплавка.

— Эй, Винни! — крикнул он другу. — Они прилетели с Марса.

В ответ тот что-то промычал недовольно.

— Убедился теперь? Точно как в рассказе, — шепнул Сэм брату.

— Меня зовут Сандерс, — сказал им один из рыболовов с недовольством. — Из-за вас я упустил вот такую рыбину. Тут всегда богатый улов бывает. Но рыбы, они очень пугливы. Малейший шум — и поминай как звали...

— Нам пришлось долгие годы слушать ваши радиопередачи, чтобы выучить ваш язык, — объявил Сэм, не зная, чтобы еще такое сказать.

— Радиопередачи, понятно... Когда же вы прилетели?

— Вчера после полудня. Мы оставили наше летающее блюдце здесь неподалеку, на поляне.

— А-а!

В то же мгновение поплавок нырнул. Человек по имени Сандерс молниеносно подсек удилище. На приманку клюнула здоровенная рыба-кот, которая теперь отчаянно билась в траве. Рыболов осторожно снял ее с крючка, поднял крышку ведра с водой и бросил туда свою добычу.

— Послушайте, — сказал он, отыскивая в коробке нового червяка для наживки, — мне сейчас не до разговоров. В это время рыба клюет лучше всего. Приходите часа через два, и тогда побеседуем...

Настаивать было совершенно бесполезно. Арчи воочию убедился, что в удивительных историях насчет рыбаков нет ни грамма преувеличения, раз даже появление марсиан не в силах отвлечь их от любимого занятия. Братьям ничего другого не оставалось, как только вернуться домой.

Человек по имени Сандерс сложил удочку и собрал все свои рыболовные снасти. Так же поступил и его друг.

Когда они заглянули в ведра с водой, где плавали пойманные рыбы, на их лицах отразилось удовлетворение.

— Что им от тебя нужно было? — спросил Винни.

— Да ничего, ты же знаешь этих землян. Им бы только шутки шутить. Не пойму, однако, почему, когда им нужно устроить карнавал, они не в состоянии придумать что-либо пооригинальнее, чем марсиане и летающие блюдца?!

— Напрасно ты удивляешься, Сандерс! Откуда им знать, что Марс необитаем.

— Согласен. Но меня раздражает полнейшее отсутствие у них выдумки.

Они молча направились к лесу. На полдороге Винни спросил:

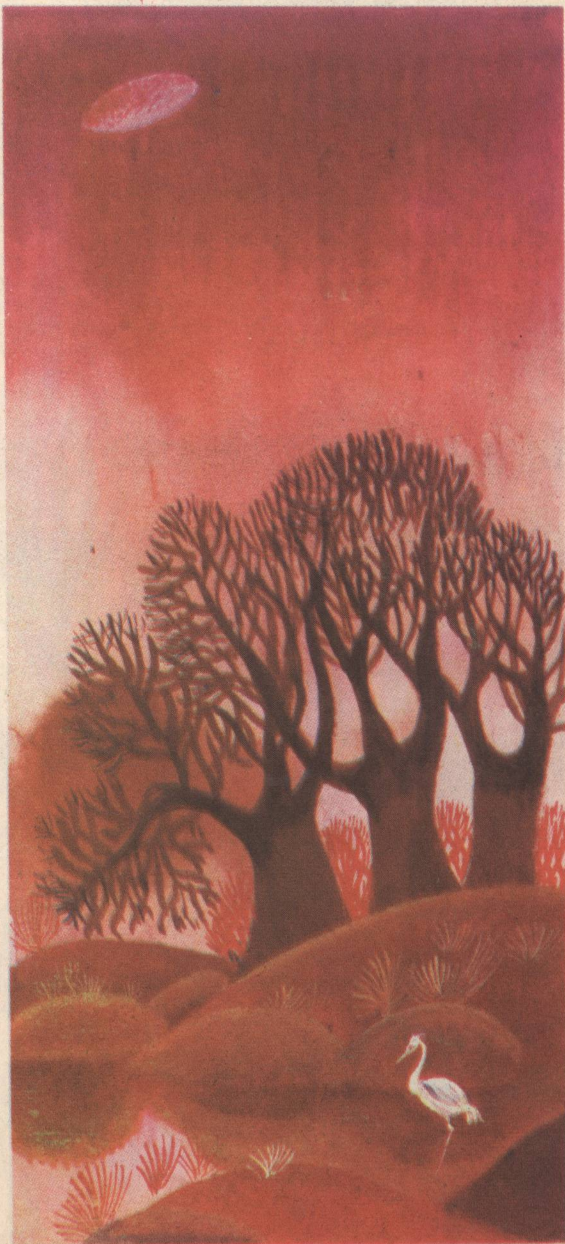
— Как ты думаешь, эти рыбы-коты смогут акклиматизироваться в наших озерах?

— Разумеется, — ответил Сандерс. — Сначала придется пустить их в более холодные, северные озера, а уж потом — в южные. Конечно, им придется туго. Рыбы Венеры не выносят чужаков. Но, ручаюсь, эти рыбы-коты приживутся у нас.

Они подошли к поляне. Сандерс вынул из кармана странный, серебристого цвета предмет, нажал рычажок, и, словно по мановению волшебной палочки, на поляне появилось летающее блюдце.

— Этот кретин утверждал, что они приземлились именно здесь, — сказал Сандерс, поднимаясь по лесенке. Едва он захлопнул дверцу, летающее блюдце растворилось в небе. Гудение двигателя при взлете было лишь чуть посильнее гудения бесчисленных комариных стай, круживших над лесом, и никто из людей, понятно, ничего не услышал. Впрочем, если бы даже летающее блюдце и можно было различить, кто бы его увидел? На этом участке реки не было никого, кроме рыболовов, а те, известное дело, когда удят, не видят ничего, кроме подрагивающего на воде поплавка.

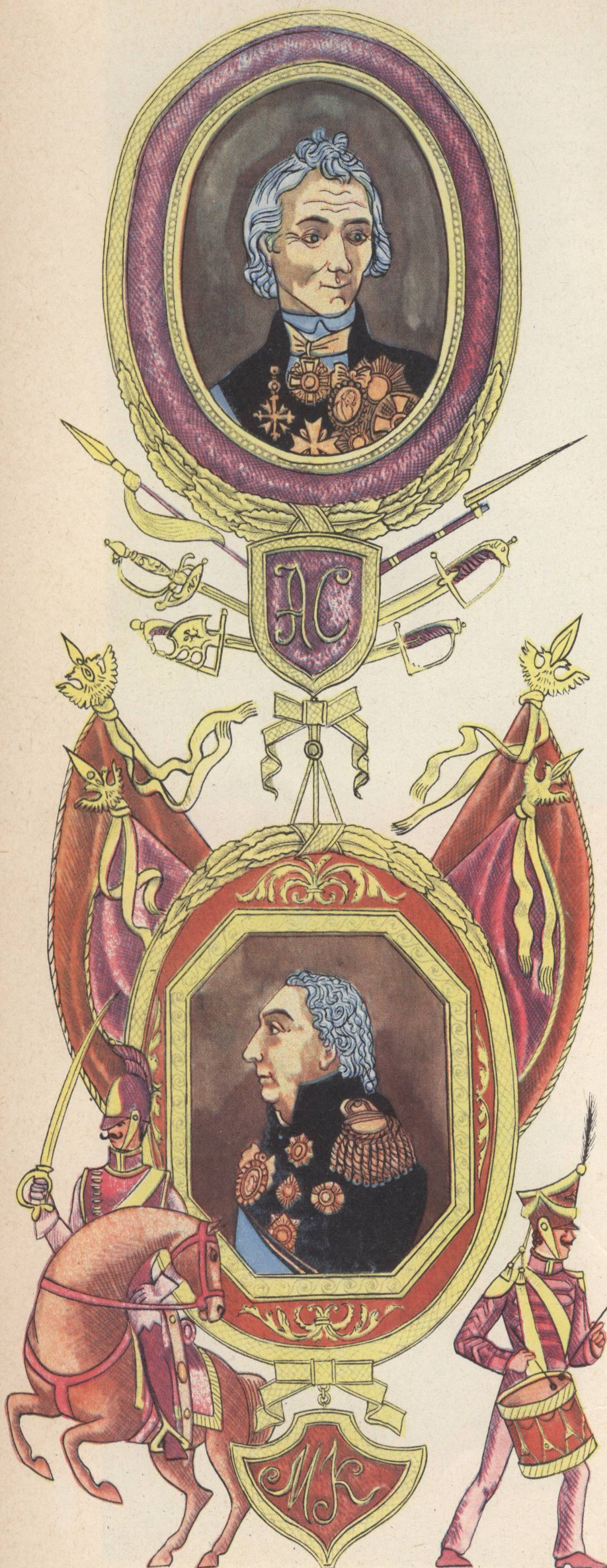
Перевел с итальянского
Л. ВЕРШИНИН.

А. МИТЯЕВ

Почерк полководца

ВТОРОЙ РАССКАЗ О ВОЕННОМ ИСКУССТВЕ

Слово «талант» мы привыкли ставить рядом с именем писателя, музыканта, художника, артиста. Мы знаем: всякий талантливый писатель непохож на других. Прочитав в книге наугад страницу-другую, мы, не заглядывая на обложку, сразу скажем: это Лев Толстой, это Гоголь, а это Тургенев. В залах картинной галереи трудно разглядеть подписи под картинами, но по характеру мазка, по цвету, по композиции и сюжету мы безошибочно говорим: это Серов, это Врубель, а это Кончаловский...

У каждого таланта свой почерк.

Военный талант тоже своеобразен; талантливые полководцы в своих «произведениях» — сражениях и боях — тоже отличаются друг от друга. И если мы не замечаем этого, то только потому, что мало знаем военную историю, а то и вовсе с ней не знакомы.

Давайте для примера разберем два сражения двух гениев военного искусства: сражение Суворова при Рымнике и Кутузова при Рущуке.

Интересно сходство условий, в которых действовали полководцы. Неприятель у них был один — турки. И в том и в другом случае он значительно превосходил численностью русских. Оружие у Суворова и у Кутузова было почти одинаковым, ведь времени между битвами прошло немного: сражение при Рымнике было в 1789 году, при Рущуке — в 1811-м.

Мастерство обоих полководцев оттачивалось в одних и тех же военных кампаниях. Полковник Суворов командовал Астраханским полком, прапорщик Кутузов командовал в этом полку ротой. Когда генерал-аншеф Суворов продумывал план штурма Измаила, за одним столом с ним сидел генерал-майор Кутузов.

Суворов говорил о себе: «Горжусь, что я россиянин». И Кутузов превыше всего любил Родину.

Что еще было одинаково? Любовь солдат к полководцам. И вера полководцев в своих солдат.

Итак, все было сходно. Разными же были дарования.

Может быть, стоит сначала сказать и о внешнем несходстве полководцев, оно сразу бросалось в глаза. Суворов был мал и худ, Кутузов — велик и тучен; первый «даже в старости не ходил, а бегал и, если на пути попадался стул, не обходил его, а перепрыгивал», второй любил подремать в кресле, и дежурному генералу с трудом удавалось добиться, чтобы он поставил свою подпись на каком-либо документе...

* Сражение при Рымнике *

Турки прозвали Суворова Топал-паша — Хромой паша. Александр Васильевич и в самом деле немного прихрамывал.

Но титул паши свидетельствовал об уважении неприятеля к полководцу и о страхе перед ним.

Для этого было достаточно причин: Суворов наголову разбил турецкие войска сначала под Гирсо-

вом, потом у Козлуджи, под Туртукаем, при Фокшанах...

Дивизия генерала Суворова стояла в Румынии, южнее города Бырлада, на стыке русских и союзных австрийских войск. Место это считалось относительно спокойным. Главные события войны ожидались в районе Измаила. Турки демонстративно двинули туда крупные силы.

Поддавшись на эту уловку, главнокомандующий Потемкин сосредоточил там сильную русскую армию. Туркам того и надо было. Их стотысячная армия под командованием Юсуф-паши готовилась разгромить австрийцев, чтобы затем взяться за русских.

Австрийскими войсками командовал принц Кобург. Узнав от разведчиков, что против его восемнадцати тысяч турки вот-вот двинут стотысячную армию, принц спешно послал курьера к Суворову за помощью. Кобург знал, что у соседа всего десять тысяч солдат, разбить турок даже соединенными силами он не надеялся и уповал лишь на то, что Суворов найдет способ как-то выпутаться из тяжелого положения.

Суворов написал в ответ лишь одно слово: «Иду» — и в полночь поднял свои войска. Он выступил с семью тысячами. Три тысячи остались на месте — прикрывать тылы.

Потемкин, получив донесение Суворова, доносил в Петербург: «Кобург почти караул кричит, и наши едва ли к нему вовремя поспеют». Войскам Суворова, чтобы соединиться с союзниками, надо было пройти около ста километров.

Русские перешли по мосту речку Бырлад и подошли к реке Серет, где был наведен понтонный мост, ясной ночью. Вдруг небо заволокло тучами, налетела буря с проливным дождем. По мосту смогли переправиться только легкие войска. Остальные, в том числе тридцать пушек, застряли в болотистой низине в нескольких километрах от реки. Двенадцать часов войска делали гать на болоте и наконец форсировали болото и реку. Марш продолжался. Преодолев за двое суток сто километров, русские соединились с союзниками.

Разведка

После короткого разговора с Кобургом Суворов сам занялся разведкой. Он прискакал на берег Рымны, взобрался на высокое дерево (это в шестьдесят лет!) и долго рассматривал неприятельские позиции.

На первый взгляд не было никакой возможности наступать на турок. Позиции неприятеля были идеально удобными для оборонительного боя. Они прикрывались рекой, оврагами и лесами. Неприятель располагал и специально построенными укреплениями. К тому же у него была достаточно мощная артиллерия.

Но Суворов сразу увидел слабые места турок. Войска противника были разбросаны по трем лагерям: у деревни Тыргу-Кукули, у леса Крынгу-Мейлор и у местечка Мартинешти на берегу Рымника. Леса и овраги, служившие туркам защитой, в случае наступления русских на один из лагерей затрудняли переброску туда помощи из других мест. А Рымну можно было форсировать незаметно для неприятеля; турки не выставили на ее берегу ни одного поста.

Суворов принял решение бить противника по частям: русские захватывают позиции у Тыргу-Кукули. Австрийцы в это время двигаются к лесу Крынгу-Мейлор. Затем австрийцы и русские вместе атакуют неприятеля у Крынгу-Мейлор и в завершение соединенными силами наступают на Мартинешти.

В первом лагере у турок было двенадцать тысяч войска, во-втором — сорок, и Кобург, страшась перевеса сил, настаивал на оборонительном плане. Но когда Суворов пригрозил начать наступление только своими силами, принц согласился и отдал войска в распоряжение Суворова.

Австрийский кавалерист

До турецких позиций оставалось пятнадцать километров. Поэтому союзники снялись с лагеря вечером, чтобы успеть на рассвете перейти Рымну.

В своей реляции после боя Суворов писал: «Ночь была приятная, небо украшено звездами, шли в великой тихости, приспели к Рымне, где попечением инженер-майора Воеводского... основана удобная переправа. Крутизну берегов Рымны исправили поспешно шанцевым инструментом. Шли вброд на две части, пехота вправо, кавалерия влево, кончили переправу на рассвете».

Марш и переправа были проделаны так скрытно, что турецкие дозоры сразу и не поняли: мерещится им противник или на самом деле он тут, рядом? Быстротой и внезапностью, еще не начав боя, Суворов готовил себе победу. Это был суворовский метод нанесения удара.

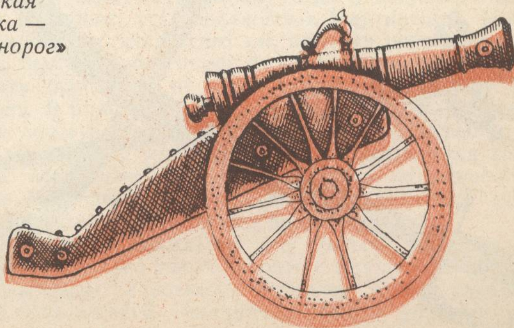
«Неприятель думает, что ты за сто, за двести верст, — писал Суворов, — а ты, удвоив шаг богатырский, нагрянь быстро, внезапно. Неприятель поет, гуляет, ждет тебя с чистого поля, а ты из-за гор крутых, из-за лесов дремучих налети на него как снег на голову, рази, тесни, опрокинь, бей, гони, не давай опомниться; кто испуган, тот побежден вполовину, у страха глаза большие, один за десятерых покажется...» Первая часть этого правила была исполнена: Топал-паша как снег на голову нагрянул на турок. Теперь оставалось разить, теснить, опрокидывать, бить, гнать врага.

Русские двинулись к Тыргу-Кукули берегом. Впереди шли две линии пехотных каре (в шахматном порядке), за ними — две линии конницы.

Таким же боевым порядком начали движение австрийцы. Между войсками Суворова и Кобурга шел отряд австрийской кавалерии под командованием храброго и опытного генерала Карачая.

Весь строй союзников состоял из трех уступов: впереди — русские, чуть дальше — конница Карачая, еще дальше — австрийцы.

Русская пушка — «единорог»

Русский гусар

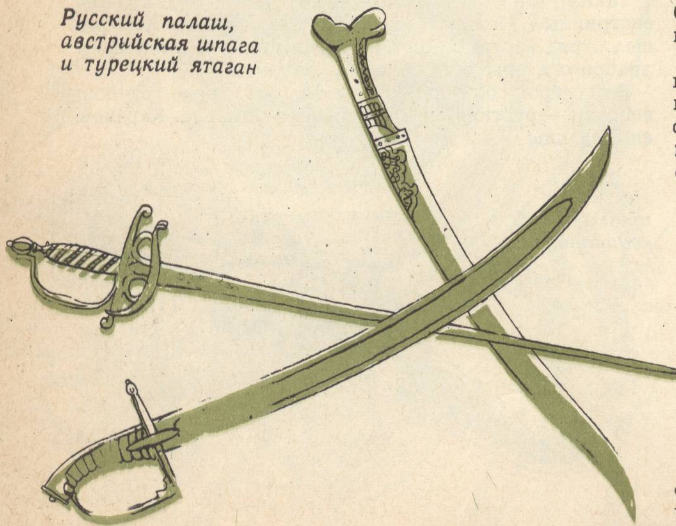
Бой у Тыргу-Кукули

Суворов находился в середине первой линии. Повернув от реки влево, войска скрытно двигались по кукурузному полю. Пушки из Тыргу-Кукули открыли сильный огонь. Русская артиллерия ответила им.

Первая линия суворовских войск намеревалась с ходу захватить турецкие батареи. Но за полем перед пехотой неожиданно открылся глубокий овраг. Из-за леса Каяту налетела турецкая конница. На лошадях позади кавалеристов сидели янычары. Их было до трех тысяч. Спешившись, они открыли ружейный огонь. Положение русских внезапно осложнилось. Осложнилось и общее положение: русские могли не успеть вовремя соединиться с австрийцами для совместной атаки у Крынгу-Мейлор.

Но мужественные гренадеры быстрым броском преодолели овраг, ворвались в турецкие укрепления, бой закипел в лагере. Русская конница отбила налет турецкой и обратила ее в бегство. Стали отходить обозы, а потом и пехота.

Русский палаш, австрийская шпага и турецкий ятаган

Теперь, казалось бы, только гони беглецов. Но Суворов приказал дать им «золотой мост» — свободный путь для отступления. Гораздо важнее было теперь всеми силами продолжать стремительное наступление на противника, державшегося еще вокруг леса Каяту.

В это время Юсуф-паша послал около двадцати тысяч конников, чтобы прорвать боевой порядок союзников, разрезать его на две части. Крылья турецкой конницы налетели на Суворова и Кобурга, а середина — на Карачая.

Австрийская пехота, построенная на русский манер — линиями каре, стойко выдержала атаку. Храбро бились кавалеристы Карачая. Русские к этому времени не только отбили атаку конницы, но и очистили лес Каяту. Много неприятеля было порублено, убито из ружей и пушек. Союзники захватили несколько вражеских знамен.

Натиск турок иссяк. Они откатились к укреплениям у леса Крынгу-Мейлор.

Был полдень. Суворов приказал войскам отдыхать. Ровно на полчаса сделали привал в поле у колодца.

Бой у деревни Бокзы

После отдыха Суворов должен был по первоначальному замыслу повести свой отряд на север, чтобы соединиться с австрийцами. Но тут обнаружилось, что к юго-западу от Крынгу-Мейлор, у деревни Бокзы, стоит сильная турецкая артиллерия. Она держит под обстрелом подступы к турецким укреплениям. Это была ключевая, главная позиция турок. И Суворов, вместо того чтобы идти на соединение с австрийцами, повел на нее свои войска. Он знал, что взятие батарей больше поможет Кобургу.

Турецкие артиллеристы почти в упор открыли огонь по русским. На фланги русских то и дело налетала конница. Был момент, когда казаки были рассеяны, но пехота держалась стойко. Построения пехоты в форме четырехугольников успешно отбивали атаки конницы со всех сторон. Казаки под прикрытием пехотинцев привели строй в порядок и отбили неприятеля.

Удачно действовали русские пушкари. Они дважды принуждали турок увозить пушки с позиций. Наконец деревня Бокзы была взята.

Когда шел этот бой, Юсуф-паша бросил на войска Кобурга сорок тысяч конников. Положение австрийцев было очень тяжелым. Но они не отступали. Особенно отличились венгерские гусары. Они неоднократно врубались в полчища турок и рассеивали их.

Кобург посылал к Суворову одного гонца за другим. «Пускай держится, — хладнокровно отвечал Суворов, — а бояться нечего, я все вижу». И русские в самое время поспели на помощь австрийцам: неприятель настойчиво теснил их по всему фронту, еще мгновение — и они побежали бы.

Бой у Крынгу-Мейлор

Войска Суворова примкнули к правому флангу австрийцев. Союзники расположились перед турецкими укреплениями дугой. С обоих флангов по неприяте-

лю ударили пушки. Турецкие артиллеристы ответили ожесточенной стрельбой. Однако турки, попав под перекрестный артогонь (с двух флангов), вынуждены были отойти за линию укреплений.

Теперь предстояло штурмовать укрепления.

Остается гадать, как проходил бы штурм, если бы начала и вела его пехота — так предписывали правила военной науки. Суворов поступил иначе. Он заметил, что турецкие укрепления еще не достроены: ров не глубок, насыпь не высока,— и он решил штурмовать конницей.

Суворов послал к Кобургу полковника Золотухина с планом действий. По этому плану пехотные каре первой линии были раздвинуты и между ними разместились конные отряды. Конница встала и на флангах первой линии.

Союзники подошли к укреплениям на полкилометра. Около четырех часов дня кавалерия, оставив пехоту, ринулась на вал. В короткое время всадники преодолели пространство, поражаемое стрелками, и ворвались в неприятельский лагерь. Началась схватка с янычарами. «Неможно довольно описать сего приятного зрелища,— писал потом Суворов,— как наша кавалерия перескочила их невозвышенный ретраншемент и первый полк Стародубровский, при его храбром полковнике Миклошевском, врубясь, одержал (захватил) начальные четыре орудия...»

Ошеломленные турки замешкались и не смогли своевременно открыть огонь по пехоте, которая уже переходила ров и торопилась на помощь кавалерии.

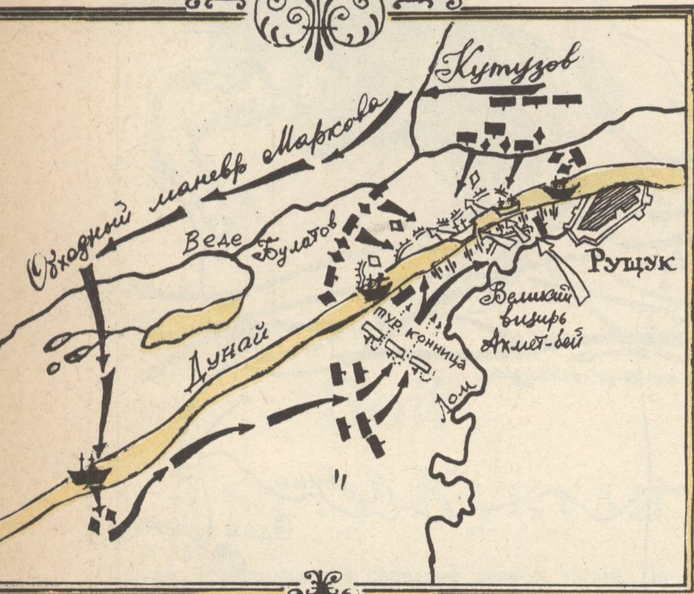
Суворовские чудо-богатыри ударили в штыки. Казаки и австрийские конники зашли в тыл неприятеля. Егеря рассыпались по лесу. У турок началась паника. Бросив укрепления, они бежали к лагерю в Мартинешти.

Преследование

Верховный визирь находился у Крынгу-Мейлорского леса. Обогнав отступавших, он стоял на дороге с кораном в руках и требовал остановиться. Увещевания ни к чему не привели. Тогда в бегущих стали бить из пушек, установленных в Мартинешти. Мост через Рымник, после того как по нему проскакал визирь, был взорван. Но все было напрасно. Конница и пехота бросались в реку, надеясь преодолеть ее вплавь. В полноводном после сильных дождей Рымнике люди и лошади тонули тысячами. Оставшихся на левом берегу уничтожала русско-австрийская конница. Множество турок разбежалось по окрестностям. Укрепленный лагерь у Мартинешти был взят стремительным налетом без особого труда.

Победителям достались сто знамен, восемьдесят пушек, несколько тысяч повозок с имуществом и продовольствием, верблюды, буйволы, мулы, палатки всех трех лагерей. Неприятель потерял убитыми де-

Окружение и капитуляция турецкой армии у Рущука

Условные обозначения:

Рисунки
Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

сять тысяч человек. У союзников убитых и раненых насчитывалась одна тысяча.

Через несколько дней в отдалении от места катастрофы собрались остатки стотысячной некогда армии Юсуф-паши, всего пятнадцать тысяч солдат.

Так закончилось блестящее сражение Суворова при Рымнике.

Чем характерна манера полководца? От начала до конца — стремительность, быстрота. Скорый марш к позициям неприятеля, быстрое движение на поле боя: войско Суворова с получасовым перерывом за двенадцать часов прошло, сражаясь, двадцать километров!

В быстроте движения, в быстроте решений, в быстроте удара — весь Суворов.

В заключение поговорим вот о чем: справедливо ли отдавать рымникскую победу русскому полководцу? Ведь австрийцев было больше, чем русских. Да, справедливо. Кобург сам говорил: «Счастье победы над врагами принадлежит Суворову». Принц называл Суворова своим «высоким учителем». Ученик при всей своей храбрости и мужестве не обладал полководческим талантом. Через несколько месяцев, командуя самостоятельно теми же войсками, имея шестикратное превосходство над турками, он ухитрился потерпеть от них поражение.

* Сражение * при Рущуке

Новая война с Турцией началась в 1806 году. Шла она безуспешно. И в 1811 году главнокомандующим русской Молдавской армией был назначен Кутузов. Задача перед ним стояла трудная: принудить Турцию к миру, пока не началась война с Францией. Всем уже было ясно, что Наполеон, покоривший Западную Европу, вот-вот двинется на Россию. «...я буду господином мира,— хвалился Наполеон,— остается одна Россия, но я раздавлю ее».

Молдавская армия насчитывала сорок шесть тысяч человек — сила немалая. Но войска эти были разбросаны на тысячу километров вдоль левого берега Дуная. На правом берегу в крепости Рущук стоял небольшой русский гарнизон, единственный опорный пункт русских на турецкой стороне.

Турки подготовили к сражению две армии: шестьдесят тысяч под командованием верховного визиря Ахмет-бея и двадцать пять тысяч под командованием Измаил-бея.

Ахмет-бей намеревался захватить Рущук, перейти Дунай и дать русским генеральное сражение у Бухареста. Туда кружным путем, чтобы ударить в тыл, должен был поспеть уже находившийся в пути Измаил-бей.

Кутузов, имевший хорошую разведку, знал планы турок. Но подтянуть к Рущуку войска не успел. Ахмет-бея он ждал всего с пятнадцатью тысячами. Правда, у русских было сто четырнадцать орудий, у неприятеля — семьдесят восемь.

Русские встретили турок в поле перед крепостью. Они сдержали все атаки турецкой конницы и в решающий момент вместе с гарнизоном Рущука контратаковали. Неприятель бежал, потеряв до пяти тысяч человек. Русские при этом потеряли убитыми и ранеными около пятисот солдат.

Как и Суворов, Кутузов всегда стремился не просто отогнать неприятеля, а уничтожить его. Однако на этот раз он приказал вернуть конницу, бросившуюся преследовать турок. Больше того, к удивлению всех, он отдал новый приказ: взорвать укрепления в Рущуке и всем войскам переправиться на левый берег Дуная.

Такого не ожидал никто. Царь был разгневан, соратники недоумевали: отдать единственную крепость противнику за здорово живешь! Кутузова упрекали в нерешительности, чуть ли не в трусости, хотя храбрость его была известна всем: под Плуштой он шел впереди полка со знаменем, при штурме Очакова и Измаила сражался в самой гуще боя.

Ахмет-бей, укрывшись в укрепленном лагере, ждал атаки русских. Когда пришла весть об уходе Кутузова за Дунай, он просто растерялся от радости. В конце концов верховный визирь послал в Константинополь победное донесение. В ответ пришли награды за разгром русских. Поздравление визирю прислал и Наполеон: его замысел навязать России одновременно две войны как будто сбывался.

О молодом Кутузове Суворов говорил: «Хитер, хитер... Никто его не обхитрит». И на этот раз ни свои, ни противник (что было самым важным) не поняли, к чему ведет дело полководец. А он и не думал отказываться от уничтожения армии противника. И придумал для этого вернейшее средство: оставленный туркам Рущук станет для них дверцей в западню.

Как рассуждал Кутузов? Добить армию Ахмет-бея нечем: нет войск для этого. Но и спугнуть противника нельзя. Пусть противник думает, что он силен и мы его боимся. Тогда он наверняка кинется за нами на левый берег Дуная. Из Рущука он не уйдет, оставит там гарнизон. По частям противника бить способнее и вернее. Получат свое и те, что перейдут реку, и те, что останутся в крепости. Правда, мнение обо мне самом изменилось, думают обо мне теперь плохо. Но я снесу все. Выгода Отечества превыше моей собственной выгоды...

Ахмет-бей поверил в то, что он победитель. Он объяснял уход Кутузова слабостью русских. Но что-то удерживало визиря в Рущуке. То ли его беспокоило положение армии Измаил-бея, которую задерживали схватки с небольшими русскими отрядами, то ли было у него предчувствие, что дело не кончится так уж безбедно. Лишь через два месяца, собрав семьдесят тысяч солдат, Ахмет-бей приказал начать переправу.

В ловушке

Наблюдая за неприятелем, переплывавшим Дунай, Кутузов сдерживал своих: «Пусть переправляются, только прошло бы их на наш берег побольше».

Сорок тысяч турок на левом берегу Дуная спешно возводили укрепленный лагерь, чтобы оттуда начать наступление. А в это время выше по течению в строгой скрытности переправлялся на правую сторону отряд генерала Маркова. В нем было пять тысяч пехоты, две с половиной тысячи конницы и тридцать восемь орудий. Маркову надлежало внезапной атакой разгромить турок на правом берегу.

Удар русских конников, подкрепленный атакой пехотных каре, ошеломил турок. Никому из них и в голову не приходило, что русские могут оказаться у Рущука, когда на другом берегу им грозит сам Ахмет-бей. Неприятель в короткое время был разгромлен и бежал.

Генерал Марков без промедления установил пушки у Дуная против турецкого лагеря и стал обстреливать его с тыла. Ударила по туркам артиллерия и с фронта. По реке — сверху и снизу — подошли четырнадцать русских военных кораблей. Корабельные орудия повели обстрел вражеских позиций с флангов.

Ловушка захлопнулась. Ахмет-бей был окружен.

Армия неприятеля частью была уничтожена, частью сдалась в плен. Турции ничего не оставалось, как просить мира у России.

Европа ахнула, узнав, чем кончилось сражение у Рущука. Легко представить, как был обескуражен и разгневан Наполеон, недавно поздравлявший Ахмет-бея с победой. «Поймите этих болванов турок,— возмущался император,— у них дарование быть битыми. Кто мог ожидать и предвидеть такие глупости!»

Наполеон напрасно в таком тоне говорил о турках. Некоторое время спустя он, великий полководец, военный гений, сам оказался в подобном положении. Сражение у Рущука почти полностью повторилось в сражении под Москвой — только размеры его были гигантскими. После Бородинской битвы Кутузов отступил к Москве и, как это ни было горько, отдал столицу неприятелю. Но Наполеон вошел в нее, как Ахмет-бей в Рущук, уже побежденным. «Я баталию выиграл прежде Москвы,— говорил сам Кутузов,— но надобно оберегать армию, а скоро все наши армии, то есть Тормазов, Чичагов, Витгенштейн и еще другие, станут действовать к одной цели, и Наполеон долго в Москве не пробудет».

Высокомерие, самовосхищение, близость господства над всем миром густым туманом скрыли от Наполеона близившуюся катастрофу. И опять, как при Рущуке, ни свои, ни чужие не понимали действий Кутузова. Только сам фельдмаршал знал наперед, чем все кончится, и мужественно ждал, когда истечет положенное время.

Донской казак

Русский народ, армия и ее великий полководец положили конец честолюбивым мечтам Наполеона о мировом господстве, разделе России между его союзниками. С жалкими остатками своего воинства он едва унес ноги с русской земли.

*

Бывают бои на ринге, когда боксер наносит противнику один за другим новые и новые удары. Ошеломленный противник не успевает ни защищаться, ни разумно отходить. Угроза его поражения нарастает на глазах, как снежный ком. Нокаут! Это суворовский почерк.

Но бывают бои, когда боксер будто бы не торопит события, он сближается с противником, но каждый раз уходит. Противнику начинает казаться, что с этим медлительным боксером можно покончить разом, он даже «знает», куда нужно нанести решающий удар. Но он не ведает того, что мысль о таком ударе не его собственная — она внушена ему соперником. И когда он бьет в уязвимое, казалось бы, место, оно оказывается защищенным, а открывается в этот момент он сам. Нокаут! Неожиданный, как гром среди ясного неба. Это кутузовский почерк.

Турецкий кавалерист

Живой голос Ильича

И. КОЛЧИНА

Если ты еще не был, то обязательно будешь в Центральном музее В. И. Ленина. Он находится в Москве, у самой Красной площади. Экскурсовод сначала поведет экскурсантов по залам, покажет: вот аттестат ученика гимназии Володи Ульянова, вот макет шалаша в Разливе, где скрывался Владимир Ильич, вот книги, над которыми он работал. А потом ты поднимешься по широкой, покрытой ковром и украшенной цветами лестнице и попадешь в кинозал. Медленно погаснет свет, и с экрана тебе улыбнется знакомое и такое родное лицо Ленина. Когда снимались кадры этого фильма, кино называли великим немым. Тогда еще не умели записывать звук. И все-таки ты услышишь живой голос Владимира Ильича.

Как дошел он к нам?

Ты видишь фотографию Ленина перед странной, похожей на старинный граммофон трубой. Это картонный рупор. Фотограф снял Ленина 29 марта 1919 года, в тот момент, когда он произносил речь для записи на грампластинку.

В то время не было ни Дома звукозаписи с просторными студиями, ни достаточно хорошей техники, которая воспроизводила бы голос в «чистом виде», без искажений. Примитивное записывающее устройство состояло из мембраны, иглы и воскового диска. Не было звукофильтров, и вместе со словами на диск ложились технические помехи: шумы, щелчки, потрескивания.

Записывали голос Владимира Ильича сначала в специально подготовленном для этого помещении Кремля, а потом в доме Центропечати на улице Горького. Всего в 1919—1921 годах было записано тринадцать речей Ленина. Сохранилось их только десять...

Обо всем этом мне сообщили звукорежиссеры Д. И. Гаклин, Б. А. Жорников и В. Н. Таболин. Они много лет работали и продолжают работать над реставрацией записей голоса Ленина.

— Речь Владимира Ильича производила на слушателей необыкновенное впечатление,—рассказывал Борис Александрович Жорников.— И дело даже не только в том, **что** он говорил, но и в том, **как** он говорил: очень эмоционально, с богатыми и разнообразными интонациями, со множеством тонов и оттенков. Как передать их тем, кто не имел счастья слышать живого Ленина, и донести до потомков неповторимое обаяние ленинской речи?

В конце сороковых годов специалистам удалось значительно улучшить первоначальные записи голоса Ленина, сделать их чище, четче. Вот тогда-то и заговорил с экрана живой Ильич. Однако работа продолжалась. Перед реставраторами возникали новые и новые вопросы. Соответствуют ли записи истинному тембру и ритму речи? Как говорил Ильич — тенором или баритоном? Судя по прежним записям, как будто тенором, по свидетельствам же тех, кто его слышал, по письмам, документам — баритоном.

Начались поиски самых первых пластинок и матриц, с которых пластинки печатались. Вместе с работниками Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС реставраторы искали их в Красногорском архиве кинофотодокументов, в музеях, частных коллекциях — ведь прошло столько лет и столько бурных событий!

Нашли! Оригиналы старых грампластинок. Сняли с них копии. Но теперь с какой скоростью должен вращаться диск, чтобы тембр голоса был как можно ближе к истинному?

И опять кропотливые исследования. Реставраторы изучили всю литературу и технику звукозаписи тех лет. Выяснилось, что одна из пластинок с записью арии из оперы «Фауст» была изготовлена на той же аппаратуре, что и пластинки с записями речей Ленина. Сняли копию, проиграли. Так установили скорость вращения диска, при которой речь Владимира Ильича звучала естественно,— семьдесят восемь оборотов.

Теперь запись переносят на магнитофонную ленту. А вместе с голосом переходят на ленту шумы, сопровождавшие звучание речи на грампластинке. Тогда реставраторы тщательно, как самые тонкие ювелиры, «чистят» ленту: вырезают кусочки с шумами, склеивают те, на которых слова, вновь прокручивают, слушают и снова вырезают.

Конечно, в их распоряжении новейшая электроакустическая техника, корректоры звуковых частот, шумоподавители, спектрографы и звукосмесители. Но никакой аппарат не способен пока заменить человеческий слух. Лишь он один обладает способностью из потока звуков выбирать нужный ему в данный момент и «не слышать» других. Так, занятые разговором или чтением, мы совершенно не слышим маятника часов. Ухо человеческое способно также улавливать тончайшие оттенки интонаций голоса. Очень точный музыкальный слух нужен реставраторам звука.

Крутятся металлические диски магнитофонов, чертит на экране электронный луч спектр звуковых частот голоса Ленина.

Вновь и вновь звучит в студии речь вождя. Звукорежиссеры в который раз вслушиваются в каждое слово, поправляют, уточняют его звучание...

Когда работа, по мнению реставраторов, была на верном пути, когда был закончен уже далеко не первый по счету вариант речей, в Дом звукозаписи пришли те, кто лично знал, не раз слышал Владимира Ильича,— старая гвардия большевиков: Ф. Н. Петров, Л. А. Фотиева, П. И. Воеводин, С. Г. Уралов, Т. С. Кривов, Е. К. Минина. Дорогой наградой кропотливого труда реставраторов было их единодушное заключение: «Да, это говорит Владимир Ильич!»

Теперь это совсем просто: достаточно зайти в магазин и купить грампластинку, чтобы в твоей комнате, в классе, в школьном зале зазвучал живой голос вождя революции.

А реставраторы не считают свой труд законченным. У них новые задачи и новые поиски. Работа продолжается. Не найдены записи еще трех речей Владимира Ильича, сделанные в 1921 году: «О продовольственном налоге», «О концессиях и о развитии капитализма» и «О потребительской и промысловой кооперации». Специалисты ищут эти пластинки и гальванические диски, с которых они печатались. И, кто знает, может быть, именно тебе, юный читатель, удастся им помочь в этом ответственном, важном деле...

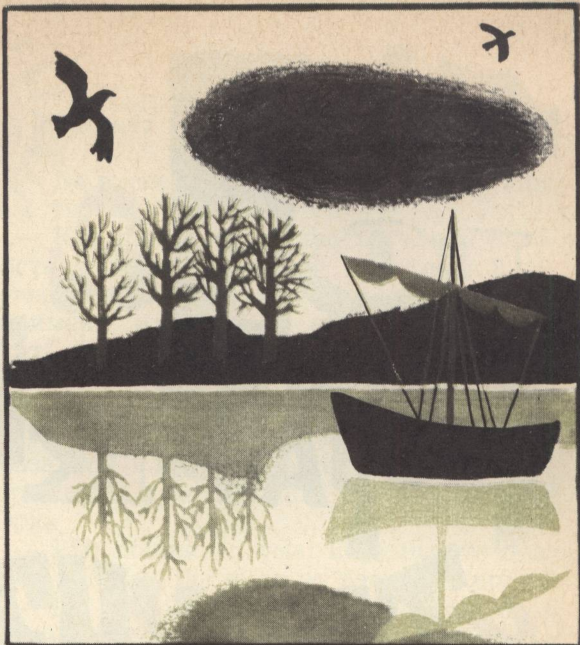

Рисунок И. ГАЛАНИНА.

Мара ГРИЕЗАНЕ

В той стране, на морском берегу,
я спала в колыбели.
В детстве тихой была,
как смиренная штилем вода.
В той стране, на морском берегу,
у холодной купели,
где горит по сей день
моя северная звезда.

ГРАВЮРА

Белое море
под черной звездой.
Белая лодка
над черной водой.
Белые птицы
средь черных высот.
Мама вся в белом
у черных ворот.

РЫБАКИ

Я люблю рыбаков.
Зовы гулкие их кораблей,
чешую на сетях —
миллионы чуть видных подков,
гребни пены, что снега белей,
дальний свет обжитых берегов
и простор без оков и замков.
Я люблю рыбаков.
Бесшабашных скитальцев морских,
блеск луны в их сетях,
грохот яростный их башмаков
по торцам мостовых городских,
труд их праздничный без дураков,
доброту сторожей-маяков.
Я люблю рыбаков.

**Перевел с латышского
Вадим ЧЕРНЯК.**

Б. САРНОВ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Продолжение

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

Необходимо трудовое воспитание...

Виктор Петрович и Коля возбужденно бегали по кабинету, время от времени бросая друг другу раздраженные, запальчивые фразы.

За время, прошедшее с тех пор, как мы их оставили, температура их давнишнего спора повысилась на несколько градусов. Но сам спор ни на йоту не сдвинулся с мертвой точки.

— Обязательно надо ставить эксперимент! — горячился Коля.

— Какое легкомыслие! Это недостойно настоящего ученого! — сердито возражал Виктор Петрович.

— А страх перед собственным открытием? Это достойно настоящего ученого? — ехидно спрашивал Коля.

Трудно сказать, до каких взаимных оскорблений дошли бы учитель и его любимый ученик, если бы этот бурный разговор не был прерван внезапным появлением Елены Николаевны.

Она стремительно ворвалась в кабинет и швырнула на стол перед Виктором Петровичем какую-то потрепанную тетрадку:

— Вот! Пожалуйста! Полюбуйся! Доигрались с вашей наукой!

Тетрадка при ближайшем рассмотрении оказалась Юриным дневником. Виктор Петрович взял его в руки и с некоторой опаской стал перелистывать.

Каждая страница дневника была испещрена надписями. Иные надписи носили характер спокойной и суровой констатации факта: «Мальчик крайне ленив!» Или: «Безобразно вел себя на уроке химии». Или: «Играл в волейбол во время классного часа». Но гораздо больше было надписей, представлявших собой патетические и грозные обращения к родителям. Каждая такая надпись, по мысли писавшего, должна была потрясти сердце того, к кому она была обращена. И каждая из них была в то же время возгласом отчаяния, сигналом бедствия, воплем о помощи: «Родители! Ваш сын крайне развязен! Обратите внимание на воспитание вашего сына!» Или: «Родители! Ваш сын не приучен к порядку и к работе!» Или совсем кратко: «Родители! Вовремя займитесь сыном!»

Болезненно щурясь, Виктор Петрович листал этот потрясающий документ, при каждом возгласе, обращенном к нему, испуганно втягивая голову в плечи. Но Елена Николаевна не давала ему сосредоточиться на одной какой-нибудь странице.

— «На уроке не работал, мешал другим!» Это ерунда! — говорила она, быстро листая дневник.— «Родители! Ваш сын груб и плохо воспитан!» Это тоже тебя не касается! Это уж я как-нибудь сама... Ага, вот! Полюбуйся, пожалуйста! Учитель физики обращается прямо к тебе! Читай!

Виктор Петрович отодвинул слегка дневник, подсунутый женой к самым его глазам, и, запинаясь, проглатывая слова, прочел вслух:

— «Уважаемый тов. Красиков! Ваш сын на моем уроке проделал ряд фокусов, противоречащих данным современной науки. Я знаю, что институт, которым вы руководите, занят разработкой... Относясь с большим уважением к вашим работам и к вам лично... Полагаю, что вы напрасно сделали объектом столь серьезного эксперимента своего сына... Мальчик легкомысленно воспользовался своими преимуществами для дискредитации педагога и тем самым способствовал ущемлению авторитета науки в глазах других учащихся...»

Дочитав это обращение до конца, Виктор Петрович повел себя очень странно. Он подошел к Коле, схватил его за лацкан пиджака и стал трясти, приговаривая:

— Ну, что? Теперь вы довольны? А?! Сделал объектом эксперимента... Какой кошмар!.. Это все ваши штуки!..

Отпустив наконец ошеломленного Колю, Виктор Петрович достал ключ, отпер бюро, вынул колбочку, посмотрел ее на свет. Убедившись, что колбочка по-прежнему наполнена и крышка ее аккуратно завинчена, он поставил ее на место, снова запер бюро и облегченно перевел дух.

— Ф-фу! Колечка, простите меня, ради бога! Впрочем, вы сами виноваты. Скоро вы доведете меня до психоза, честное слово!

— Да в чем дело, Виктор Петрович? При чем тут я?

— Как при чем? Вы знаете, какая нелепость сейчас мне пришла в голову? Я подумал: вот мы спорим с вами, ставить эксперимент или нет, а эксперимент уже идет!

— Ага! Понял! Вы решили, что Юрка... Да-а, так и в самом деле недолго рехнуться!.. А, по правде говоря, мне жаль, что это оказалось ложной тревогой. Если вы категорически против, пусть бы уж хотя бы Юрка...

— Вы сошли с ума! Если бы это подтвердилось, я бы умер от разрыва сердца!

— Ну, конечно! — ворвалась в разговор Елена Николаевна.— Если бы что-нибудь случилось с вашей проклятой микстурой, ты бы умер от разрыва сердца. А на сына тебе наплевать! Вместо того, чтобы помочь ребенку завоевать в школе авторитет, ты со своей наукой только создаешь ему дополнительные трудности!

— Какие трудности, Ляленька! Это — просто недоразумение. Я напишу этому педагогу записку.

— При чем тут педагог! Дело не в педагоге! Дело в том, что ты опять отдалился от Юрия. Было время, ты к нему приблизился. А теперь снова от него отошел... Я говорила с Раей Стацинской, ты напрасно улыбаешься, Рая очень умная женщина, она сказала, что мальчика надо во что бы то ни стало определить в какую-нибудь спортивную секцию. В этом возрасте важно, чтобы он постоянно был занят, чтобы у него не было буквально ни минуты свободной... У меня уже был разговор с Юрием на эту тему. Он согласен...

— Вот и великолепно! — сказал Виктор Петрович.

— Ну да, но Юрий заявил, что не желает заниматься никаким другим видом спорта, кроме самбо. Ты знаешь, что такое самбо? Это ужас! Они хватают друг друга и как-то там перекидывают через себя... Но, с другой стороны, я уже готова на все. Пусть самбо! Пусть что угодно, только бы мальчик не был предоставлен самому себе...

— Без-зу-словно! — рассеянно сказал Виктор Петрович.—Как вы думаете, Колечка? Вовсе не худо, если парень в случае чего сумеет сам за себя постоять?..

— Конечно, конечно, — с готовностью подтвердил Коля. — Я сам в свое время увлекался. Самбо — это вещь!

— Хорошо, пусть самбо! — согласилась Елена Николаевна.— Но не думай, пожалуйста, что на этом все проблемы кончаются. Необходимо что-то еще. Правда, в последнее время я немного успокоилась. С тех пор, как к нему стали ходить этот

Саша и Леночка. Особенно Леночка. Все-таки девочка, знаешь... Это как-то невольно облагораживает...

Виктор Петрович очень боялся, как бы его опять не обвинили в том, что он участвует в разговоре формально.

— Девочка? — сказал он глубокомысленно.— Это тоже, знаешь, палка о двух концах...

— Какие пошлости ты говоришь! — искренне возмутилась Елена Николаевна.— Лена в высшей степени интеллигентная девочка! Я уверена, что она оказывает на Юру благотворное влияние!

— Вот и прекрасно! — сказал Виктор Петрович, опять потеряв бдительность и не сумев утаить, что поглощен какими-то своими мыслями.

— Виктор! — Голос Елены Николаевны задрожал от еле сдерживаемых слез.— В конце концов ты отец или не отец? Почему твоя голова работает только в одном направлении? Ты ведь умный! Ну, придумай что-нибудь!

Виктор Петрович послушно стал думать и наконец нашел выход из положения:

— Необходимо трудовое воспитание, вот что. Все горе в том, что он у тебя бездельник. Ты его избаловала! Хоть раз в жизни ты пробовала послать его в магазин?

Елена Николаевна была слегка сбита со своих позиций этой неожиданной атакой. Виктор Петрович опять оказался на коне. Не зря великие стратеги древности говорили, что лучший способ обороны — нападение.

В Юриной комнате интеллигентная Лена Пыльникова оказывала на Юру и заодно на присутствующего здесь Сашуню благотворное влияние. Это выражалось в том, что она учила их играть на гитаре.

— Хватит тебе! Ты долго уже, теперь я! — Юра отнял гитару у Сашуни и, мучительно фальшивя, попытался воспроизвести на одной струне первую фразу известной песни «Во саду ли, в огороде...».

Он отчаянно старался, пыхтел, отбивал такт ногой.

— Не так! Идиот! — с абсолютным сознанием своей власти над ним сказала Лена и покровительственно показала, как надо.

Юра, не реагируя на оскорбление, послушно выполнил указание своей наставницы.

Вошла Елена Николаевна. В руках ее была тарелка с яблоками. При ее появлении Лена и Сашуня мгновенно преобразились.

— Здрасьте,— вскочила Лена.

— Здравствуй, детка. Ешьте яблоки, обед еще не скоро.

Сашуня, вежливо наклонив голову, взял яблоко. Лена, соблюдая приличия, сначала отнекивалась:

— Ой, что вы, спасибо, мне не хочется! Наконец и она уступила:

— Большое вам спасибо! — и тоже взяла яблоко.

Покончив с церемонией угощения, Елена Николаевна умильными глазами смотрела на Юру, который старательно пытался воспроизвести все на той же одной струне последующую музыкальную фразу: «Де-ви-ца гу-ля-ла-а-а...»

— Ну вот, видишь? — назидательно сказала Елена Николаевна, когда и эта отчаянная попытка увенчалась успехом.— Потрудился немного, и получилось!.. Вообще-то он способный,— обратилась она к Лене.— Но ему не хватает усидчивости...

— Без труда не выудишь и рыбку из пруда,— подхалимским голосом сообщил Сашуня.

И тут Елена Николаевна сразу вспомнила о главной педагогической цели своего появления.

— Да, Юрик, у меня к тебе просьба,— решительно сказала она.— Вот тебе деньги, сходи в молочную. Возьмешь триста грамм масла, две бутылки кефира и две бутылки молока.

— Вот еще! — возразил Юра. Он был явно ошеломлен таким поворотом событий.

— Ты как со мной разговариваешь? Лена, Саша! — обратилась Елена Николаевна к общественному мнению.— Вы тоже так отвечаете своим родителям, когда они просят вас сходить в магазин?

— Ну что вы! — сказал Сашуня, решительно отметая такое ужасное подозрение.

— Не волнуйтесь, Елена Николаевна, он сходит. Мы сейчас вместе сходим,— сказала Лена.

— Ладно, так и быть, схожу,— уступил Юра под давлением обстоятельств.— Через полчасика!

— Не через полчасика, а сейчас. Скоро перерыв, молочная закроется.

Многозначительно взглянув на Лену: правильно, мол, оказывай и впредь благотворное влияние! — Елена Николаевна ушла.

Юра вяло дал подзатыльник Сашуне, показал кулак Лене и лениво начал зашнуровывать кеды.

— Триста грамм масла, две бутылки молока...— тупо бормотал он себе под нос, чтобы не забыть.

И вдруг простая мысль осенила его.

В молочной девушка-продавщица отрезала от большого куска триста граммов масла, кинула на весы, добавила еще крохотный кусочек, быстро и ловко завернула в бумагу, подала покупательнице. Та протянула руку, чтобы взять покупку. Но взять сверток она не успела. Масло исчезло.

— Чего вы ждете? Следующий!

— А масло где?

— А масло?

— Очки наденьте! Я вам только что дала ваше масло!

— Я не брала.

— В сумку свою загляните получше.

— Слушайте, я ведь не слепая!

— А я, по-вашему, что, ненормальная?

Юра в своей комнате, беззвучно шевеля губами, сосредоточенно смотрел на пустой стол.

На столе появился сверток с маслом, бутылка кефира, затем вторая.

— Юрик! Ты еще не ушел? — раздался за дверью голос Елены Николаевны.

— Не-ет! — ответил Юра, делая отчаянные знаки друзьям.

Сашуня и Лена быстро спрятали кефир и масло под кушетку.

— Купи заодно еще два десятка яиц. Денег тебе хватит!

— Ла-адно! — громко ответил Юра матери. И тут же вполголоса, деловито сказал Сашуне и Лене:— Значит, масло есть, кефир есть. Осталось молоко... Да, еще яйца...

В молочной тем временем разыгрался уже настоящий скандал.

— Молодежь! — в сердцах говорила пожилая покупательница.— А еще объявлений каких понавесили! — указала она на плакатик «Вас обслуживает бригада коммунистического труда». — Постыдились бы!..

Девушка-продавщица плакала.

На шум вышел щекастый парень, как видно, бригадир или заведующий.

— В чем дело? — строго спросил он.— У Кругликовой опять недостача?

— Ой! Я прямо и сама не знаю, что это такое делается! Только что были здесь две бутылки молока, и вдруг нету! — навзрыд причитала Кругликова.

— То есть как это «были и нету»? Чудес на свете не бывает! — авторитетно разъяснил щекастый.

И вдруг застыл, разинув рот.

Яйца, стоявшие в специальной установке из папье-маше, одно за другим начали исчезать. Несколько секунд — и вот уже почти все ячейки, которые только что были заполнены, опустели.

— Шестнадцать, семнадцать, восемнадцать...— считал Юра.

На столе перед ним одно за другим появлялись яйца.

— Девятнадцать, двадцать! Стоп!

Появление яиц прекратилось.

— Юрик! Ты все еще не пошел?—раздался за дверью голос Елены Николаевны.

— Ну что шумишь? — добродушно-фамильярно, с сознанием своих заслуг перед семьей отозвался Юра.— Давно уже все принесли.

— Смотри как быстро! Я и оглянуться не успела. Ну, что? Стоило пререкаться с матерью из-за такого пустяка? — оживленно говорила Елена Николаевна, заглядывая в комнату и забирая продукты.

Внезапно лицо ее страшным образом изменилось. Прижав руки к груди, расширенными от ужаса глазами смотрела она на стол, где лежала нетронутая, неистраченная, даже неразмененная пятерка.

— Юрий! — сказала она трагическим шепотом.— Вот пять рублей, которые я тебе дала. Они целы. Своих денег у тебя нет и не может быть. Немедленно отвечай: где ты взял деньги на продукты?!

— Я не помню,— по-дурацки ответил Юра. И сразу же сообразил, что влип.

— Юрий! Ты ведь знаешь, я могу простить тебе все, только не ложь. Лучше скажи правду, как бы она ни была ужасна!

Юра изо всех сил пытался выкарабкаться из болота, в котором случайно очутился, но, как всегда бывает в таких случаях, делал одно неловкое движение за другим и в результате увязал все глубже и глубже:

— Сам не знаю, откуда они взялись. Сунул руку в карман, а там какая-то бумажка. Я думал, это те, что ты мне дала...

— Не лги! — тут же уличила его Елена Николаевна.— У мальчика твоего возраста не может быть таких карманных денег!

Юра тоскливо смотрел в сторону и молчал.

И вдруг совершенно неожиданно пришло спасение.

— Ой, это, наверно, мои пять рублей! Ну, конечно! — сказала Лена.— Мне мама дала новые кеды купить. У меня кеды совсем порвались. Мне из-за этого даже один раз отметку чуть не снизили по физкультуре... Я дала ему спрятать в карман, у меня кармана нету, неудобно ведь деньги все время в кулаке держать... А потом и сама забыла... Большое вам спасибо, что напомнили...

Лена взяла со стола пятерку.

Дело таким образом выяснилось, и у Елены Николаевны сразу же стало легко на сердце.

— Боже, как вы меня напугали! — облегченно вздохнула она.— Глупые дети! Ну разве можно быть такими растяпами?

«Бензин ваш, идеи наши...»

Юра, Лена и Сашуня вышли из подъезда Юриного дома.

— Спрячь, тупица,— сказала Лена, отдавая Юре пятерку.— Не умеешь врать, лучше совсем молчи!.. «Сунул руку в карман, а там какая-то бумажка...» — передразнила она растерянное и беспомощное Юрино вранье.

— Да, сынку, не помогли тебе твои ляхи! — сказал начитанный Сашуня.

— Какие ляхи? — мрачно спросил Юра.

— Я говорю, не помогла тебе твоя телепатия!

— Ну ее к дьяволу, эту телепатию! — буркнул Юра.— Одни неприятности от нее!

— Неприятности не от телепатии, а оттого, что телепатия дураку досталась,—назидательно сказал Сашуня.

— Это почему же я дурак, интересно?

— А потому дурак, что величайшее научное открытие на ерунду тратишь.

— Интересно, на что бы ты его потратил? — вмешалась Лена.

— Да уж, во всяком случае, не на кефир!

— Ой! Мальчики! Я придумала! — вскрикнула Лена.

— Что придумала? — спросил Сашуня

— Водка — страшное зло! — сказала она, задумчиво глядя в пространство.

— Что это с ней? — спросил Юра.

— Юрка, я придумала! Ты должен спасать людей от пьянства!

— Еще чего! — сказал Юра.

— Тебе ж это ничего не стоит! Ты же можешь сразу уничтожить всю водку! — развивала Лена свою идею.

— Новую сделают,— неуверенно сказал Юра.

— Стоп! В этом что-то есть! — сказал Сашуня.— Зачем всю уничтожать? Как увидим, что кто-нибудь хочет надраться, быстро меняем ему водку на боржом, коньяк — на квас. Небольшая рокировочка! Соображаешь?

Юра постепенно начал соображать. И чем больше он соображал, тем больше эта идея начинала ему нравиться.

Юра, Лена и Сашуня, примостившись за металлическим парапетом открытого кафе на Арбатской площади, пристально изучали посетителей, пытаясь выделить среди них алкоголиков.

Сразу же их внимание привлекла большая компания, разместившаяся за двумя сдвинутыми вместе столами в центре зала. К компании как раз в этот момент подошел официант с подносом, уставленным бутылками. Бутылки, одна за другой, переходили с подноса на столы. Появление каждой новой бутылки сопровождалось удовлетворенными, предвкушающими возгласами компании.

— Годится! — сказал Сашуня, толкая Юру в бок. Юра кивнул.

Тотчас же на столах вместо бутылок «Столичной» и «Российской» оказались бутылки нарзана и боржома.

— А нельзя ли чего-нибудь... э-э-э... посущественней! — робко намекнул самый деликатный представитель веселой компании, разочарованно вертя в руках бутылку боржома.

— Да-а, поскупился Иван Андреич! Поскупился! Где ж это видано? Такое дело нарзаном обмывать! — бурно поддержал его другой.

— Эй, милок! Ты чего это нам принес?— крикнул официанту красный от стыда и гнева Иван Андреевич. — Так дело не пойдет!

Официант вернулся к сдвинутым столам. Между ним и компанией началась оживленная перепалка.

Тем временем в поле зрения наших героев попал другой столик. За ним сидели двое мужчин. На столе стоял графинчик с коньяком, рюмки и тарелочка с несколькими ломтиками черного и белого хлеба. Рюмки были налиты.

— Ладно уж, давай! — сказал один и решительно поднял рюмку.

— Да потерпи ты минуту, ей-богу! Закусить-то надо или нет?

Нетерпеливо озираясь, мужчина поставил рюмку на стол.

— Годится! — сказал Сашуня, толкая Юру локтем. Юра кивнул.

Никаких изменений с графином, рюмками и коньяком как будто не произошло.

Появился официант, поставил на столик тарелочки с салатом, еще какую-то закуску. Друзья радостно чокнулись и выпили. И тотчас же их лица выразили такую высокую степень отвращения, что Юра Красиков, переглянувшись с Сашуней, удовлетворительно отметил:

— Порядок!

Не было никаких сомнений, что его вмешательство и тут сыграло роковую роль.

Стремительно разрастался скандал. Зазвучали гневные голоса:

— Жулики!

— Заведующего сюда!

— Я тебя выведу на чистую воду!

За одним из столиков сидел знакомый нам корреспондент из газеты в замшевой куртке. С ним была очаровательная тоненькая девушка. На столике перед ними стоял графинчик с коньяком, нарезанный ломтиками лимон, закуска.

— Слушай, по-моему, здесь как-то слишком оживленно! — сказала девушка.

— Спокойно, Ритатуля! Не обращай внимания, будем наслаждаться жизнью!— легкомысленно ответил корреспондент.

Но насладиться жизнью им не удалось.

Корреспондент заметил Юру, Лену и Сашуню, прижавшихся к парапету. Внезапная догадка озарила его лицо. Мгновенно забыв о своем намерении спокойно наслаждаться жизнью, корреспондент встал из-за стола и быстрым шагом направился к ребятам.

Этот маневр вовремя заметил Сашуня.

— Юрка! Атас! — крикнул он.

Юра мгновенно оценил обстановку и, схватив Лену за руку, побежал вслед за Сашуней.

— Эй! Ребята! Погодите! Да не бойтесь меня! Вот чудаки! — кричал корреспондент, лавируя между столиками, расталкивая скандалящих посетителей и оправдывающихся официантов. Но, когда он наконец протиснулся к парапету, ребят там уже не было.

Убедившись, что предполагаемых виновников скандала ему все равно не догнать, корреспондент вернулся за свой столик. Достал блокнот, лихорадочно стал его листать.

— Прямо горишь на работе, ни дня без строчки, — насмешливо сказала Ритатуля.

— Да нет, понимаешь, я этого парня давно уже засек. У меня тут даже где-то его фамилия записана. И номер школы. Странный парень...

Стремительно разрастался скандал.

Он поднял рюмку с коньяком, поднес ее к губам, выпил. Нет, это был явно не коньяк. Бурда какая-то. То ли квас, то ли просто подкрашенная водичка. Однако вместо досады или негодования на лице корреспондента отразилось выражение самого неподдельного восторга.

— Па-тря-сающе! — сказал он в пространство и быстро-быстро начал что-то строчить в своем блокноте.

Юра, Лена и Сашуня перебежали Арбатскую площадь, нырнули в тоннель подземного перехода, выбежали на бульвар. Им казалось, что за ними гонятся. В ушах у них все еще звучали громкие, возбужденные голоса обманутых посетителей кафе.

Только очутившись на бульваре, они почувствовали себя в безопасности и, задыхаясь, плюхнулись на скамью.

— Неужели он нас узнал? — спросил Юра, еле переведя дух.

— А ты как думал?

— Что же теперь будет?

— А ничего не будет. Доказать-то все равно ничего нельзя. Ты только смотри, сам не проболтайся,— посоветовал Сашуня.— А главное, не дрейфь.

— Мы на правильном пути... Я все понял. Тебе надо лечить больных.

— Ты что? — Юра красноречиво покрутил пальцем около лба.

— Между прочим, не так глупо,— одобрила Лена.— Можно, например, зубы рвать...

— Зачем зубы? — сказал Юра, постепенно начиная понимать все преимущества новой идеи. — Зубы — это мелочь! Я знаю, что надо сделать! Надо попробовать на Кострикине!

— Вот это блеск! — сказал Сашуня.— Как это мне сразу в голову не пришло! Это действительно идея!

Он поглядел на Юру, словно не узнавая его, и сказал по обыкновению насмешливо, но в то же время уважительно:

— Смотри! Дурак, дурак, а — дурак!

Витька Кострикин был одноклассником Юры, Лены и Сашуни. Всего за несколько дней до того, как Юра Красиков стал «телепатом», Витька упал с турника, сломал ногу и на «Скорой помощи» был увезен в больницу Склифосовского.

Говорили, что лежать Витьке в больнице со сломанной ногой предстоит еще очень долго, несколько месяцев, а то и полгода.

Разыскав хирургическое отделение больницы имени Склифосовского и не без труда выяснив номер Витькиной палаты, Юра, Лена и Сашуня наткнулись на неожиданное препятствие.

— Посетительский день был вчера! Не видите, что ли? Пятница, от двух до пяти,— непреклонно заявила флегматичная нянечка в раздевалке и категорически отказалась выдать ребятам белые халаты.

Ребята совсем было уже собрались отложить исполнение своего плана до следующего «посетительского дня», но Сашуня вовремя сообразил:

— Давай пускай в ход свою телепатию.

— Последний раз спрашиваю, дадите халат? — дерзко спросил Юра у вредной старухи.

— Иди, мальчик, иди отсюдова! — как и следовало ожидать, ответила старуха.

— Ну и ладно, без вас обойдемся,— сказал Юра, и тотчас, к изумлению бедной гардеробщицы...

...На нем, на Лене и на Сашуне оказались халаты, причем не куцые и застиранные, а накрахмаленные, сверкающие ослепительной белизной, хрустящие, и не внакидку, как у посетителей, а надетые в рукава и аккуратно завязанные сзади тесемочками, как у хирургов.

— А если там кто-нибудь из врачей? Что мы скажем? — робея, спросил Юра.

— Не дрейфь, телепат! Бензин ваш, идеи наши! — подбодрил его Сашуня.

И они вошли.

Черная неблагодарность

Витька лежал в очень живописной позе. Нога его в плотной гипсовой упаковке была задрана кверху и подвешена чуть ли не к потолку с помощью сложного приспособления, напоминающего самолет неизвестной конструкции.

В палате, помимо Витьки, было еще человек восемь. Некоторые из них были ходячие: с переломами рук. Некоторые сидели, вынимали из тумбочек какую-то снедь, закусывали. Некоторые лежали в таких же живописных позах, как Витька.

— Здравствуйте, товарищи! — сказал Сашуня очень солидно: у него был свой план действий.

— Здравствуйте, молодежь,— сказал пожилой сидячий больной.— Откуда же вы такие будете?

— Мы из Вияка,— не моргнув глазом, ответил Сашуня.— Из Всесоюзного института ядерных комбинаций. Практиканты.

— Такие молоденькие и уже практиканты,— не слишком даже удивляясь, сказал сидячий больной.— Из ядерного? Как же, знаю. Это где атомом лечат? Ох, милые вы мои, уж обижайтеся, не обижайтеся, а не верю я в этот ваш атом...

Пожилому, как видно, очень хотелось поговорить на атомные темы. Но Сашуня разговаривать с ним больше не стал. Деловитой походкой подошел он к Витькиной койке и сказал вполголоса:

— Здравствуй, Кострикин. Учти, ты нас не знаешь. Мы практиканты, будем пробовать на тебе новый метод лечения.

— Так я вам и дался! — сказал Кострикин, слабо ориентируясь в обстановке.

— Чудик! Это либо выйдет, либо нет. А больно не будет! — сказал Юра.

— Видали мы таких! Не будет... Они тоже сначала говорили «не будет». А потом я, знаешь, как орал? Несмотря, что усыпляли.

— Да что ты с ним разговариваешь? Ты делай свое дело! — сказала Лена.

Сашуня тоже поторопил:

— Быстро! А то войдет кто-нибудь...

Осмотрев ногу Кострикина, Юра озабоченно покачал головой и громко спросил, обращаясь к Сашуне:

— Комбинация? Пунктуация? Операция?

— В данном случае, мне кажется, надо прибегнуть к тирьямпампации,— важно ответил Сашуня.

Юра, многозначительно кивнув, стал «гипнотизировать» ногу Кострикина.

— Ну, как? — спросил он, выждав для приличия две-три секунды.

— Что как? — не понял Кострикин.

— Попробуй, ногой пошевелить можешь?

— Сказал тоже! Пошевелить. Мне даже подумать об этом страшно. У меня, знаешь, какой перелом? Со смещением коленного сустава. У меня кость не туда растет. Мне еще месяца три в таком подвешенном виде тут болтаться. А потом снова учиться ходить, как маленькому. Я, может, из-за этого на второй год останусь!

Чувствовалось, что Кострикин не столько даже был огорчен, сколько гордился своим замечательным переломом.

Юра подумал и еще раз «погипнотизировал» Витькину ногу.

Бинты и гипс исчезли. На «самолете» покоилась совершенно голая Витькина нога.

— Ну-ка, шевельни слегка. Не бойся! — приказал Юра Кострикину.

— Здравствуй, Кострикин. Учти, ты нас не знаешь.

Кострикин пошевелил большим пальцем ноги.

— Не бойся! Не бойся! Смелее шевели!

Кострикин осторожно повертел ступней.

— Вроде не больно, — удивился он.

Юра «погипнотизировал» ногу в третий раз.

«Самолет» медленно опустился на койку, бережно неся свой груз, и растворился в воздухе. Теперь прямо на одеяле лежала самая обыкновенная, нормальная, здоровая на вид нога.

— А ну-ка согни коленку, — приказал Юра.

Кострикин послушно согнул колено.

— Теперь встань!

Кострикин босиком стал на пол.

— Попрыгай!

Кострикин прыгнул, присел. Снова прыгнул.

— Не болит! — заорал он диким голосом, в бешеном темпе выделывая ногами чарльстон. — Совсем не болит!

— Ай да прахтиканты, — сказал пожилой сидячий больной, с интересом наблюдавший картину кострикинского исцеления.—И мне, что ли, попробовать полечиться атомом? Слышь, прахтикант, а вреда от вашего лечения не будет?

— Этот вопрос в настоящий момент изучается, — небрежно кинул Сашуня. Увидев, что его ответ произвел на собеседника крайне неблагоприятное впечатление, он быстро стал делать Юре знаки: давай закругляйся, мол, пора!

Юра беззвучно пошевелил губами.

Больничная пижама Кострикина исчезла. На смену ей явились обыкновенные брюки, рубашка, свитер, ботинки.

Подумав, Юра еще что-то пробормотал себе под нос.

И, как последний штрих, появился на Кострикине хирургический, хрустящий, накрахмаленный белый халат.

Теперь в палате оказалось четверо «практикантов» вместо трех. Деловитой походкой направились они к двери.

В 6-м «В» шел урок геометрии. Вела урок Олимпиада Васильевна — та самая пожилая учительница, которая на педсовете выражала недовольство по поводу чрезмерного мягкосердечия молоденькой Анны Петровны.

— О-о! Кострикин в классе? — удивилась Олимпиада Васильевна. — А мне говорили, что ты болен. Очень хорошо! А то бы ты у меня так и остался в этой четверти неаттестованным. Иди к доске!

Кострикин, тоскливо озираясь, как приговоренный к казни, пошел отвечать урок.

Он взял тряпку и медленно, со вкусом начал вытирать доску. Уже давно на черной, сверкающей влажным глянцем поверхности не было ни единого, даже крошечного мелового пятнышка, а Кострикин с диким рвением все тер и тер доску тряпкой, лишь бы оттянуть момент казни.

— Через точку пересечения диагоналей параллелограмма ABCD... — диктовала Олимпиада Васильевна.— Ну, что же ты? Записывай!

— Счас! — сказал Кострикин, бросая на доску последний придирчивый взгляд взыскательного художника.

— Параллелограмма ABCD... Перестань тереть доску! Ты скоро протрешь ее насквозь!.. Проведен отрезок MN. Точки M и N лежат на сторонах параллелограмма... Доказать, что AM равно CN...

Пока Олимпиада Васильевна, отвернувшись от класса, диктовала Кострикину задачу, класс жил своей жизнью.

Лена Пыльникова написала записку, сложила ее конвертиком и передала соседке, указывая на Юру Красикова.

Юра развернул записку, прочел: «Подумать только, если б не мы, Кострикин сейчас лежал бы и лежал с подвешенной ногой. Тебе приятно, что это мы его вылечили? Мне жутко приятно. Л. П.».

Юра прочел записку. Самодовольно улыбнулся. Написал ответ, сложил конвертиком, передал соседу, указывая на Лену.

После долгих мучений изобразив наконец на доске требуемую фигуру, Кострикин торжественно откашлялся.

— Готов? Ну что ж, мы тебя слушаем, Кострикин! — сказала Олимпиада Васильевна и постучала карандашом по столу.— Ну? Что же ты молчишь? — после ужасной для Кострикина паузы тоном ангельского терпения произнесла она.

— Олимпиада Васильевна! Вы, может, не знаете... Я позавчера с турника упал. Меня на «Скорой помощи» увезли. У меня перелом коленной чашечки...

Для убедительности Кострикин несколько раз согнул и разогнул больную ногу.

— Не ври хотя бы так нагло, Кострикин! — сказала Олимпиада Васильевна. — С переломом коленной чашечки ты бы не стоял тут перед нами.

— А меня Красиков вылечил. С помощью телепатии...

— Я была уверена, что без Красикова тут не обошлось! — сказала Олимпиада Васильевна.—Как бы то ни было, свойства параллелограмма ты обязан знать. Мы с вами сидим на этом материале уже больше месяца!

Кострикин молча глядел в пол, понимая, что никакие оправдания ему не помогут.

Пока у доски происходила эта драма, Юрина записка путешествовала по всему классу, с парты на парту, и дошла наконец до Лены. Лена развернула ее, прочла:

«Конечно, приятно! А ты как думала? Слыхала, что Олимпиада говорит? Если б не мы, он так бы и остался в этой четверти неаттестованным. Ю. К.».

— Ну что ж, Кострикин, — говорила тем временем Олимпиада Васильевна. — Ничего не поделаешь! Будет у тебя в этой четверти двойка! Садись!

Кострикин в растрепанных чувствах поплелся на свое место рядом с Красиковым.

— Все из-за тебя! — плюхнувшись на парту, яростно зашептал он Юре. — Лежал бы сейчас спокойненько с подвешенной ногой, научную фантастику читал!

— Ах ты!..— Юра был потрясен человеческой неблагодарностью. — Если б не я, ты бы на второй год остался! Сам говорил!

— Я, может, еще и так останусь. Только тогда бы у меня уважительная причина была. А теперь что?

— Ты мне спасибо должен сказать, что я тебя вылечил!

— А тебя просили? Да? Не просили? Ну вот! И нечего было соваться!

Бурное объяснение это совершенно естественно и неизбежно завершилось бы дракой, если б в самый критический момент не отворилась дверь. На пороге застыл наш знакомый корреспондент.

— Я из газеты. У меня есть поползновение на некоторое время похитить одного из ваших учеников. Юру Красикова... По очень важному делу. Надеюсь, вы не станете возражать?

Смерив корреспондента ледяным взглядом, Олимпиада Васильевна ответила с преувеличенной серьезностью:

— Ну что вы, напротив! Я буду вам только признательна...

Корреспондент и Юра спускались по лестнице. Навстречу им шла Евгения Ивановна.

— Я задержу Юру буквально на одну секунду. Он вас догонит, — сказала она корреспонденту.

Всем своим видом как бы говоря: «О чем речь! Конечно, конечно!», — корреспондент прошел вперед.

— Ну что, Красиков? — зловеще сказала Евгения Ивановна, когда они с Юрой остались одни. — Допрыгался? Уже в редакциях знают про твои художества!

Юра, как полагается в таких случаях, молчал, тупо глядя в пол.

— Смотри! — многозначительно заключила разговор Евгения Ивановна. — Помни о чести школы! Лишнего не болтай! Прежде, чем что-нибудь сказать или сделать, семь раз подумай... Ты меня понял?

— Понял, — вздохнул Юра. Он уже не сомневался, что его ждут какие-то новые неприятности.

ОКОНЧАНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Эльмира КОТЛЯР

ЗООПАРК

Здравствуйте, моржи,
усатые мужи!
Слон повернулся спиной:
— У меня выходной!
За стеклом
стоит в воде сазан;
пузырьки — как нарзан.
На ремонте удав:
чинят каждый сустав!
Зебры!
Белые или негры?
У верблюда два горба,
потому что жизнь — борьба!
На песочке, в ящике
греются две ящерки,
уверенные обе,
что спят в пустыне Гоби.
Вот еще
семейка:
змей,
змея
и змейка.
Крокодил ждет гостей:
пасть его полна гвоздей.
Совы суровы.
Совы — ни слова.
Сидят сова с совой,
молчат между собой.
Носорога
держат строго:
вот вода,
вот еда,
а отсюда никуда.
Два бегемота:
Дремота и Зевота.
Спят в углу два бобра:
ни кола ни двора!
Расфуфырился фазан:
синий с золотом кафтан,
хвост алмазный,
хохол атласный!
Собрался в гости к павлину.
Пеликан!
Вот это клюв!
Ты кто — стеклодув?
— Нет.
— Ну, тогда, пеликан,
ты трубач, музыкант?
— Нет, нет, — пеликаны
загалдели, —
мы из рыболовной артели!
Небо
упало в пруд,
как в невод.
Лебеди,
лебеди,
вы в небе или в неводе?

С гостями нашего спортивного клуба разговаривает МЯЧ ВОЛЕЙБОЛЬНЫЙ.

— Некоторые говорят: подумаешь, волейбол! Хитрое ли дело: шесть игроков стараются принять подачу соперников и, не дав мячу упасть на землю, норовят вернуть на противоположную сторону. Ну, есть, разумеется, при этом кое-какие правила. Скажем, ударов по мячу можно сделать не больше трех, да так, чтобы один игрок не коснулся мяча дважды подряд. В каждой партии (всего партий три или пять — по договоренности) счет ведется до пятнадцати. А если соперники наберут по четырнадцати очков, игра продолжается до шестнадцати.

Вот вам и все хитрости!.. Чего проще...

Те, кто говорит так, не видали настоящей красивой спортивной игры, которая покоряет зрителей поистине цирковой акробатикой, пушечными ударами, хитрыми комбинациями.

Не знаю, представляли себе создатели волейбола, каким он станет со временем?

Вы хотите знать, кто создал волейбол? Что ж, пожалуйста.

Открытие волейбола

Перед моим мысленным взором стоит сейчас ваза — древняя греческая ваза, которой не меньше двух с половиной тысяч лет!.. Мне довелось ее видеть в одном историческом музее. Не первые ли в мире «волейболисты» были изображены на ней? Помню фигуры юношей на вазе. Они оседлали своих товарищей и ловят из рук старика небольшой мяч. Надпись над этой сценкой гласит: «Теперь прикажи поймать мне!»

А быть может, «изобретатели» древнего волейбола вовсе не греки, а древние египтяне, от которых он пришел потом и к грекам?..

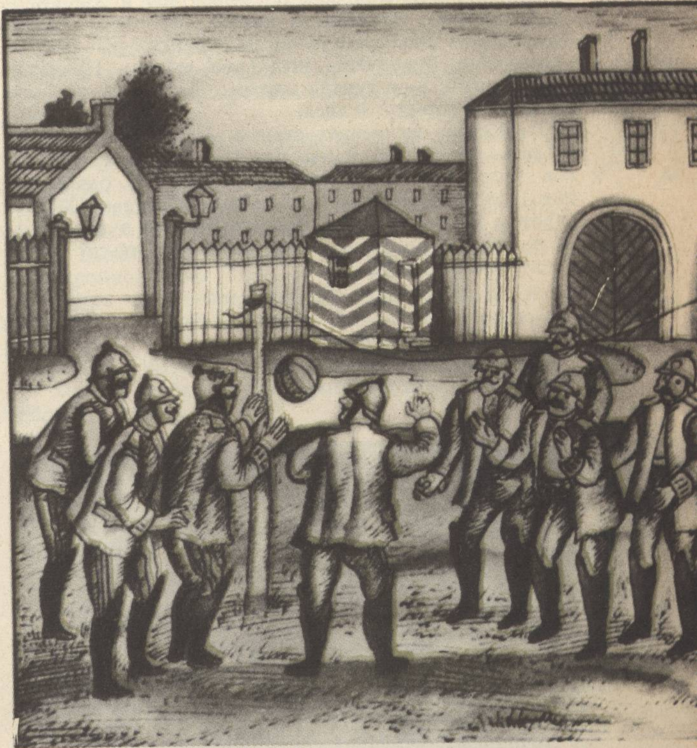
Зато точно известна родина современного волейбола. Молва приписывает его изобретение жителям городка Хаолик, что на северо-востоке США.

Одни говорят, что первый в мире волейбольный матч состоялся в 1895 году во дворе местной пожарной команды. От нечего делать эти ярые противники огня однажды натянули меж двух столбов бельевую веревку и вместе со своим начальником, брандмейстером, перебрасывали через нее надутую резиновую камеру.

Другие утверждают, что в этом событии повинны вовсе не пожарники, а рядовой горожанин Холиока по имени Вильям Морган, который в 1895 году с компанией друзей усердно перекидывал баскетбольную камеру через высоко натянутую теннисную сетку.

Так или иначе, но игра эта уже в ту пору называлась «волейбол», что значит «летающий мяч» или «мяч на лету» — как вам будет угодно.

Скоро в «летающий мяч» стали играть по всей Америке, потом в Японии, Китае, на Филиппинских островах, затем во всем мире.

Как выглядел самый первый волейбольный матч во дворе пожарной команды? Может быть, вот так?

Первые европейские соревнования волейболистов состоялись в 1907 году в Чехословакии. К нам же волейбол пожаловал только после Октября, зато быстро стал любимой игрой миллионов людей.

Великолепная шестерка

Речь идет только о нашей стране. На Западе волейбол всегда был да и нынче остается лишь одной из игр, к тому же не самых популярных.

У нас же к концу двадцатых годов вся страна покрылась сетью волейбольных площадок, по большей части простеньких, но зато почти не пустовавших!

В тридцатые годы огромное распространение получили вдобавок простейшие варианты волейбола: игры в кругу, без сетки. Всем этим разнообразным волейбольным гомоном заполнялись с первых теплых дней и до летних дождей парки, пляжи, лужайки, все мало-мальски пригодные дворики и дворы. Очень мне жаль, что сейчас во дворах играют меньше — и взрослые и ребята...

Да, тогда в волейбол было приятно не только играть, но и следить за тем, как играют.

Ведь были у нас просто замечательные, первоклассные игроки. Помню, например, команду, которую украшал своей игрой Михаил Пилинов. В 1949 году Пилинов входил в стартовую шестерку сборной, которая стала первым чемпионом мира, а спустя три года подтвердила, что эта победа была не случайной.

Да и вообще все игроки этой команды кажутся мне какими-то сказочными фигурами, титанами, богатырями, которые «все могли». Щепин, Якушев, Рева, Ульянов, Пименов, Воронин, Нефедов, Саввин... Их имена и сейчас звучат для меня какой-то богатырской симфонией!

Помню, сотни людей собирались летними вечерами вокруг площадки в Центральном парке культуры и отдыха в Москве, чтобы полюбоваться игрой Гинилина, Щачина, Якушева и других известных волейболистов. А ведь это были не официальные матчи, а обычные, будничные игры «на вылет». Проиграл одну партию — уступай другим. Команды тут же, в парке, и формировались!

С любовью вспоминая старых мастеров, я не хочу сказать, что теперь у нас нет чудодеев — волшебников волейбола. Расскажу вам лишь об одном из них, Георгии Мондзалевском (он играет в ЦСКА).

Вот у кого поучиться искусству игры в волейбол! А может быть, и на самом деле поучиться? Тогда будьте внимательны.

Соревнование на первенство мира.
Острый момент игры.

Секреты знакомого волшебника

Первый пас — и сразу в атаку! Это чудодейственный прием. Ведь что такое первый пас на удар? Это прежде всего взмыл над сеткой один из нападающих, рука его грозно занесена, а на противоположной стороне не успели организовать блок. Пусть попробуют теперь взять этот, не встретивший помех удар!

Но, допустим, блок организован. Какой, одинарный? Он тоже выгоден для атакующего — пробить руки одного игрока умеют многие. Соперники сумели выставить двойной блок — четыре руки? Опять-таки можно бить, если вы умеете ударить по мячу так, чтобы, срезавшись о чужие ладони, он косо и резко опустился на землю за пределами волейбольной площадки.

Но и это еще не все. В запасе у вас есть еще один полноценный ход на собственной стороне. Воспользовавшись им, вы можете дать пас одному из своих партнеров. Ведь оба они еще совершенно свободны, и блок против любого из них скорее всего будет одинарным.

А если вы еще и мастер обманных передач, то еще в прыжке направите мяч и в вовсе не защищенное место.

Тут нужно еще добавить, что каждый настоящий мастер, такой, как Мондзалевский,— это и особое «тактическое» мышление, и особый контакт с партнерами, и неповторимая импровизация...

Секрет планирующей подачи

О нем слышали все. Овладеть им удавалось не каждому. Так что же это такое — планирующая подача?

Авторы этого превосходного изобретения — японские волейболистки. Когда наши девушки впервые встретились с ними, им пришлось трудно.

Случилось это на чемпионате мира в бразильском городе Рио-де-Жанейро.

Вот подает японская спортсменка Юсика Такада. Сухощавая, высокая, она стоит чуть ли не спиной к сетке, потом, как пружина, разворачивается и с силой бьет по подброшенному кверху мячу. Он летит пулей, летит низко, едва не касаясь сетки, врывается на нашу половину, внезапно виляет вправо и кам-

нем падает вниз. Казалось, над площадкой дежурит невидимка и, издеваясь над нашими ошеломленными игроками, каждый раз меняет направление мяча.

Подает Эмико Миямото—и все повторяется снова. Опять мяч зло шутит с нашими девушками, заставляя их ошибаться! У них получается то двойной удар, то задержка мяча. А это запрещено правилами. И мы все теряем и теряем очки. В результате хорошо начатая партия проиграна со счетом 12 : 15. Зато следующую партию и за ней еще одну мы, к счастью, выиграли.

Как радовались тогда наши спортсменки! А их тренеры почему-то были мрачнее тучи. Как плакали японки! А их тренер почему-то ходил именинником.

Почему?

Потому что тренеры оказались дальновиднее своих питомцев. Наставники нашей команды чувствовали за случайной вроде бы осечкой во второй партии грядущие поражения от японок, а наставник японок — грядущие победы своих девушек. И тренеры не ошиблись.

Фото А. БОЧИНИНА.

Двойной блок.
Играют сборные команды Москвы и Украины.

Так что же это за таинственная подача, которая так коварно обманывала наших игроков и во многом была виновата в их последующих поражениях?

Задолго до этого тренер японок заметил, что при плавном полете волейбольного мяча незаметный шланг, через который накачивают воздух, всегда обращен вниз.

А что, если запустить мяч вверх шлангом? Может быть, он тогда будет лететь не так плавно? Догадка тренера подтвердилась, мяч и правда стал в пути «фокусничать», неожиданно для принимающих меняя свое направление. Но для этого во время подачи его надо было каждый раз ударять обязательно с одинаковой силой и всегда в одно и то же место. Тысячи раз пришлось каждой спортсменке команды подавать по-новому, пока все не научились делать это безошибочно.

Так появилась знаменитая планирующая подача «по-японски».

Азбука волейбола

— Ну, хорошо,— скажет мне кто-то из читателей,— а что делать мне, если я только еще начинаю играть и самого простого не знаю?

— Ну что ж, вот тебе, дружок, и азбука волейбола.

Подача мяча

Сверху — ты подбрасываешь одной или двумя руками мяч вверх, чуть оттолкнувшись назад, делаешь замах рукой, какой тебе удобнее, и отрывистым движением бьешь по мячу.

Сбоку — становишься к сетке боком, одной рукой подбрасываешь мяч, другой бьешь.

Снизу — мяч подбрасываешь невысоко и немного вперед и движением вытянутой руки снизу вперед ударяешь по мячу.

Прием мяча и подыгрыш

Если мяч идет **сверху,** ты слегка сгибаешь руки в локтях, ладони с расставленными пальцами обращены вперед — внутрь.

При приеме мяча **снизу** руки должны быть слегка согнуты в локтях на уровне пояса, а кисти рук с расставленными пальцами обращены вперед. Резким движением рук вверх посылаешь мяч туда, куда надо.

Когда так принять мяч трудно — он пролетает слишком далеко от тебя,— тогда приходится делать энергичный бросок на мяч, иногда при этом приходится и падать.

Бывает, что мяч идет прямо на сетку на твоей половине поля. Тогда ты приседаешь под сеткой и отбиваешь мяч назад — вверх.

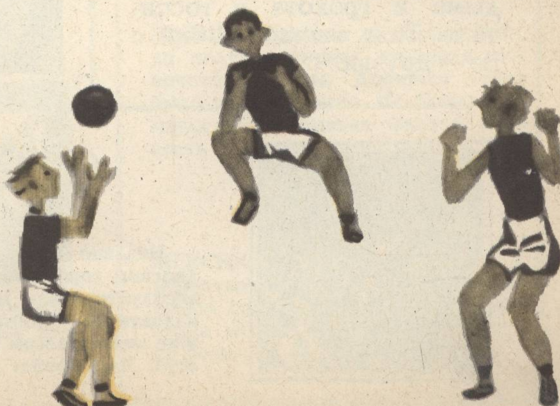
Блокировка — встреча мяча над сеткой в момент его подачи: поднятые вверх руки отбивают мяч обратно. Бывает, ты знаешь, одинарный, двойной и даже тройной блок.

Гашение мяча — это сильный удар рукой по мячу над сеткой. Чтобы усилить удар, надо прыгать с разгона.

Овладел азбукой, принимайся за секреты.

Я желаю тебе удачи. Помни, читатель, ты олимпийская надежда.

Заседание клуба помогали вести
Георгий ЮРМИН
и Аркадий ГАЛИНСКИЙ.

ЛЕГЕНДАРНЫЙ БРОНЕПОЕЗД. ● ГЕРОИНЯ ВЬЕТНАМА. ● МАЛЕНЬКИЕ РАБЫ. ● БОРЕЦ ИЗ КАРАКАСА. ● СКАЧКИ В УЛАН-БАТОРЕ. ● ИНТЕРЕСНЫЕ МАРКИ.

Храбрая девочка

Чан Тхи Ве уже четырнадцать лет, но ростом она так невелика, что в классе кажется младше всех. Два года тому назад эта девочка стала героиней. Однажды во время бомбежки она вывела прямо из-под огня двух детей, а когда воздушной волной их повалило на землю, Ве самоотверженно закрыла их собой.

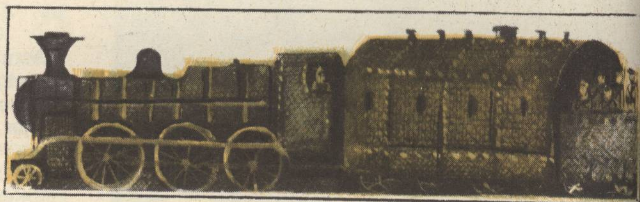
Во время другой бомбардировки она вытащила из-под обломков разрушенного дома Тиня. Мальчику оторвало ногу, он был без сознания, но хрупкая Ве нашла силы и, подняв раненого, понесла его среди дыма и грохота в госпиталь. Тинь выжил, и они с Ве — друзья.

Броня революции

В 1919 году, в дни венгерской революции, восставшие рабочие Будапешта построили и вооружили бронепоезд. Сотня молодых добровольцев укрылась за его стальными стенами и — в бой! Силы, однако, были тогда неравные, контрреволюция победила, пошли расправы, аресты, суды...

Месть настигла и бронепоезд. Его обрекли на уничтожение, решили превратить в металл. Но боевая машина не погибла. Пока не известно, кто и как, но бронепоезд рабочие спасли. И вот в наши дни венгерские пионеры в одном из железнодорожных тупиков обнаружили старый паровоз, затем с помощью старых революционеров удалось им отыскать и две бронеплатформы.

Теперь бронепоезд революции восстанавливается. Ребята создали ремонтный штаб, организуют субботники, и скоро броневой памятник героических дней встанет навсегда в международном пионерском лагере Чиллеберц.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Эта причудливая стена построена специально для детских игр. Сделана она из материалов, оставшихся от стройки большого дома в одном из жилых районов Копенгагена.

СТРАШНАЯ ШАХТА

Недавно Италия узнала о новом преступлении капиталистов. В сицилийском городе Лекарно хозяева серной шахты не один год безжалостно эксплуатировали маленьких рабочих. Дети в возрасте от шести до двенадцати лет работали глубоко под землей. Они собирали породу в большие мешки весом в пятьдесят килограммов, потом волокли эти мешки наверх. Часто ребят заставляли работать по ночам.

ПОДВИГ ПОДПОЛЬЩИКА

Он вступил в Коммунистическую партию Венесуэлы, когда ему исполнилось четырнадцать лет. Из таких же мальчишек, как сам, создал отряд. Им нашлось важное дело. В заранее назначенное время ребята расходились по разным улицам. Останавливались на перекрестках, в подъездах, у торговых лавочек. По сигналу выхватывали из-под рубашек пачки листовок. Сотни бумажных квадратиков взлетали над толпой. Люди ловко ловили их, торопливо прятали в карманы.

Один раз ему не повезло. Когда он бросил листовки, сильный удар швырнул его на мостовую. Потом...

В серой, тесной комнатушке полицейский офицер сказал ему спокойно, почти ласково:

— Мы не воюем с мальчишками. Скажи, где живешь, кто дал листовки, и отправляйся домой.

— Не знаю,— сказал мальчик, глядя за окно.

Офицер встал. Мальчик покачнулся от удара по лицу.

— Вспомнил?

— Не знаю.

Его пытали тридцать шесть часов.

Даже при самых зверских законах нельзя держать в тюрьме мальчишку, не имея прямых улик. Через пятнадцать дней его выпустили.

— Черт с тобой,— сказали ему.— Убирайся. Никуда ты от нас не денешься. Интересно, к кому ты сейчас пойдешь?

— Не знаю...— сказал он.

Он вышел на яркую утреннюю улицу, жмурясь от солнца и блеска стекол... Сыщики заметались по толпе. Мальчишка исчез. Он знал на улице все проходы и лазейки лучше, чем полиция.

Харцеры Станислав Штрамковский (на фото слева) и Петр Пушаковский (справа) из польского села Лонжин спасли шесть тонувших детей. Смелым ребятам вручены медали «За мужество и отвагу».

Десятилетние наездники

На традиционные пионерские скачки в Улан-Баторе съезжаются юные наездники со всей Монголии. Условия соревнований нелегки: нужно проскакать сорок километров, преодолевая сложные препятствия. Десятилетние мальчишки, с ранних лет привыкшие к седлу, упорно борются за призы. Кроме призов, победителей ожидает славный титул лучших пионерских наездников года.

ХАРЦЕРСКАЯ ПОЧТА

Многие города Польши выпускают харцерские почтовые марки (**три из них вы видите на рисунке**). Самые первые харцерские марки появились в 1951 году.

А вот сообщения с телетайпной ленты:

ШВЕЦИЯ. Девочка по имени Спиди получила права водителя гоночной машины. Добиться этого было очень нелегко. Но Спиди помогли ее спортивная закалка, смелость и редкая настойчивость.

●

МЕКСИКА. Очень популярны у мексиканских ребят гонки на дырявых лодках. Побеждает тот, чья лодка дольше других продержится на воде.

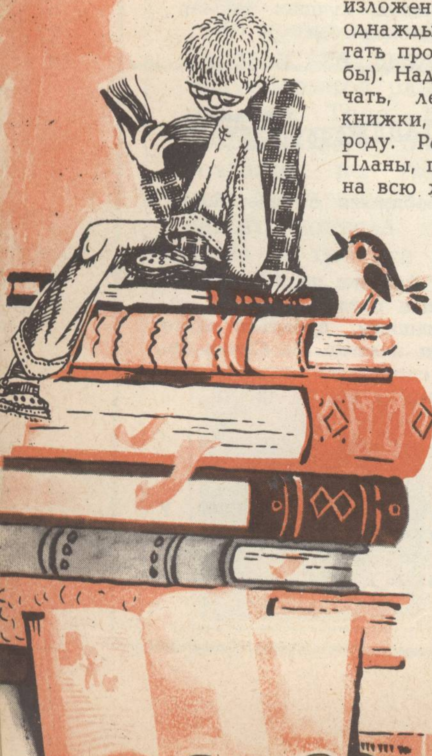
Живи под дождем

Закрыв последнюю страницу этой небольшой книги, еще долго-долго живешь под впечатлением событий, происшедших с ее героями и целиком захвативших тебя, читателя. А потом начинаешь думать: о чем же, собственно, эта книжка? Ничего такого особенного не случилось в жизни тех трех ребят, о которых идет речь.

Но чем дальше думаешь про прочитанную книгу, тем яснее тебе становится, что с ее героями происходили события очень большие, очень важные и для них и для нас. Только это события не внешней, а внутренней, духовной и душевной жизни трех ребят. Что же происходит в книге **С. Соловейчика «Мокрые под дождем»**?

По ночам в студенческом общежитии студент Александр Полыхин пишет в общую тетрадь воспоминания и размышления о своем совсем недавнем детстве, о том, что происходило в недавние школьные времена. Собственно говоря, Саня Полыхин хотел написать воспоминания о своем школьном друге — Сережке Разине. Но мы быстро поняли, что, как бы ни был замечателен этот Сережка Разин, содержание общей тетради относится в равной мере и к другому приятелю, к Вальке Дорожкину, и к самому Сане, и ко всем их товарищам, и к нам, читающим эту тетрадь, которая теперь стала книжкой.

Да, Сережка Разин был замечательным парнем! В шестом классе он решил выучить математический анализ, который проходят в высших учебных заведениях. И выучил его! И оказался до того способным к математике, что после окончания школы один профессор забрал его работать в знаменитый Академический городок под Новосибирском. И все? Значит, это книжка про очень способного к математике паренька? Но нет, не математическими способностями пленил своих друзей Сережка Разин, не это было в нем самое замечательное.

В толстой рыжей тетради, которую вел Сережка, он среди цитат из научно-фантастического романа, задач по высшей математике, изложения физических проблем однажды записал: «Надо выработать программу на три года (хотя бы). Надо бросить все: бездельничать, лениться, читать пустые книжки, мечтать, шататься по городу. Решительно все бросить». Планы, планы, планы на три года, на всю жизнь...

Для Сани Полыхина, от имени которого ведется рассказ в книге, важнее математических и других способностей друга его стремление заглянуть во внутреннюю жизнь окружающих его людей. Потому что это ставит перед ним — а вместе с ним и перед нами — вопросы необыкновенно важные.

Когда мы перестаем быть детьми и становимся взрослыми? Тогда, когда переходим в десятый класс? Или кончаем школу? Или институт? Саня Полыхин записывает: «Мы все взрослые с той самой минуты, как начинаем помнить себя и судить о других людях». Так думает он, так думал Сережка Разин, так, очевидно, думает и автор книжки. Но если это так, значит, и двенадцатилетний мальчишка, оценивающий своих товарищей, учителей, самого себя, имеет право считать себя взрослым. А значит, и вести себя он должен с такой же ответственностью, как и взрослые.

В чем же особенность тех требований, которые Сережка Разин и его друзья предъявляют ко всем окружающим их людям? В дни войны, когда фронтовики хотели дать оценку человеку, они говорили: «Я его охотно возьму с собой в разведку!» Или же: «С таким бы я в разведку не пошел». А что же главное было в этих требованиях: сила, ловкость, выносливость? Конечно, эти качества нужны разведчику. Но главное, главное — уверенность, что твой товарищ никогда не бросит тебя в беде, что он пойдет на страшный риск ради товарищей, ради общего дела, не ради славы, похвалы, ордена... Требования к разведчику были нравственными! И такие же требования предъявляют к людям Сережка Разин и его друзья.

Тогда возникает еще вопрос: а где же научиться этим нравственным нормам? Не рождается же человек с ними, как рождается он с музыкальными или математическими способностями?

Мы теперь твердо знаем, что история с Маугли — сказка, что ребенок, выросший без людей, человеком стать никогда не сможет, что научиться мыслить, разговаривать, работать он может только у взрослых, у тех, кто уже обладает опытом жизни. Но когда речь идет о том, чтобы учиться нравственным нормам, надо уметь выбирать своих учителей.

Есть такой учитель и у Сережки Разина. Дядя Мирон — человек, не имеющий ни знаний, ни чинов, он заведует районной фильмотекой, выдает кинокартины на прокат. Он непрерывно стремится к знанию. И много, очень много знает. Не только языки, математику, теорию информации, но и еще что-то необыкновенно важное. Например, что означает «сделать что-то полезное в жизни». Дядя Мирон говорит Сережке: «А может, прожить человеком — это и есть самое полезное?» И вообще дядя Мирон вроде бы никого и ничему не учит. Он просто спорит с Сережкой, может даже накричать... Может ничего не объяснить, а нам сразу все становится понятно...

В книжке «Мокрые под дождем» ее герой, Сережа Разин, сначала предстает перед нами мальчишкой, сторонящимся товарищей, предпочитающим быть в одиночестве... Но это кажущееся и неверное представление. Очень скоро перед нами раскрывается весь его характер: мужественный, решительный, открытый для добра, для всех, кто думает не только о себе и своем благе. Сережа Разин не уклоняется от окружающей жизни, от всех ее радостей и горестей. Вот именно: от горестей, от тяжестей, наступающих на тебя или на окружающих.

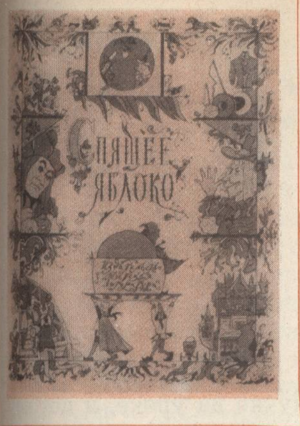
Меньше ста страниц в этой книжке, а сколько она возбуждает мыслей, сколько вопросов, на которые так хочется получить ответы! И почему она так странно называется — «Мокрые под дождем»? Существует анекдот про человека, который был настолько увертлив, что во время дождя не нуждался в зонтике — он проходил между струйками дождя, ловко лавируя между ними... А вот дядя Мирон как-то сказал, что, «когда идет дождь, надо быть мокрым». И как все, что говорил дядя Мирон, эта мысль очень значительная и емкая. Нельзя уклоняться от дождя, который хлещет всех, нельзя прятаться от жизни, от ее сложностей, от ее горестей, надо разделять с людьми все хорошее и все плохое.

Вот об этом, как и о многом другом — необыкновенно интересном, что происходит в нашем сознании, в нашей жизни,— и написана книга С. Соловейчика. Она не содержит готовых ответов, она приглашает нас поразмыслить об очень важном.

Лев РАЗГОН

Малышка, и книги большие,

Смешного сверх всякой меры

В этой книжке действительно смешного сверх всякой меры, это становится ясно сразу, как только посмотришь на нее, хотя называется книжка **«Спящее яблоко»** и кажется, что речь в ней пойдет о чем-то спокойном, мягком, лиричном. Но рисунки говорят совсем о другом. Сколько нелепостей уже на обложке: двое несут пирог больше человеческого роста, бык выглядывает из-под крыши домика, один великан показывает нос другому. Повсюду снуют карлики: один катит тележку, а на ней яблоко, огромное, как дыня, двое ухватились за колбасу величиной с бревно. Кто играет на трубе, кто на скрипочке... И все это нарисовано ярко, радостно!

В сборнике **«Спящее яблоко»** — стихи немецких поэтов, старых и современных. Герои стихов необычны: тут и работяги-домовые, и привидение, оплакивающее развалившийся мост, и волшебник-скрипач, музыка которого заставляет кружиться в танце все вокруг (дома, людей, животных), и маленький колдун, живущий в чернильнице.

Со стихами Петера Хакса и Джеймса Крюса вы, может быть, уже знакомы, они переводились и издавались раньше. На этот раз их стихи и стихи других поэтов, вошедшие в сборник, перевел для вас, ребята, **Юрий Коринец.**

Почитайте стихи — получите удовольствие и вдоволь посмеетесь, как смеялся, наверное, переводчик, когда их переводил, как смеялся художник **Илья Кабаков,** когда делал к ним такие веселые рисунки, и как смеялась я, когда их читала.

Е. ВОЛОДИНА

Любимая папка проф. М. П. Коллекциани-Собирайлова

Обед с ошибками

Как-то компания литераторов отправилась обедать в пригородный ресторанчик.

Александр Иванович Куприн просмотрел меню и заказал официанту... шесть порций орфографических ошибок.

— Этого подать не можем, не держим, — ответил удивленный официант.

— Однако в меню довольно большой выбор. Ошибки решительно на все вкусы.

И Куприн зачитал злополучное меню.

Слова на сургуче

Что собирали люди, когда не было на свете почтовых марок? Сургучные печати. Ведь прежде всякий сам запечатывал свое письмо, накапав на конверт расплавленного сургуча и оттиснув на нем именную печать.

Соученик Пушкина по Царскосельскому лицею князь Горчаков собрал тридцать тысяч таких печатей. Особенно он гордился печатями французских писателей, среди которых были почти все знаменитые имена.

На печати Виктора Гюго было вырезано: «Ярче и ярче».

На печати Бальзака — «Ум обязывает».

Альфред Мюссе выбрал такой девиз — «Надежда без страха».

Историк Мишле обошелся всего одним словом — «Крылья».

Автор «Трех мушкетеров» Дюма-отец вырезал на своей печати: «Все проходит, и все остается».

Вы убиты!

Известного французского писателя Марселя Пруста вызвал на дуэль некий безграмотный писака. Вручая писателю свою визитную карточку, он сказал ему:

— Предоставляю вам выбор оружия!

— Превосходно! — ответил Марсель Пруст. — Предпочитаю орфографию. Вы убиты!

читайте, ребята, на этих страницах

ранах, животных и птицах

Я. КОРЧАК

Ну, дружок, давай!

ШУТОЧНАЯ ПЕДАГОГИКА

Нет, ребята вы меня никогда не подводили. Вы мне нисколечко не мешали. Мне хочется сказать вам спасибо. Ведь благодаря вам у меня возникло много новых мыслей, воспоминаний. Многому я научился. Минералогия важна[1], но человек, пожалуй, важнее. И книги нужны, но в первую очередь жизнь.

Вы на школу жалуетесь? Слушаю вас. На учителя? Ладно. На товарищей? Пожалуйста.

Но люди-то ведь разные. Одному достаточно одного хорошего друга, другой предпочитает жизнь в шуме и гаме большой компании. Один любит все делать потихоньку да полегоньку, другой — быстро, с жаром. Кто веселого нрава, а кто чересчур серьезен. Тот робок, этот высокомерен. Один миролюбивый, другой задира. У каждого свои достоинства и недостатки. Один поет, другой рисует, третий задачами увлекается, четвертый — сочинениями. И это хорошо, что все разные.

А ты сразу: «Он такой, сякой, никудышный».

Учитель кричит? Извини, а что ему делать, если его из себя выводят? Он живой человек, есть у него и нервы, и свои болезни, и семейные заботы, и желчный пузырь. Никто не станет кричать ради своего удовольствия.

Учитель требует? А разве его работу не проверяют и он не отвечает за успеваемость в классе?

Он плохо учит, ничего не объясняет? Но, прости меня, почему именно в твою школу обязаны прислать одних лишь великих Коперников, первоклассных рассказчиков, избранных поэтов?

Для тебя одного, для твоего только класса подавай ровесников, просеянных сквозь сито, одни марципаны, чтобы тебе угодить.

А в другие школы что?

Извини, дружок, если ты выковырял из пирога изюминку, другому достанется меньше. Каждый имеет право на одного хорошего учителя и на свою небольшую порцию малинового мороженого. Не угодно ли: один хороший товарищ, а другие так себе, немножко похуже, что есть, то есть, а на нет и суда нет.

Не требуй слишком многого, не командуй, не лезь вперед всех. Ты не один; подумаешь, важная персона — осчастливил всех своим появлением на свет!

[1] Корчак всю жизнь увлекался минералогией.

Ему, видите ли, скучно на уроке, и потому он, проказник, другим мешает. Надулся, словно пузырь, нахохлился, воображает, вот, мол, каков я.

У волейбольной сетки на всех налетает, сам мажет, но другим мяча не дает да еще всех обвиняет, что по их милости команда проиграла. Еще бы! Он, видите ли, центр вселенной, архичемпион, небесное светило, олимпийский бог, спортивное совершенство!

Где-то давным-давно я читал: путешествуя по Африке, один человек забрел в негритянскую деревушку. Смотрит: надпись на английском языке. Школа. Человек заинтересовался, как учатся негритята. Оказалось, учатся они хорошо и свободно говорят по-английски. «Давно вы работаете в этой школе?» — спросил путешественник. «Всего один год», — ответил учитель. Но школа существует давно: предшественник учителя проработал в ней девять лет. «А теперь где он, что делает?» «Его съели родители учеников». «Вы шутите?» «Нет. Они людоеды». «И вас могут съесть?» «Могут. Тогда на мое место пришлют нового учителя».

Вот так, братец ты мой. Не ты, а дело, долг перед обществом, и тогда ты дисциплинированный гражданин. Подумай-ка об этом всерьез, не лукавя с самим собой.

Взвесь (прекрасное слово «взвешивать»), сколько у тебя правды и справедливости, сколько лжи и обид, сколько граммов ума, глупости, взвесь, сколько горечи и коварства, неприязни и злобы, сколько килограммов доброты, желания помочь, сколько трудолюбия и доброй воли. А как же? Ты хотел бы по родной земле проскакать легко, с удобствами, прошмыгнуть зайцем, чтобы галушки тебе сами в рот прыгали?

Учитель несправедливо отметку поставил? Он против тебя настроен? А ты заслужил лучшую отметку?

Если выполнил свой долг, будь спокоен. Но твоя небрежность и лень — тебе минус. Уроков не приготовил, даже если тебя уже спрашивали, — минус. Ты думаешь, не вызвали, повезло? Нет, минус.

В школу опаздывает не школьник, а гражданин.

В статистике гражданских поступков твоя клякса и твое опоздание — минус. Представь

себе, что ты врач и опаздываешь к больному: больной, мол, не заяц, не убежит. Ты промедлил, а больной скончался, и — минус: в статистике возросло число сирот.

Ты летчик. Опоздал на аэродром, не успел проверить машину перед взлетом. Катастрофа — ты сломал шею, и для обороны страны одним самолетом меньше — минус.

Из-за твоих неправильных расчетов обвалился мост, фабричная труба, подводная лодка затонула, котел взорвался.

Твой сын, твой первенец спрашивает тебя: «Папа, сколько будет, если шесть умножить на девять?» А ты стоишь и молчишь, как баран. Сын тебя спрашивает, а ты не знаешь.

Отец твой — малограмотный в силу обстоятельств: в школу не ходил, с малых лет работал, ему перед тобой краснеть не приходится. А ты-то в вязаном галстуке, в отглаженных брючках спрашиваешь отца: «Папа, сколько будет шестью девять?» «Папочка, стол — имя существительное? Миссисипи — остров или полуостров?» И сам стоишь, словно баран, от стыда сгораешь.

Ты говоришь: «У меня еще есть время впереди». Неверно.

Там, за границей, учатся строить шоссейные дороги, фабрики, машины, светлые просторные квартиры. А ты что? Тебе одно собственное ухо лень вымыть, чтобы было оно, твое ухо, чистым? Обременяешь статистику одним грязным ухом. Минус, гражданин.

Ты рад, что учитель заболел и что целую неделю не будет уроков. А ты полюби то, что с трудом дается. Давай, дружок, давай...

Вспоминается мне один случай. Давно это было. Электричества тогда еще не было. Возвращаюсь как-то из школы конкой. В летнее время обычно одна лошадь тащила конку по рельсам, а зимой, когда по снегу тяжело, запрягали двух. Стою я зимой рядом с кучером, ранец на спине, а кучер что есть силы погоняет, бьет лошадей. Те из сил выбиваются. Жалко мне стало лошадей. «Зачем вы их бьете?» — спрашиваю. А он посмотрел на меня искоса и говорит: «А ты бы из вагона-то вылез, да помог бы тащить. А ну, дружок, давай, раз ты такой жалостливый, ну-ка вылезай, лошадям легче станет». Мне стало невыносимо стыдно. Урок на всю жизнь: не лезь, раз не знаешь, как лучше.

Тебе не нравится и то и се, ты считаешь, что все должно быть иначе, школа тебе говорит одно, а ты свое. Глупо, плохо. А что делать? Что ж, дружок, давай-ка потянем сами.

За собой следи, вот что. Что беру, что сам даю? И не потом, не позднее, а сейчас, сию минуту.

Взял у товарища карандаш, резинку, помни: надо вернуть. Оказал тебе кто-то услугу, и ты тотчас же окажи (не обязательно ему, можно другому). Берешь — даешь.

Ты знаешь, есть умная игра — волейбол. Принимаешь мяч, подаешь, отбиваешь, и все это для общей цели. Мяч общий, и ты стараешься его подать тому, кто ближе, кто бьет лучше, с большим результатом для команды. Вот так, хороший гражданин.

А плохой — ветку сломал, кирпичом кинул в курицу. Грязная тетрадь — позор для неряшливого гражданина, испоганившего белую отечественную тетрадь.

В будущем будь примером своему сыну: «Смотри, сынок, вот тетрадь твоего отца, когда он был школьником».

Не любишь грамматики? Прости, друг, но это попахивает чем-то не очень приятным.

Хлеб ты ешь? Не немецкий брот, не французский пэн, а ХЛЕБ. Немцу корова дает мильх, французу — ле, а тебе — МОЛОКО. Ты ВОЗДУХОМ дышишь, а не лером и веттером. Эти слова надо знать крепко, навсегда.

Вот ты за границей. Ничего не скажешь: красиво, богато.

Нравятся тебе солнце и небо. Вдруг их заграничный петух запел, как будто то же самое: старый — кукареку, молодой — кикареки. Но ты чувствуешь: нет, не соотечественник, не земляк, чужой, иностранец.

Там экзотика, там колибри, бабочки, попугаи. Не то. Серый воробей, незабудка — это свое. Пальма пальмой, но у нее выражение лица чужое и взгляд равнодушный. В сравнении с нашей вербой она уродина.

Комар, оса, а не муха цеце, не смертоносный паук.

Или их деликатесы, соусы, изысканные вина, паприка, шербеты — все это лопаешь и давишься, потому что мода, престиж. А самого тоска берет. То ли дело наша колбаса, хрен, пряник, наш отечественный винегрет. Будь начеку, гражданин, потому что кругом силки, западни, сети. Парады и праздники, ленточки в петлицах — это еще не все. Жизнь не только «тра-ля-ля» и «тру-ля-ля». Я уже говорил: один все спрашивает, что ему дадут, чем ему можно поживиться, и всего-то ему мало, вечно он недоволен. Другой думает не о том, что мне, а что я дам, а какую лепту я внесу.

Собрали мы с вами на пляже осколки стекол, окурки, бумажки, соорудили мостки, чтобы удобней купаться, чтобы почище было, ноги чтобы не поранить, в тине не вязнуть. Цветы полили, и маленький гражданский долг выполнен — плюс. Пусть на маленьком клочке земли, пусть по мере сил вот так, как можем, чем богаты, тем и рады.

Нет, нет, ребята, вы мне нисколько не помешали. Наоборот, помогли. Хорошо мне было с вами, «немножко очень весело». Спасибо.

Снова вспомнились мне слова кучера: «Ну, дружок, давай». Давай поплюем на ладошки и, не болтая попусту, возьмемся тащить. Тяжело, трудно, чем тяжелее, тем лучше.

Перевела с польского Е. МОЙТЛИС.

Линейка шахматных фигур

Только что совершил посадку самолет клуба «Белая ладья». Пешкин встречает участников всесоюзных соревнований пионерских дружин.

На аэродроме торжественная линейка шахматных фигур. Выстроились для встречи друзей отряды смелых пешек, воинственных слонов, стремительных коней. Готовы к салюту дальнобойные ладьи. Эти «деревянные войска рассеивают сон невежества» — так говорится в монгольской легенде.

По указу шахматных королей по всей нашей стране прошли турниры и матчи юных любителей шахмат. Команды пятидесяти тысяч пионерских дружин оспаривали победу. Более миллиона мальчиков и девочек сражались за шахматными досками. И вот финал в Московском Дворце пионеров. Восемнадцать лучших команд приехали в столицу.

Молодцы, кишиневские пионеры!

Упорной и трудной была борьба в финале.

Успеха заслуженно добились ребята из 56-й школы столицы Молдавии — Кишинева. Им были вручены почетные медали, главный приз соревнований.

Второй приз завоевала команда тбилисской школы № 15. На третьем месте москвичи из школы № 2 Октябрьского района.

Призы вручал один из лучших шахматистов мира, Виктор Корчной.

«Желаю вам, ребята, больших успехов в учении и шахматах,— сказал гроссмейстер.— Надеюсь, что здесь, среди вас находится чемпион мира 1980 года».

Приз Пешкина

Для этих соревнований Пешкин установил свой приз — шахматную чудо-шкатулку. Вручил он ее Софе Сабировой, ученице школы № 25 киргизского города Ош.

Софа выиграла все девять партий, вела борьбу смело, изобретательно и находчиво. Никому из ребят не удалось добиться такого блестящего результата.

«Грамотами ферзя и ладьи» Пешкин наградил всех ребят, набравших в своих командах наибольшее количество очков. Среди награжденных москвич Авигдор Быховский, ученик 126-й киевской школы Геня Ермак, грузинский школьник Зураб Замбахидзе.

Рассказывает Софа Сабирова

Пешкин долго беседовал с Софой Сабировой. Вот что рассказала ему Софа:

— У нас дома все играют в шахматы. У меня три брата и две сестры. Лучше всех играет старший брат, Исхат. Он уже учится в институте. У Исхата первый разряд. Когда мы дома проводим свои турниры, я занимаю второе место.

— А ты кого-нибудь учишь играть в шахматы?

— Учу своих подруг. Гуля Кожемназарова скоро уже будет играть в турнирах.

Потом Пешкин спросил у ошских ребят, почему они выбрали Софу Сабирову капитаном своей команды.

— Она у нас лучше всех играет, всем помогает,— ответили ребята.

А Рома Ирисов добавил:

— И еще она всех нас будила утром...

Да, и это важно. Команда вовремя должна была явиться на игру и выступать в полной боевой готовности.

На фото вы видите Софу Сабирову. Она показывает Пешкину свою партию с Леной Ломакиной из тамбовской школы № 6. Софа играет черными. Разберите и вы, ребята, эту интересную партию.

1. e4 e5 2. Kf3 Kc6 3. Cb5 Cc5 4. 0—0 Kge7 5. Kc3 a6 6. C : c6 K : c6 7. d3 d6 8. Ke2 Cg4 9. Kd2 Kd4 10. Kf3 K : f3 + 11. gf C : f3 12. Фe1 Фf6 13. Kg3 h5! 14. Фd2 h4 15. Kh1 Лh5.

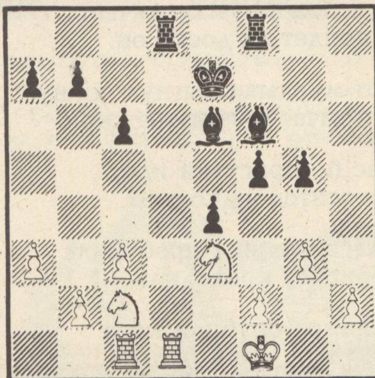
Позиция короля разгромлена. В этом положении белые сдались.

Три поучительных примера

Теперь посмотрите три отрывка из партий, понравившихся Пешкину.

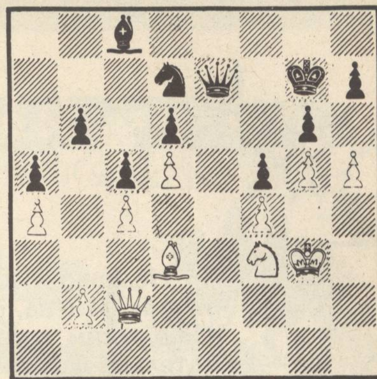
Это позиция из партии, в которой встретились Володя Сазонов (Москва) и Зураб Азмапарашвили (Тбилиси). У черных позиционное преимущество, и Зураб хорошо провел решительное наступление.

Последовало: 1. ...f4! 2. Kg2 Cb3 3. Л : d8 Л : d8 4. Kd4 C : d4 5. cd fg 6. hg Л : d4.

Черные выиграли пешку. Положение белых уже безнадежно. 7. Kpe2 Kpe6 8. Kpe3 Kpd5 9. Лh1 Cc4 10. f4 Лd3 + 11. Kpf2 Лf3 + 12. Kpg1 Лf1 + 13. Kph2 Л : h1 + 14. Kp : h1 gf 15. gf Kpd4 16. Kph2 Kpd3 17. Kpg3 Kpc2. Белые сдались.

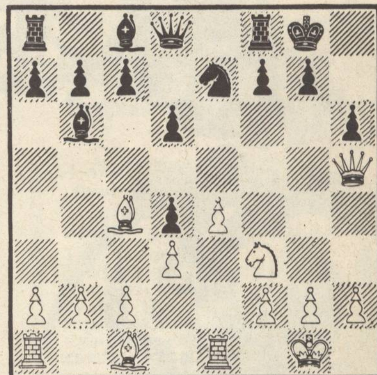
Зураб, октябренок, третьеклассник, выступил на соревнованиях отлично и получил приз журнала «Мурзилка».

К этому положению пришел поединок между Леней Гольдбергом (Тамбов) и Леней Цинисом (Кишинев). Борьба развивалась так: 1. C : f5! gf 2. Ф : f5 Фf7 3. h6 + Kpf8 4. Kh4! Ф : f5 5. K : f5 Kb8 6. K : d6 Cd7 7. b3 Ka6 8. f5 Kb4 9. g6 Kpg8 10. f6!

Черные сдались. Проходные пешки белых неудержимы.

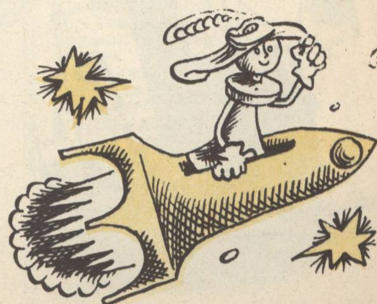
Выигравший эту партию Леня выполнил на соревновании норму первого разряда.

На этой диаграмме вы видите положение из партии между Сашей Гореликовым (Ленинград) и Ашотом Айрапетяном (г. Октемберян, Армянская ССР).

Найдите, как белые, начиная игру, осуществили разгром позиции черного короля.

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

ИГРЫ ДЕДА БУКВОЕДА

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИМЕНА

ДО-РЕ-МИ-ФА-СОЛЬ-ЛЯ-СИ-ДО!

Недавно я составлял список ребят, которые играют в нашем оркестре. Имена, отчества и фамилии нужно было писать полностью. С большим удивлением я обнаружил, что в именах музыкантов обязательно встречается какая-нибудь нота. А в имени дирижера даже две ноты.

Перед вами список имен. Впишите в каждое имя соответствующую ноту. Отдельную строку из восьми клеток заполните буквами, из которых состоит имя нашего дирижера, оно самое «музыкальное».

Ва..лиса, ..ина, Мар.., Ак..нья, ..ра, ..льва, Таи..я, ..гина, Э..лия, Спири..н, Д..трий, ..рон, Си..р, ..дей, Ра..ил, Те..нтий, ..рофей, Мак..м, ..хаил, Они..м.

М							Н

ЕРАЛАШ

Заяц выбежал в долину
И уселся на перину.

Муха лапкой лапку трет
И рычит на пароход.

Спичку Ян макнул в чернила,
И фонтаном нефть забила.

Лук ножами измельчен,
И пойдет на доски он.

Кот-мурлыка выгнул спину
И помчался грызть осину.

Пес по пристани идет
И косится на компот.

Пласт машина пробурила
И рисует крокодила.

Мастера срубили клен
И кладут его в бульон.

Заточите карандаш,
Уничтожьте ералаш,

Я приказываю вам
Всех расставить по местам!

ДЕД БУКВОЕД

КЛАД КАЩЕЯ БЕССМЕРТНОГО

Кащей Бессмертный за свою долгую жизнь скопил огромные сокровища, закопал их на холме под одной из трех сосен и поставил такое условие: «Только тому клад в руки дастся, кто узнает, под какой сосной сокровище зарыто».

А чтобы узнать это, соснам нужно задать один вопрос. Они могут на него ответить только «да» или «нет». Сосна, под которой зарыт клад, должна всегда говорить правду, а две другие — лгать.

Прошло много лет, но никто не мог придумать такого вопроса, который бы позволил добраться до кащеевых сокровищ.

Наконец узнал обо всем этом Иванушка-Дурачок. Думал он думал и додумался, что и у какой из сосен спрашивать нужно. Взял мешок и лопату, взошел на холм и спросил у левой сосны:

— Кащеев клад зарыт под среднею сосною?

— Да,— ответила сосна.

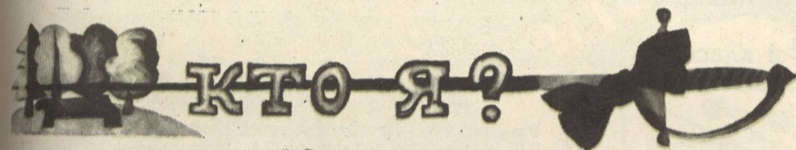
— Врешь, не обманешь! — погрозил ей Иванушка пальцем и принялся откапывать клад.

Под какой же из трех сосен были спрятаны сокровища?

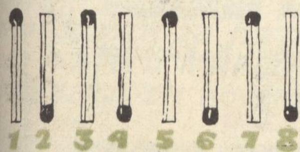
Ответственный дежурный
Никита РАЗГОВОРОВ.

Рисунки А. БОРИСОВА.

Вы хотите узнать, кто я? Догадайтесь сами. Перед вами столбик из слов. Каждое из них с помощью только одной буквы можно превратить в новое слово. Эти буквы помогут узнать вам мою профессию.

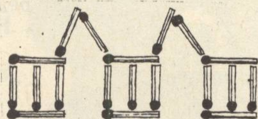
ШПАГА	ВЕНА	ПЛАЧ
ПАРК	РУБКА	КОШМА

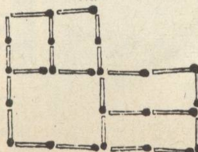
Переложите спички. Берите всегда две рядом лежащие спички и укладывайте их так, чтобы с одного края оказались четыре спички головками вверх, а с другого — четыре головками вниз.

Этого можно добиться за пять приемов.

Сколько спичек нужно убрать из этой фигуры, чтобы осталось сто?

Переложите 8 спичек, которые находятся внутри фигуры, так, чтобы фигура разделилась на четыре части, одинаковые по форме и равные по площади.

Ответы на задачи № 8

ИГРЫ ДЕДА БУКВОЕДА

Три ключа

Эти слова помогут вам открыть замки в шкатулке: 1) конфета, Пифагор, снегирь; 2) кровать, кувалда, спальня; 3) ондатра, крапива, сатирик.

ЛЕТНИЕ ЗАДАНИЯ

Улиткин секрет

Жираф узнает улиткин секрет в среду.

ЖОНГЛЕР КНОЛУ

У Кнолу получались слова:

Клоун, колун, уклон.

7:0 В ПОЛЬЗУ ОСТРОГЛАЗЫХ

На рисунках Фортуне совпадают:
1) Листик бумаги на ковре и флажок.
2) Зонтик и одно из деревьев.
3) Манишка с запонкой и окно домика.
4) Глазок на дереве и кружок в углу бассейна справа.
5) Стеклышко очков и камешек слева.
6) Треугольник слева и крыша домика.
7) Два кружка около гири и два камешка слева.

ИДЕМ ЗА ГРИБАМИ!

Какие грибы вам попались? Если масленок, рыжик, подосиновик, моховик, сморчок, волнушка, сыроежка, то вы решили задачу правильно.

Почетная клетчатая тетрадь Икса, Игрека и Зета

«Неизвестные в библиотеке» — так называлась конкурсная задача в номере 4. Ребята прислали много ответов и, самое интересное, очень много правильных. И все же у кого были самые лучшие ответы?

Трое Неизвестных заносят в свою почетную тетрадь вот эти четыре фамилии:

А. Жуков из Кировска, Донецкой области. (Он один-единственный из всех, кто не только дал правильный ответ, но и доказал его правильность.)

Наташа Савельева из Ленинска, Кзыл-Ордынской области.

Виктор Письменский из Краснодара.

А. Каменщик из Днепропетровска.

(Эти трое ребят дали несколько вариантов правильных ответов.)

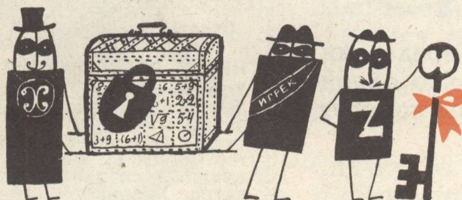
Неизвестные, кроме того, с удовольствием отмечают правильные ответы еще трех ребят. Почему, сейчас увидите:

Гоша Ирошников из Москвы (3-й класс).

Валерий Случевский из Москвы (4-й класс).

Оля Кирпяк из Ферганы (5-й класс).

Всем им отправлены почетные грамоты Икса, Игрека и Зета.

Неизвестные раскрывают свои тайны.

Ответ на конкурсную задачу из № 4

НЕИЗВЕСТНЫЕ В БИБЛИОТЕКЕ

Библиотекарь переставил книги в нужном порядке в 6 приемов.

Вот как он это делал.

Вначале тома стояли в таком порядке: 9, 8, 7, 6, 5, 4, 3, 2, 1.

Библиотекарь взял тома 7 и 8 и поставил их справа от первого тома. Теперь тома расположены так:

9 6 5 4 3 2 1 8 7 (1 перемещение).

Последующие пять перемещений показаны на этой схеме:

```
  [9 6] 5 4 3 2 I 8 7 /2/ =
= 5 4 [3 2] I 8 9 6 7 /3/ =
= 3 [2 5] 4 I 8 9 6 7 /4/ =
= 3 4 [I 2] 5 8 9 6 7 /5/ =
= I 2 3 4 5 [8 9] 6 7 /6/ =
= I 2 3 4 5 6 7 8 9.
```

СОДЕРЖАНИЕ

На обложке:

Перемена. Рисунок А. Борисова.

Главный редактор **Н. В. ИЛЬИНА.**

Художественный редактор **С. Ю. Сахарова.**

Редакционная коллегия:
Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Е. Л. Коваленко (ответственный секретарь), **Ф. В. Лемкуль, В. Ф. Матвеев** (заместитель главного редактора), **А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. И. Орлов, В. А. Поддубная, М. П. Прилежаева.**

Оформление **К. Высоцкой.**

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. 11-й этаж. Телефон 253-30-73.

Рукописи не возвращаются.

Технический редактор **В. Назарова.**

А 00164. Подписано к печати 5/VIII 1969 г. Формат бумаги 84×60 1/8. Объем 9,33 усл. печ. л. 11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 115 000 экз. Изд. № 1645. Заказ № 2037.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Упрямый крокодил

НИЛ

Расстояние между ● и ● равняется одному шагу

Жил-был крокодил,
симпатичный крокодил,
только он нечётных чисел
почему-то не любил.

Дом упрямца крокодила
в трёх шагах стоял от Нила,
но купаться крокодил
той дорогой не ходил.

Он до нильских берегов
мог дойти за пять шагов,
но и этого маршрута
избегал он почему-то.

Вот упрямец, вот чудак,
он петлял и так и сяк,
лишь бы к Нилу привело
только чётное число.

Покажите, как ходил
в Нил купаться крокодил.

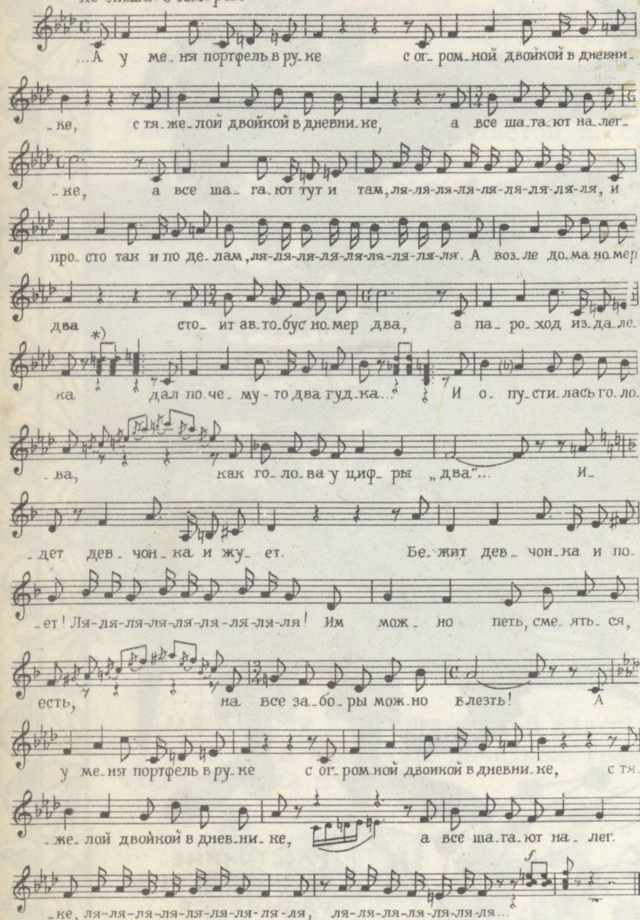

Рисунок А. БОРИСОВА.

Первая двойка

Цена 25 коп.
Индекс 70694

Слова Э. МОШКОВСКОЙ.
Музыка М. ПРОТАСОВА.

...А у меня портфель в руке
С огромной двойкой в дневнике,
С тяжелой двойкой в дневнике,
А все шагают налегке...
А все шагают
Тут и там
И просто так
И по делам,

А возле дома
Номер два
Стоит автобус
Номер два,

А пароход издалека
Дал почему-то два гудка...
И опустилась голова,
Как голова
У цифры «два»...

Идет девчонка и жует.
Бежит девчонка и поет!
Им можно петь, смеяться, есть,
На все заборы можно влезть!
А у меня
Портфель в руке
С огромной двойкой в дневнике,
С тяжелой двойкой в дневнике,
А все шагают
Налегке...